

Шунейко А. А.
Shuneyko A. A.

ПЕРВЫЕ ПЯТЬ ЛЕТ С ЧИТАТЕЛЕМ **FIRST FIVE YEARS WITH THE READERS**

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27. E-mail: shuneyko@ya.ru

Mr. Alexander A. Shuneyko – Dr.habil. of Philology, Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur, 681013. E-mail: shuneyko@ya.ru.

Пять лет – такой возраст журнала, когда подводить какие-либо серьезные итоги еще слишком рано, но в первом приближении осмыслить своё место в контексте непрерывной и полной неожиданных поворотов трансляции научной мысли – самое время.

Мир научных журналов – многомерное и в чём-то адекватное отражение науки в целом. С. Лем в труде «Сумма технологии», связывая науку с добыванием информации, указывает, что темпы её развития довольно точно характеризует количество выпускаемых научных журналов: с XVII века оно возрастает экспоненциально, каждые 15 лет общее число журналов удваивается. Это замечание гениального аналитика многократно подтверждается. Д. Прайс в книге «Наука со времен Вавилона» приводит график роста числа научных журналов: первый появился в 1665 году, в 1750 было уже 10 журналов, в 1800 – около 100, в 1850 — порядка 1000, в 1900 — 10 тысяч, а в 1965— около 100 тысяч. П. Л. Капица в сборнике «Эксперимент. Теория. Практика» обращает внимание на тесную взаимосвязь между экспоненциальным ростом числа научных журналов (удвоение каждые 10 – 15 лет) и масштабами развития научной работы в целом (увеличением количества работников и отпускаемых средства).

В этом океане научных публикаций наш журнал – малая капля – отражение общих процессов, подтверждение действия общей тенденции, свидетельство непреложности глобальных механизмов саморазвития научной мысли. Но в то же время он и локальный показательный маркер, позитивный отклик на изменения конкретной исследовательской среды. Его возникновение в самом общем виде выглядит так: к 2009 году наука в Комсомольском-на-Амуре государственном техническом университете поднялась на соответствующий уровень, у учёных появилась потребность (возможность, необходимость) что-то сказать – ректор университета (тогда) А. М. Шпилёв (ныне главный редактор) оценил уровень, осознал потребность – появился журнал. За этой компактной схемой стоит большая работа, все участники которой потрудились в полную меру своих немалых сил и, главное, не зря. Подтверждение тому – существование журнала не только как совокупности сброшюрованных страниц, на которых нечто напечатано, но как полноценного издания, где гармонично соседствуют и результаты наблюдений авторитетных исследователей, и первые опыты аспирантов, где есть место и бесспорным истинам, и полемике, где внешняя атрибутика не подменяет дискуссионной функциональности, где формальные требования не противоречат вкусовым предпочтениям.

Журналы не только отражают то, что происходит в науке, но и сами становятся деятельными участниками этих процессов, воздействуют на них с различной степенью силы и направленности. Оказавшись на страницах журнала, научные идеи пускаются в самостоятельные странствования. Меру их востребованности отражает растущий импакт-фактор нашего журнала. Политематичность журнала гарантирует ему предельно широкий круг заинтересованных читателей из различных областей знания: от философии и культурологии до высшей математики, от истории до авиационной и ракетно-космической техники, от филологии до металлургии и металловедения и далее. Важно, что широкий тематический разброс, изначально

ориентированный на разнообразие проводимых в университете исследований, не идёт в ущерб достоверности публикаций. Залог тому – высокая квалификация членов редакционной коллегии и редакционного совета, в который входят ведущие специалисты по соответствующим областям знания.

Мир научных журналов – довольно точный полифункциональный инструмент (прибор). Среди его функций трансляция информации только внешне является главной, поскольку она редко (лишь в случаях крайней степени научного нарциссизма автора) выступает в качестве самодостаточной. Едва ли не более значительной функцией представляется воспроизводство идей и научных кадров, которое предполагает постоянное стимулирование интереса и активизацию исследовательских потенциалов. Сейчас журнал уже стал крёстным отцом множеству кандидатов наук и нескольким докторам.

Сегодня журнал уверенно набирает силу: растёт уровень публикаций и уровень авторов, повышается импакт-фактор, в коммерциализованном мире журнал остаётся для авторов реально бесплатным, он представлен в РИНЦе, он входит в список журналов, рекомендованных ВАК, он скоро войдёт в Scopus. Уверен, что журналу удастся сохранить темп позитивных изменений, увеличить мобильность и нарастить мощь ровно в том количестве, в каком они необходимы для успешного функционирования издания, которое сейчас уже представляет далеко не только Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет. На его страницах постоянно публикуются материалы из различных регионов России и из-за рубежа.

Пять лет – такой возраст журнала, когда говорить о серьезных (глобальных) достижениях еще преждевременно, но поздравить журнал с первой датой необходимо. Тем более что он, несомненно, показал свою жизнеспособность, обретает своё лицо и уверенно (обоснованно) заявляет о себе как о реальном компоненте научного сообщества, способном решать высокие позитивные задачи.

Канаев Е. А., Пятачкова А. С.
E. A. Kanayev, A. S. Pyatachkova

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: СОСТОЯНИЕ, ВЫЗОВЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ¹

RUSSIA-CHINA RELATIONS: CURRENT TRENDS, CHALLENGES AND PERSPECTIVES

Канаев Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор департамента международных отношений, факультет мировой экономики и мировой политики, главный научный сотрудник Центра комплексных европейских исследований НИУ ВШЭ (Россия, Москва); 152162, г. Москва, ул. Шаболовка 31б, к. 517. E-mail: e.a.kanaev@gmail.com.

Mr. Yevgeny A. Kanayev – Dr.habil. of History, Professor, Department of International Relations, the Faculty of Global Economy and Global Politics, Chief Researcher at the Centre for Integrated European Studies, National Research University “The Higher School of Economics” (Russia, Moscow); 31b, Shabolovka Str., off, 517, Moscow, 152162. E-mail: e.a.kanaev@gmail.com.

Пятачкова Анастасия Сергеевна – стажер-исследователь МНО Центр комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ (Россия, Москва); 152162, г. Москва, ул. Шаболовка 31б, к. 501. E-mail: apyatachkova@hse.ru.

Ms. Anastasia S. Pyatachkova – intern researcher, Centre for Integrated European Studies, National Research University “The Higher School of Economics” (Russia, Moscow); 31b, Shabolovka Str., off, 501, Moscow, 152162. E-mail: apyatachkova@hse.ru.

Аннотация. В статье проанализировано современное состояние, основные вызовы и перспективы российско-китайских отношений в контексте нарастания противоречий между РФ и странами Запада. Рассматриваются факторы взаимной заинтересованности РФ и КНР в развитии сотрудничества, среди которых наиболее значимую роль играет взаимодополняемость их стратегий развития. Особое внимание уделяется изучению возможностей и рисков двустороннего сотрудничества (с учётом соглашений, подписанных в мае и октябре 2014 года). На основе представленных данных делается вывод о перспективах дальнейшего сотрудничества и даются рекомендации по возможным траекториям формирования внешнеполитической стратегии РФ в отношении КНР.

Summary. The paper offers the analysis of current trends, main challenges and perspectives of Russia-China relations in the context of rising tensions between Russia and the West. The research covers the factors of Russia-China mutual interest in bilateral cooperation, among which complementary developmental strategies play the pivotal role. Special attention is paid to the opportunities and risks of cooperation (stemming from the agreements signed in May and October 2014). The data provided allow making a forecast about the perspectives of Russia-China cooperation and give recommendations on the possible Russia's foreign policy directions.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, поворот России на Восток, Сибирь и Дальний Восток.

Key words: Russia-China Relations, Russia's Pivot to East, Siberia and Far East

УДК 327

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

В условиях нарастания противоречий между Россией и «коллективным Западом» развитие отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) является безусловным императивом российской внешней политики. Основным союзником России в АТР – Китайская Народная Республика, сотрудничество с которой является для России важным модернизационным ресурсом и инструментом реализации собственных геостратегических интересов. Нацеленность Китая на развитие отношений с Россией в рамках стратегемы «опереться на Север», представляется не менее очевидной.

Однако остаётся открытым вопрос об устойчивости этой тенденции в условиях сохранения взаимной заинтересованности России и Китая. Это особенно актуально в наступившую эпоху, не без иронии названную профессором Государственного университета Огайо Р. Швеллером «веком энтропии» в международных отношениях [5].

Факторы взаимной заинтересованности

Современные российско-китайские отношения формируются под влиянием как окружающей обе страны геостратегической обстановки, так и императивов собственно сотрудничества между двумя странами. Китай и Россию подталкивает друг к другу кризис глобальных структур миросистемного регулирования [4, 65-87] на фоне усиления роли незападных стран в мировой экономике и политике. Яркий пример тому – решение стран БРИКС создать в мировой финансовой архитектуре параллельные стабилизационные механизмы, свободные от влияния США, в частности банк развития и пул валютных резервов БРИКС, что даёт основание говорить о стремлении этих стран двигаться к снижению своей зависимости от товарных и финансовых рынков стран Запада. Формирование полицентричного мира отвечает геостратегическим приоритетам как Москвы, так и Пекина, и обе страны играют в этом процессе заметную роль.

Россия и Китай взаимно дополняют экономические возможности друг друга с точки зрения их территориального, экологического, инвестиционного и потребительского измерения. Для Китая Россия (в первую очередь Сибирь и Дальний Восток) – это крупные запасы энергетических, водных, пахотных и иных ресурсов. Китай заинтересован в их освоении, т.к. вынужден кормить и давать развиваться 21 % населения планеты, имея лишь 9 % пахотных земель, в то время как в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке не используется до 50 % земель, пригодных для сельскохозяйственных производств. На текущий момент уровень двустороннего сотрудничества «довольно низкий» и ограничивается в основной «торговлей сельскохозяйственными продуктами, развитием производств за рубежом, сотрудничеством в области трудовых ресурсов и обмена технологиями» [8]. «Грязная модернизация», проводимая в КНР в течение нескольких десятилетий, обуславливает спрос Пекина на экологически чистые производства, в числе которых водные и пахотные ресурсы РФ. Китай заинтересован в российских углеводородах, рассчитывает снизить издержки и политические риски транспортировки нефти и газа из других регионов, в том числе политически нестабильных стран Ближнего Востока. Что касается России, то для неё Китай выступает источником инвестиций и новых технологий (прежде всего в транспортной и продовольственной сферах), а также крупнейшим в мире потребительским рынком.

Выгоды и риски

На современном этапе потенциал российско-китайского сотрудничества главным образом определяется теми выгодами и рисками, которые может принести реализация соглашений, подписанных по итогам визита В. В. Путина в КНР и Ли Кэцзяна в РФ в мае и октябре, а также после встречи российского и китайского лидеров на саммите АТЭС в ноябре 2014 г.

В сфере ТЭК представление о потенциальных выгодах даёт один лишь контракт на поставку российского газа в Китай, подписанный ОАО «Газпром» и Китайской национальной нефтяной корпорацией (СНООС) [6, 83]. Контракт предполагает организацию поставок российского трубопроводного газа в Китай на сумму свыше 70 млрд долларов (55 млрд с российской стороны и порядка 20 млрд – с китайской). В результате в Зауралье появится

современная газовая инфраструктура. В Амурской области планируется строительство крупного газоперерабатывающего завода по производству сырья для газохимической промышленности. Ощутимый импульс получают такие отрасли, как металлургия, трубная промышленность, машиностроение. Сотрудничество с Китаем может подтолкнуть других партнёров России в сфере ТЭК активнее инвестировать в проекты на территории Сибири и Дальнего Востока.

В сфере транспортного машиностроения выгоды для России связаны с перспективой увеличения объёмов железнодорожных перевозок между РФ и КНР, интеграции российских железных дорог в евроазиатское транспортное пространство, активизации обмена технологиями в сфере транспорта и транспортного машиностроения, при благоприятном развитии событий – формирование нового технологического полюса современного мира.

В развитии инфраструктуры и производства строительных материалов открываются возможности более активного строительства объектов инфраструктуры России и Китая совместными усилиями двух стран, китайского участия в сибирских и дальневосточных проектах, в том числе в рамках создаваемых Минвостокразвития территорий опережающего развития (ТОР). Есть возможность активизации сотрудничества между двумя странами в комитетах и рабочих группах АТЭС в русле «наращивания взаимосвязей».

В межбанковском и инвестиционном сотрудничестве потенциальные выгоды связаны с возможностями перехода на расчёты в рублях и юанях, уменьшения времени расчётов между субъектами экономической деятельности обеих стран, снятия конвертационных издержек, ознакомления с лучшими практиками друг друга, развития сотрудничества в сфере страхования и платёжных услуг. Также важно расширение возможностей финансовых организаций для наращивания инвестиционного сотрудничества и стимулирования экономического роста, финансирования внешней торговли, межбанковского сотрудничества на рынках капитала.

Тем не менее несмотря на очевидные выгоды существуют и определённые риски. За Россией может быть закреплён статус поставщика ресурсов для Китая (если не будут реализованы высокотехнологичные проекты), возможно снижение доли высокотехнологичной продукции в общем объёме российского экспорта в КНР, вполне реальна перспектива монополизации Китаем внешнеэкономических связей ДФО.

Нельзя исключать возможности «замыкания» российской транспортной системы на Китай, конкуренции российской и китайской транспортных систем при реализации транспортных коридоров Тихий океан – Атлантический океан, а также использования в ущерб интересам России китайской стороной российских транспортных технологий для увеличения объёма китайского высокотехнологичного экспорта.

Китай может занять лидирующее положение при финансировании различных проектов – возможна конкуренция между китайскими и российскими банками и страховыми компаниями на российском рынке при сохраняющихся ограничениях доступа российских компаний на внутренний рынок КНР.

Китайские компании малого и среднего бизнеса, закрепившись в российских регионах, создадут конкурентное давление на российские компании. Вполне вероятно, что это будет происходить при отсутствии продвижения российского малого и среднего бизнеса в КНР.

В политической и военной сферах потенциал российско-китайского сотрудничества не следует переоценивать. Хотя в последнее время активно развивается сотрудничество в военной сфере (ярким примером служат учения «Мирная миссия» 2013 г.) [9], перспектива модификации договорно-правовой базы российско-китайских отношений, в частности, дополнение 9-й статьи Договора о стратегическом партнерстве и взаимодействии, подписанного КНР и Россией в 2001 г., в сторону формирования военно-политического союза, на практике выглядит едва ли осуществимой. В дискуссиях между Москвой и Пекином практически не затрагивается тема американского фактора в российско-китайских отношениях.

Отсутствие этой тематики ведёт к тому, что стороны могут неверно понимать приоритеты друг друга, совершая «политически дорогостоящие» ошибки.

В некоторых вопросах просматривается возможность эскалации противоречий между Москвой и Пекином. Один из них – политика КНР в Центральной Азии. В рамках реализации стратегии Экономического пояса Великого шелкового пути (ЭПШП) Китай финансирует строительство инфраструктурных объектов, например, за счёт китайских инвестиций отремонтированы автодороги Ош-Сарыташ-Иркештам и Бишкек-Торугарт (Кыргызстан), построены тоннели Шахристан, Чормагзак (Таджикистан). Это может привести к негативным геополитическим последствиям для России, например, к появлению дополнительных препятствий для продвижения проектов в рамках ЕАЭС. Приобретение Китаем у центральноазиатских государств на выгодных для себя условиях углеводородов используется им в качестве аргумента при обсуждении с Россией цены на её энергоресурсы, давая Пекину дополнительные преимущества на переговорах с Москвой.

До недавнего времени, призывая к реализации проекта Экономический пояс Великого шёлкового пути, Китай активно продвигал идею о его преимуществах над другими интеграционными проектами, в том числе Таможенным союзом. В последнее время проект претерпел некоторые изменения, хотя в содержательном плане концепция его развития остаётся пока на стадии формирования. После того как Си Цзиньпин озвучил «шёлковую инициативу», ключевым изменением её содержания стала возможность включения России, по крайней мере на уровне риторики, в реализацию данного проекта. Скорее всего, это связано с итогами майской встречи В. Путина и Си Цзиньпина, где стороны в совместном заявлении отметили, что продолжат поиск путей возможного сопряжения проекта «Экономического пояса Великого шёлкового пути» и создаваемого Евразийского экономического союза» [прим. 1]. После этого многие российские проекты с участием китайских инвестиций (реконструкция Транссиба, развитие портовой инфраструктуры на Дальнем Востоке и т.д.) на официальном и экспертном уровнях (и в России, и в Китае) начали декларироваться как составные части ЭПШП. Однако вопрос о возможности практической увязки конкретных проектов в рамках Евразийского союза и Экономического пояса Великого шёлкового пути будет сохранять актуальность ещё долгое время.

Отдельное направление российско-китайского сотрудничества – привлечение КНР к развитию сибирских и дальневосточных территорий РФ. Китай может выступить в качестве «экспортера модели развития», под которой подразумевается его опыт по формированию Особых экономических зон (ОЭЗ) для ТОР на российском Дальнем Востоке. Китайский опыт формирования ОЭЗ интегрирует наработки таких новых промышленных экономик, как Тайвань, Гонконг и Сингапур, с точки зрения привлечения инвестиций, технологий и подготовки квалифицированных кадров. Поучиться у такого партнера, перенять отработанные им практики для Министерства РФ по развитию Дальнего Востока было бы явно не лишним.

Это взаимодействие также может развиваться посредством активизации сотрудничества на региональном уровне, в частности в рамках Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока Китая на период с 2009 до 2018 г. [прим. 2], а также проекта «Волга-Янцзы».

Перспективы и рекомендации

Перспективы российско-китайских отношений в значительной степени будут определяться готовностью сторон координировать собственные планы развития. Выделим ряд направлений китайской внешнеполитической стратегии, активизация которых представляется вероятной.

Китай продолжит реализацию стратегии Экономический пояс Великого шелкового пути, нацеленной на создание сухопутных и морских трансрегиональных транспортных коридоров и на их протяженности – зон экономического роста. Ставка будет делаться на готовность инвестировать в капиталоемкие инфраструктурные проекты с «прицелом» на создание благоприятных условий для выхода на рынки этих стран.

Китай будет выстраивать «отношения нового типа» с США, нацеленные на то, чтобы вывести экономическое сотрудничество за рамки политических разногласий. Пекин и Вашингтон будут продолжать считать друг друга наиболее значимыми глобальными партнерами, не исключая при этом конкуренции политических интересов. Высока вероятность роста китайских инвестиций в американские производственные активы, расширения поставок американских невоенных технологий в Китай, развития механизмов китайско-американского технологического партнерства, а нежелание Китая участвовать в экономическом взаимодействии по американским правилам будет проявляться всё более отчётливо.

Одновременно можно ожидать нарастания расхождений в оценках Пекина и Вашингтона эволюции угроз региональной безопасности, прежде всего проблемы Южно-Китайского моря. В таких условиях Китай будет и дальше продвигать мысль о том, что безопасность в АТР должна поддерживаться самими азиатскими странами. В этом будет просматриваться растущее стремление Китая снизить роль системы американских военно-политических альянсов в обеспечении региональной безопасности.

Китай продолжит укреплять своё лидерство в многосторонних финансовых институтах. Акцент будет ставиться на Азиатском банке инфраструктурных инвестиций и Банке развития БРИКС, которые Пекин стремится повернуть на финансирование инфраструктурных проектов в развивающихся странах, идя тем самым на конкуренцию с малоэффективными, по мнению китайского руководства, Всемирным банком и Азиатским банком развития.

На глобальном уровне Китай продолжит позиционировать себя как «большое развивающееся государство», не стремящееся к ревизии нынешнего мирового порядка. Логичнее ожидать попыток Китая модернизировать уже существующие институты и многосторонние площадки таким образом, чтобы сделать их инструментами китайского влияния.

В таких условиях интересам России отвечает проведение следующих шагов. Прежде всего, выстраивая отношения с Китаем, не предпринимать действий, способных привести к консолидации нынешнего геостратегического противостояния с Западом и его последующей институционализации. С этой точки зрения желательно включить в повестку российско-китайского диалога американскую тематику. Влияние США в современном мире и в АТР таково, что без учёта их фактора выстраивание сотрудничества между Россией и Китаем на устойчивой и долгосрочной основе маловероятно.

Не менее важно для России координировать с КНР развитие собственной транспортной стратегии. Чтобы снять подозрения по вопросу о сопрягаемости российского и китайского транспортных проектов (особенно в Центральной Азии) своевременным шагом может стать выработка «Дорожной карты сопряжения Евразийского союза и Экономического пояса Великого шёлкового пути».

России целесообразно развивать транспортное сотрудничество с Китаем в контексте укрепления региональной взаимосвязанности, тем более что Китай рассматривал именно это направление сотрудничества в АТЭС как приоритетное в год своего председательства. Россия уже приступила к разработке темы наращивания взаимосвязей на экспертном уровне, и в год своего председательства в АТЭС сделала одним из пунктов своей повестки развитие надёжных и рентабельных транспортно-логистических цепочек.

Перспективным направлением совместных усилий Москвы и Пекина может стать создание новых механизмов и освоение новых направлений финансового сотрудничества. России важно совместно с Китаем укреплять Банк развития БРИКС, чья политика нацелена не на конкуренцию с глобальными институтами финансового регулирования, а на поддержку мировой финансовой системы. Также целесообразно расширять использование рубля и юаня во взаимной торговле. Доля расчётов в национальных валютах между двумя странами пока незначительна, но она будет расти после подписания в октябре 2014 г. Банком России и Народным банком Китая соглашения о свопе в национальных валютах.

Отношения с Китаем Россия должна выстраивать с пониманием того, что он для неё партнёр, вне всяких сомнений, очень важный, но не безальтернативный. В этой связи России

необходимо наращивать сотрудничество с Японией, Южной Кореей, странами АСЕАН, другими партнерами, предлагая им проекты долгосрочного и взаимовыгодного взаимодействия, прежде всего на территории Сибири и Дальнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. К Великому Океану-2, или российский рынок к Азии / И. А. Макаров, О. Н. Барабанов, Т. В. Бордачев, Е. А. Канаев, В. Л., В. А. Рыжков, С. А. Караганов. – М.: Международный Дискуссионный клуб «Валдай», 2014. – С. 84.
2. Караганов, С. А. Россия-США: долгое противостояние? // Россия в глобальной политике. – 2014. – № 4. – С. 76-85.
4. Mankoff, J. Russia's Asia Pivot: Confrontation or Cooperation? // Asia Policy, number 19 (January 2015). – P. 65-87.
5. Schweller, R. L. The Age of Entropy. Foreign Affairs. 16.06.2014. – Режим доступа: <http://www.foreignaffairs.com/articles/141568/randall-l-schweller/the-age-of-entropy>.
6. Weits, R. The Russia-China gas deal // World Affairs, September 1, 2014. – P.83
8. Ли, Цзяньминь. Развитие российско-китайского сотрудничества в области сельского хозяйства (李建民 . 中俄 罗斯农业合作新论// 欧亚经济》2015 年 第 1 期). Режим доступа: <http://euroasia.cass.cn/news/749239.htm>.
9. Китай и Россия ускоряют углубление стратегического партнерства // Всемирный Центр исследований Агентства Синьхуа (中俄加速深化战略伙伴关系). – Режим доступа: <http://www.nfyk.com/gjgc/ShowArticle.asp?ArticleID=5149>.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока Китая на период с 2009 до 2018 г.
2. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 года // http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642.

Золотова Т. В., Петрунина М. В.
T. V. Zolotova, M. V. Petrunina

ИСТОРИЯ БОРЬБЫ С ПИРАТСТВОМ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР В РОССИИ

THE HISTORY OF COMBATING PIRACY IN THE AREA OF COMPUTER GAMES IN RUSSIA

Золотова Татьяна Валерьяновна – доктор физико-математических наук, доцент, профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, Москва). E-mail: tgold11@mail.ru.

Ms. Tatyana V. Zolotova – Dr.habil. of Physics and Mathematics, Associate Professor, Professor, the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia, Moscow). E-mail: tgold11@mail.ru.

Петрунина Маргарита Владимировна – бакалавр факультета бизнеса и менеджмента школы Бизнес-информатики Высшей школы экономики (Россия, Москва). E-mail: margonat@mail.ru.

Ms. Margarita V. Petrunina – Bachelor of Business and Management, Department of the Business Computing, the Higher School of Economics (Russia, Moscow). E-mail: margonat@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются этапы развития компьютерной индустрии, восприятие данного рынка российским обществом, проходящим через такое явление, как «пиратство». Влияние кризиса 1990-х гг. на развитие данного рынка в России.

Summary. The paper considers the stages of computer industry development and its market perception by the Russian society, which has been marked by the “piracy” phenomenon; another focus of the paper is the crisis impact of the 1990ies upon the development of this market in Russia.

Ключевые слова: демографические проблемы, Россия, компьютерная индустрия, пиратство.

Key words: demographic challenges, Russia, computer industry, piracy.

УДК 304

Начало формирования рынка

История компьютерных игр берет свое начало с 1947 г., когда американские физики Томас Т. Голдсмит-мл. и Эстл Рей Манн создали ракетный симулятор, известный как самая ранняя версия интерактивных электронных игр на электронно-лучевой трубке. Патент на игру был получен 14 декабря 1948 г. С того времени каждый год ознаменовывался прогрессом в развитии компьютерной индустрии. В первое время компьютерные игры создавались для тестирования и обучения персонала, работа которого требовала повышенного внимания [2, 280]. В 1951 г. появились первые полноценные компьютерные игры, такие как «крестики-нолики», «Tennis for Two». Сегодня игры – это не только способ хорошо провести время или заработать. На создание игр уходят силы, умения и фантазия нескольких команд специалистов, работающих как над разработкой, так и над продвижением проекта. В настоящее время

качественный средний проект может стоить около \$ 500 тыс., на Западе же цена проекта может доходить до \$ 4 – 5 млн [3, 45].

Игровая индустрия США развивалась стремительно, модифицируя и создавая компьютеры, приставки и стимулируя творчество разработчиков. В России этот процесс проходил иначе. Причины застоя можно связать с нестабильной экономической обстановкой в стране, а также с объективными историческими факторами. Первые игры попали в СССР в 1980-х гг. вместе с первыми компьютерами, и их распространение носило некоммерческий характер. В СССР процветало явление, называемое сегодня «пиратством»: игры свободно копировались и передавались бесплатно с использованием существующих в то время носителей информации, таких как дискеты или компактные кассеты. Контрафактные носители по внешним признакам существенно отличались от легальных образцов. Постепенно компьютерное пиратство превратилось в одну из проблем, тормозящих развитие отечественной индустрии программного обеспечения [1, 26].

Специалисты связывают появление компьютерного пиратства с несколькими причинами, среди которых на первом месте – экономические. Немаловажными являются и возможность привлечения для производства и реализации компьютерной (информационной) контрафактной продукции лиц, не имеющих специальной подготовки и образования; на фоне недостатков изучения вопроса производства проявление широких возможностей распространения и оборота компьютерной (информационной) интеллектуальной собственности; недостаточное внимание к борьбе с компьютерной (информационной) контрафактной деятельностью преступных групп со стороны органов государственной власти и, как следствие, несоответствие уровня наказания совершенному деянию [4, 27].

Через три года после представления компанией IBM компьютера IBM PC в СССР была выпущена игра, ставшая популярной как в Советском Союзе, так и за рубежом – легендарный «Тетрис». Данная игра была выполнена в ходе решения рабочей задачи ВЦ АН СССР и получила широкую известность после портирования на IBM PC.

Игровая индустрия в России начала развиваться только в 1990-х гг. Контент был пиратским более чем на 90 %, причем это касалось как персональных компьютеров (ПК), так и консолей. Компании, занимающиеся распространением игр в России, ввозили лицензии поштучно. Данный вид бизнеса был неприбылен, лицензионное программное обеспечение (и игры в том числе) не пользовалось спросом, а его продажа носила вспомогательный характер для основного бизнеса, заключавшегося в торговле ПК и оргтехникой.

Созданием игр в России занимались несколько групп разработчиков. Широкую популярность получили игра «Перестройка» (выпущена в 1990 г.), Color Lines (выпущена в 1992 г.), а следом появилась известная игра «Приключения братьев пилотов – по следам полосатого слона», созданная по мотивам мультипликационного фильма.

Расцвет и закат пиратской империи

Европейские специалисты не рассматривали российский рынок в качестве торговой площадки для игр. Поэтому в России в 1990-е гг. на фоне расцвета пиратства проходил рост рынка компьютерной техники. Продавцы старались придать своим дискам «легальный» вид с помощью полиграфической печати на пластиковых боксах для дисков, включавшей краткое описание игр. Несмотря на то, что внешний вид пиратских подделок незначительно отличался от оригинальной продукции (а выявить это было довольно сложно), потребители продолжали копировать игры дома совершенно бесплатно при помощи дискет. Зарубежные производители игр стремились защитить свои продукты от нелегального распространения различными способами, в числе которых следует отметить всплывающий вопрос, который возникал в процессе установки или же непосредственно во время прохождения. Продолжить можно было только при условии ввода правильного ответа, однако отечественные геймеры легко обходили подобные системы защиты.

В середине 1990-х гг. пиратский рынок получил мощный драйвер роста в связи с падением цен на компакт-диски и мультимедийное оборудование, что привело к мгновенному

увеличению количества точек продаж пиратских игр. У пользователей пропала возможность свободно тиражировать игры, как во времена дискет, т.к. соответствующее оборудование и болванки для рядового потребителя стоили непомерно дорого.

Одновременно в России началась борьба с пиратством, инициированная самими разработчиками. Властями были организованы рейды, в том числе и по самым популярным пиратским местам в Москве: Митинскому рынку и Горбушке. Эти процессы повлияли на сокращение российских игр на рынке и в то же время не смогли защитить интересы европейских разработчиков. Среди немногих отечественных проектов можно отметить игру «Твиггер» (Nikita Online), «Русская рулетка» (компания «Бука»), «Подземелья Кремля» (NewCom).

Очередная волна борьбы с пиратством в России началась в 1997 г. Во вновь созданную Ассоциацию по борьбе с компьютерным пиратством вошли несколько российских компаний-разработчиков и издателей игр. Ассоциация тесно сотрудничала с МВД в вопросах уничтожения нелегального контента.

Ситуация на рынке игр сильно изменилась в связи с резким повышением курса доллара в 1998 г. Кризис сделал нерентабельной продажу лицензионных западных разработок, что заставило иностранных производителей пересмотреть политику ценообразования на российском рынке. В итоге было найдено решение, получившее название jewel case. Диски имели цену, примерно равную пиратской копии, но пользователь был уверен, что приобретает легальный продукт, который обеспечен поддержкой производителя, гарантией качества и защищен от вирусов. Такие компакт-диски проходили по тем же каналам сбыта, что и контрафактная продукция, что расширяло охват потенциальной аудитории. По мере роста каталога игр и расширения сети сбыта цены на лицензионный контент повысились издателями с \$ 2 – 3 до \$ 20 – 30 в 2008 г.

В дальнейшем практически все российские и западные игровые компании использовали бюджетные решения для стимулирования продаж лицензионной продукции. Считается, что именно кризис 1998 г. стал катализатором развития цивилизованного рынка игр в России. Однако в нашей стране информационное пиратство продолжает оставаться одним из основных источников добычи контента. Копирование CD-дисков заменено пиратскими Интернет-ресурсами, где любые данные (игры, музыка, фильмы, софт) доступны для бесплатного скачивания, что нарушает авторские и смежные права правообладателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зражевская, Т. Д. Компьютерное пиратство и основные методы борьбы с ним / Т. Д. Зражевская // Вестник Воронежского института МВД России. – 2007. – № 1. – С. 26-30.
2. Белянцев, А. Е. Образ страны через компьютерную игру: историко-политический аспект / А. Е. Белянцев, И. З. Герштейн // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 6. – С. 279-283.
3. Калимулина, О. В. Особенности рынка компьютерных игр / О. В. Калимулина // Российский внешнеэкономический вестник. – 2010. – № 5. – С. 45- 51.
4. Гурьянов, К. В. Компьютерное пиратство: причины и условия существования / К. В. Гурьянов // Информационная безопасность регионов. – 2007. – № 1. – С. 20-27.

Киреев А. А.
A. A. Kireev

ИЗМЕНЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

CHINA'S POPULATION POLICY CHANGES

Киреев Алексей Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск). E-mail: kir-blaga@mail.ru.

Mr. Alexey A. Kireev – Dr.habil. of Historical Studies, Professor, Department of World History, Philosophy and Cultural Studies, city of Blagoveshchensk State Pedagogical University (Russia, Blagoveshchensk). E-mail: kir-blaga@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в регулировании демографии в Китае с приходом нового руководства и началом очередного этапа экономических реформ. Дается анализ влияния демографических проблем на экономическое и политическое развитие Китая.

Summary. The paper describes changes in the management of demographic issues in China since the arrival of the new administration and the beginning of the next stage of economic reforms. I provide the analysis of how demography problems affect the economic and political development of China.

Ключевые слова: демографические проблемы, Китай, «одна семья – один ребенок», экономические реформы.

Key words: demographic challenges, China, «one family, one child», economic reforms.

УДК 327.2

Демография являлась одним из факторов, который породил китайское экономическое чудо. По мысли китайских реформаторов большое количество населения страны это практически безграничный рынок дешевой рабочей силы и емкий рынок потребления. В период 1980-х – 1990-х гг. в Китае сложилось идеальное соотношение стариков и детей и граждан в трудоспособном возрасте [8]. Это состояние и явилось демографической основой экономического роста.

В то же время, в 1978 г., Политбюро КПК объявила о начале политики «одна семья – один ребенок». Целью ее было облегчить социальные, экономические и экологические проблемы, которые возникли в результате стремительного роста населения.

В результате на свет не появилось более 250 миллионов детей за период между 1980 и 2000 годами и состоялось 400 миллионов абортс с 1979 по 2011 гг. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР), который для сохранения стабильного населения должен находиться на уровне 2,1, в Китае составлял от 1,4 до 1,5 в течение последнего десятилетия (для сравнения в 1980 г. СКР составлял 2,3, а в 1950 г. 5,8). Показатели Китая оказались намного ниже, чем во многих развитых странах - США (2,07), Великобритании (1,83) и Франции (1,97), но рядом со странами с низким уровнем рождаемости - Японией (1,31), Кореей (1,29) и Германией (1,36). Рост населения Китая продолжает стремительно замедляться - в 2011 г. прирост составил 0,48 %, а на 1 января 2015 года – 0,49 % [4]. Коэффициент рождаемости снизился до 11,9 на тысячу в 2011 г., а смертность выросла до 0,72 на тысячу в 2012 г. [10].

Рост населения продолжается, хотя и медленными темпами, и достигнет своего пика в 2030 г. на отметке 1,4 млрд, а после начнет резко сокращаться [1]. Китайское население быстро стареет: три десятилетия назад средний возраст составлял 22,4 года, а сейчас – 34,5 года [6]. Это меньше, чем в развитых странах, но больше, чем в развивающихся. По прогнозам к 2050 г. средний возраст населения Китая вырастет до 53,4.

Возрастная структура Китая ухудшается: в 2011 г. 9,1 % китайцев были в возрасте 65 лет и старше, в 2000 г. – 7 %, а в 1980 стариков было всего 5,2 %. Доля молодежи до 14 лет – снизилась до 16,5 % в 2011 г., с 22,9 % в 2000 г. и 35,5 % в 1980 г. Доля пожилых людей будет возрастать, а молодежи – снижаться. Это означает, что через 40 лет на одного пенсионера придется всего два работника, а не девять, как сейчас. Каждый единственный ребенок вынужден будет поддерживать двух родителей и четырех бабушек и дедушек, что станет слишком большим бременем.

2011 год стал последним, когда доля населения в трудоспособном возрасте росла. Далее она сокращалась и этот процесс будет продолжаться, вызывая сокращение роста ВВП. К 2016 – 2020 годам снижение населения трудоспособного возраста приведет к росту количества иждивенцев. Учитывая, что ВВП уже начал снижаться, это будет создавать дополнительное давление на экономику. Главный экономист исследовательского центра финансовой группы Nomura Ричард Ку, считает, что демография перестала быть для экономического роста Китая позитивным фактором [9].

Рост потребления, который дал Китаю мощный импульс к росту, сходит на нет, и стране придется пересмотреть свою политику в области демографии. Китайцам нужно разрешить рожать больше детей: это снизит традиционно высокую в китайской экономике норму сбережений и подстегнет потребление – именно этого новые власти страны и добиваются [3].

За все время воплощения в жизнь программы «одна семья – один ребенок» она претерпела изменения. Первоначально она запрещала иметь второго ребенка всем семьям, а если он родился, то на семью накладывали штраф. Городским жителям сейчас разрешено иметь второго ребенка, если оба родителя – единственные дети в семье. В сельских семьях разрешается заводить второго ребенка, если первенцем оказалась девочка. В некоторых провинциях сельским семьям можно иметь двух детей, если один из родителей – единственный ребенок в семье. Представителям этнических меньшинств разрешено иметь двух детей, а в некоторых случаях – больше. Семьи, которые имеют больше детей, чем позволяет политика правительства, вынуждены платить штраф. Размер его варьируется по всей стране, но, как правило, он составляет от двух до шести годовых доходов семьи.

Изменение демографической политики может дать Китаю дополнительный источник роста. Об этом заговорили в связи со сменой руководства в КПК и началом нового этапа социально-экономических реформ. За неделю до начала партийного съезда в октябре 2012 г. государственные СМИ подробно осветили предложения близкого к правительству Фонда исследований развития Китая к 2015 г. разрешить всем семьям иметь по два ребенка, а к 2020 г. – полностью отменить ограничения на количество детей в семье [7].

В ноябре 2013 г. состоялся третий пленум компартии, на котором было принято постановление ЦК о всестороннем углублении реформ. По вопросу демографической политики в нем говорилось, что Китай будет придерживаться основ национальной политики в сфере планового деторождения, разрешит супругам, один из которых является единственным ребенком в семье, рожать по двое детей. Будет осуществляться последовательное совершенствование политики в сфере деторождения, чтобы содействовать долгосрочному и сбалансированному развитию населения [2].

Эти новости были позитивно встречены китайским рынком, акции резко выросли в цене. По оценкам экономистов, 48 % городских семей детородного возраста могли бы извлечь выгоду из предстоящих реформ. Даже если 25 % из них заведут второго ребенка, то население Китая вырастет на 9,5 млн человек.

Однако реальность не совпадает с ожиданиями. Китайское общество претерпело определенные изменения. Традиции до сих пор сильны. Так, китайские семьи предпочитают рожать мальчиков. Это привело к гендерному дисбалансу: на данный момент мужчин в стране на 20 млн больше, чем женщин. К 2020 г. этот разрыв достигнет 24 млн человек.

Китайская молодежь изменяет подходы к жизни. На первый план выходят вполне житейские прагматичные ценности. Поэтому в качестве причин нежелания рожать ребенка

большинство опрошенных называют «слишком высокие экономические издержки» и то, что «много времени требуется на воспитание» [5]. Неудивительно, что из 700 тысяч супружеских пар, имеющих право на второго ребенка, заявление на расширение семьи подали менее 25 %.

Китайские семьи вкладывают большие деньги в образование детей. Растет и уровень благосостояния, что вызывает увеличение расходов. В результате рождение ребенка превращается в настоящий «бизнес-проект». Это снижает ожидания от быстрого роста рождаемости. Математические выкладки наталкиваются на преграду нового «городского» менталитета.

Экономика страны не нуждается в большой массе низкоквалифицированной рабочей силы. Для качественного нового экономического и технологического рывка необходимо повысить долю высокообразованного и высококвалифицированного населения. Именно здесь и ощущается большой недостаток в рабочих кадрах.

КНР отстает и по темпам роста производительности труда, которая в 10 раз ниже, чем в США, и в 3 раза ниже, чем в России. Для создания собственных конкурентоспособных производств и вывода экономики на качественно новый уровень власти КНР будут вынуждены вкладывать больше средств в образовательные программы, а также налаживать технологическое сотрудничество с развитым миром. Под вопросом остается насколько это образование будет доступным для китайских семей с низким достатком. Богатые семьи предпочитают посылать детей учиться за границу. Подобные проблемы имеют прямое отношение к демографии и социальной политике.

Демографическая ситуация в современном Китае демонстрирует то, какие результаты могут получиться при чрезмерном регулировании социальной политики. Экономические реформы принесли благосостояние многим китайцам, но породили большие ожидания от непрекращающегося экономического роста. Китай оказался в ситуации, когда современное общество не требует много детей из-за больших издержек и стремления родителей дать потомству самое лучшее. Одновременно продолжение экономического роста зависит от увеличения спроса и сокращения расходов государства. Именно эту проблему пытается решить новое руководство Китая, изменяя экономическую и демографическую политику. От успеха преобразований зависит, насколько обоснованы претензии Пекина на экономическое и политическое лидерство в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад ООН: к 2030 году все население Китая будет отнесено к среднему классу. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31516/7590124.html>.
2. Китай начнет реализацию новой политики в сфере планового деторождения. Режим доступа: http://russian.news.cn/china/2013-11/16/c_132892576.htm.
3. Китайцам разрешат иметь много детей, чтобы подстегнуть экономический рост. Режим доступа: <http://www.finmarket.ru/main/article/3421008>.
4. Население Китая. Режим доступа: <http://countrymeters.info/ru/China>.
5. Одна семья – один ребенок. Наглядные результаты демографической политики Китая. Режим доступа: <http://lenta.ru/photo/2015/02/03/babyonfire/#5>.
6. Продолжительность жизни в Китае. Режим доступа: <http://dibit.ru/statistics/who/chn/lifespan.html>.
7. Социологические исследования Фонда развития Китая против политики «одного ребенка» // Социология в сети. 02.12.2012. Режим доступа: <http://sociology.net.ru/family/sotsiologicheskie-issledovaniya-fonda-razvitiya-kitaya-protiv-politiki-odnogo-rebenka>.
8. Morgan Stanley: темпы роста экономики Китая скоро понизятся // 07.10.2013. Режим доступа: <http://www.newsru.com/finance/07oct2013/cnmsfrcst.html>.
9. Why China's Leaders Know There's A Storm Ahead // ZeroHedge. Режим доступа: <http://www.zerohedge.com/news/2013-07-27/why-chinas-leaders-know-theres-storm-ahead>.
10. World Development Indicators (WDI), September 2014. Режим доступа: <http://knoema.ru/atlas/Китай/Коэффициент смертности>.

Абабкова Н. Н.
N. N. Ababkova

**ВКЛАД ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ СОЮЗА ТЕАТРАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ
В РЕШЕНИЕ КАДРОВОГО ВОПРОСА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ**

**CONTRIBUTIONS OF THE FAR EASTERN BRANCHES OF THE UNION
OF THEATRICAL STAGE EMPLOYEES TO THE SOLUTION OF EMPLOYMENT
PROBLEMS DURING THE PERESTROIKA**

Абабкова Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27, 89141690995. E-mail: Ababkova70@mail.ru

Ms. Natalia N. Ababkova - PhD in History, Senior Lecturer, Department of History and Archival studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur): 27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681000; +7 (914) 1690995. E-mail: Ababkova70@mail.ru

Аннотация. В статье исследована роль дальневосточных отделений СТД в условиях общественно-политических изменений. Проанализирована их работа по активизации деятельности дальневосточных театров и решению кадрового вопроса во второй половине 80-х гг. XX в.

Summary. The paper describes the role of the Far Eastern Branches of the Union of Theatrical Stage Employees of Russia in the social and political context of the early Perestroika. I analyze their work aimed at livening up the life of theaters in the Far East and solving personnel problems in the second half of 1980ies.

Ключевые слова: театр, перестройка, Союз театральных деятелей, репертуар, идеологическая работа, театральная интеллигенция.

Key words: theater, Perestroika, the Union of Theatrical Stage Employees, repertoire, ideological activity, theatrical intelligentsia.

УДК 94 (470) (571.6)

Работа дальневосточных театров в середине 1980-х гг. мало чем отличалась друг от друга. Тем не менее в каждом коллективе сохранялась специфика, определяемая творчеством и гражданской позицией людей, работавших в нем. Личностный фактор во все времена играл важную роль в жизни театра. В условиях начавшейся перестройки дальневосточная театральная интеллигенция стала проводником новых идеологических веяний, поэтому острой оставалась проблема приглашения и привлечения ведущих специалистов к работе в дальневосточных театрах. Коллегией управления культуры Хабаровского края неоднократно отмечались существенные недостатки в работе театров по кадровому вопросу. Указывалось на инертность и отсутствие инициативы в решении данной проблемы со стороны руководства театров. В связи с этим большое значение в дальневосточных театрах стало отводиться решению проблемы кадров.

Существенную помощь в повышении профессионального уровня коллектива дальневосточных театров внесли дальневосточные отделения Союза театральных деятелей (СТД). До 1986 г. СТД именовался как ВТО (Всероссийское театральное общество), созданное еще в 1932 г. на основе постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» [1, 14]. За весь период работы СТД цели и ключевые аспекты его деятельности остались практически неизменными [2, 36]. В середине 1980-х гг. значимым в работе СТД оставалась пропаганда советского искусства, контроль за репертуарной и гастрольной политикой, а также решение кадрового вопроса с учетом изменений, происходивших в нашей стране. При участии Приморского СТД в 1986 г. в творческих командировках побывали за-

служенный артист РСФСР А.В. Бугреев (г. Ленинград), актриса Приморского краевого драматического театра им. М. Горького А. А. Ильясова (г. Москва), актриса приморского ТЮЗа Е.А. Пенькова (г. Красноярск), заведующая парикмахерским цехом Уссурийского драматического театра Г.Г. Черненко (г. Хабаровск). Практиковались выезды театральных деятелей на занятия, творческие лаборатории. Так, в 1986 г. главный режиссер Приморского краевого драматического театра им. М. Горького Е.С. Звеняцкий работал в Ленинградской творческой лаборатории им. Товстоногова. Педагог Приморского ТЮЗа Г.В. Радаева участвовала в лаборатории педагогов детских театров, проходившей в том же году в г. Ярославле. Творческие лаборатории проводились и в Дальневосточном регионе. Так, во второй половине 1980-х гг. в Приморском крае проводилась лаборатория по пластике, лаборатория по обсуждению текущих вопросов, связанных с изменениями социально-экономической ситуации в стране. Секция организаторов театрального дела подготовила обучающую программу по переходу театров на новые условия финансирования и изучению нормативных документов, определявших правовое положение художника в театре. Различные вопросы, связанные с работой театральных учреждений, решались на семинарах, проводившихся как в дальневосточном регионе, так и за его пределами. Декан театрального факультета ДВПИИ С.З. Гришко стала участницей семинара режиссеров массовых представлений, проходившего в г. Хабаровске. Директор Приморского ТЮЗа А.С. Кручинина и актер Уссурийского драматического театра, уполномоченный СТД К.В. Рихтер, посетили работу семинара по социологии и организационной деятельности театра (г. Хабаровск) [3, 9]. В конце 1980-х гг. при поддержке СТД стали регулярно проводиться творческие конференции, целью которых было обсуждение актуальных проблем театрального дела. В 1989 г. во Владивостоке состоялась зональная режиссерская конференция «Проблемы режиссерской периферии», объединившая режиссеров из Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Благовещенска, Южно-Сахалинска, Петропавловска-Камчатского, Улан-Удэ. В том же году совместно с Хабаровскими критиками во Владивостоке прошла творческая конференция «Город, театр, драматургия» [3, 88].

Практика выездных творческих командировок членов театральных коллективов имела очень важное значение для расширения творческого кругозора работников театральной сферы, повышения профессионального уровня, налаживания сотрудничества и обмена опытом с театрами других регионов страны.

Значимое место в работе дальневосточных отделений СТД отводилось поддержке молодых театральных талантов. Регулярно проводились конкурсы авторских работ, победители которых награждались творческими путевками в столичные театры и денежными премиями. Итогом подобного конкурса, проведенного в 1989 г. в г. Владивостоке, стало вручение А. Бажину творческой путевки за победу и поездка в г. Москву. Студенты IV курса ДВПИИ А. Мельничук и О. Кручина получили поощрительные премии в размере 50 рублей [3, 88].

СТД были созданы фонды материальной помощи, средства которых направлялись ветеранам театрального искусства региона.

Однако, несмотря на наличие в театрах на юге Дальнего Востока ярких, талантливых актеров и режиссеров, активную позицию СТД, кадровый вопрос представлялся сложным для положительного решения. Дальневосточным театрам не хватало молодых талантливых актеров, которые не были бы связаны с советскими идеологическими установками и не боялись революционно подходить к решению творческих задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цыц, В. С. Союзы творческой интеллигенции в идеологической системе советского государства (на примере хабаровского отделения Всероссийского театрального общества) / В. С. Цыц // Ученые записки КнаГТУ. Науки о человеке, обществе и культуре. – Комсомольск-на-Амуре: КнаГТУ, 2011. – №II-2(6). – С. 14.
2. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 126.
3. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-1491. Оп. 1. Д. 171.

Родригес А. М.
A. M. Rodrigues

ПРОТЕСТНЫЕ ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОКЕ (XIX – НАЧАЛО XX в.): СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

THE PROTEST MOVEMENTS IN THE EAST (XIX – EARLY XX-TH CENT.): THE SOCIAL AND CULTURED PHENOMENON

Родригес Александр Мануэльевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Московского государственного педагогического университета (Россия, Москва); 141700, г. Московская область, Долгопрудный, ул. Советская, д. 5, кв. 26; 8 (495) 4088040. E-mail: rodrigues@mail.mipt.ru.
Mr. Alexander M. Rodrigues – doctor of History, Professor of the Department of Modern and Contemporary History. Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow); 141700, Moscow Region, Town of Dolgoprudny, 5 Sovetskaya st., ap. 26; 8 (495) 4088040. E-mail: rodrigues@mail.mipt.ru.

Аннотация. Статья посвящена характеру, причинам, внутренним связям и последствиям стихийных движений в феодальных странах Востока в колониальный период.

Summary. The paper explores the reasons character and consequences of the elemental movements in the eastern feudal states during their colonial period.

Ключевые слова: бунт, восстание, революция, угнетённые массы, колониализм.

Key words: rebellion, insurrection, revolution, oppressed masses, colonization.

УДК 93

Фоном и в известном смысле школой будущего национально-освободительного движения были крестьянские восстания. Они вызвали сочувствие городских слоев присущей им антифеодальной и антииностранной направленностью, демонстрируя бесперспективность средневековых методов борьбы с организованными правительственными войсками и хорошо вооружённой армией европейских колонизаторов. Восстания были реакцией крестьянства на голод и безземелье, бремя налогообложения, произвол чиновников и засилье инациональных ростовщиков, нарушение традиций или оскорбление святынь.

Долготерпение крестьянина питается присущим ему в особенной степени фатализмом, его зависимостью от феодала, мизерными потребностями и представлением о естественности существующего порядка вещей и незыблемости социального устройства. Для того чтобы вывести крестьянина из политической пассивности и инертности, нужен толчок извне. Крестьянская масса оказывается во власти эмоций. Стихийные бунты и восстания вспыхивают внезапно. Народ приходит в движение, отвечая на вызов враждебных внешних сил, механизма действия которых он не понимает и которые он не может контролировать.

Жизненные тяготы отчаявшийся найти справедливость крестьянин связывал обычно с колониальным режимом, нередко – «свои» феодалы и верхушка духовенства воспринимались как предатели и проводники иностранного засилья.

Волна крупных восстаний прошла в середине XIX в.: бабидское движение в Иране (1848 – 1852 гг.) и восстание сипаев в Индии (1857 – 1858 гг.), движение тайпинов в Китае (1850 – 1864 гг.), крестьянские бунты в Корее. На рубеже XIX – XX столетий – новая волна: мощное восстание в Аче (1873– 1913 гг.), в Корее (1893 – 1896 гг.), махдистское восстание в Судане (1879 – 1881 гг.), восстание ихэтуаней в Китае (1898 – 1901 гг.), крестьянские волнения в Индии (1905 – 1908 гг.). И еще одной мощной волной стали восстания племен в Иране,

Ираке, Марокко, Сирии, Бирме – в 1920-х гг., в Бирме и Ливии – в начале 1930-х гг. Направленные против чужеземного засилья, они были антиколониальными, но в то же время и антифеодальными.

Девиз народного восстания в Судане в 1881 г. – «Убивай турок и не плати налоги!» [1]. Для египетского народа режим бесправия и нищеты в последней четверти XIX в. воплощался в правителе и его окружении – феодалах-неегиптянах, в засилье греков-ростовщиков и англичан. Ненависть к маньчжурам стала причиной восстания тайпинов в Китае. Стихийный народный протест против нарушения традиций в Сиаме в конце XIX – начале XX вв. был вызван вторжением в страну европейского капитала. Филиппинская революция явилась кульминацией народного восстания против деспотизма испанского монашества и налогового бремени. Гнёт индийских и китайских ростовщиков и помещиков, ненависть к английским колонизаторам спровоцировали крестьянское восстание в Бирме в 1930 – 1931 гг.

Борьба за восстановление поправной справедливости и против иностранцев освящалась национальной религией. «Ислам, – как справедливо заметил известный исследователь истории Алжира Ш. П. Ажерон, – осознанно или неосознанно стал для всех (в период колониальных войн Франции в Алжире) знаменем сопротивления христианам» [2].

Идеологией антиманьчжурского и антифеодального движения тайпинов в Китае была синтетическая религия, вобравшая в себя элементы христианства, буддизма и конфуцианства. Крестьянское восстание на Яве (1890 – 1914 гг.) руководствовалось «религией пророка Адама», согласно которой крестьянин должен стать высшим сословием – голландское правительство лишь временно владеет землёй в стране. Новое государство равенства и социальной гармонии будет создано двумя князьями-близнецами, пришествие которых на землю неизбежно [3]. В Бирме ликвидация британского господства ассоциировалась с неизбежным торжеством буддизма, когда «народ будет счастлив и здоров, ... а весь мир сделается буддийским, и многие достигнут нирваны» [4]. Руководители народных движений обычно утверждали, что ведут свой род от особо почитаемого предка, святого, пророка или объявляли себя мессией, явившимся, чтобы установить царство справедливости на земле. Махди – мессия стоял во главе антианглийского и антитурецкого восстания в Судане в 1879 – 1881 гг. Вождь египетских националистов Ораби-паша прослеживал свою родословную до курейшитов – арабского рода, к которому принадлежал пророк Мухаммад [5]. Мессианские пророчества, явления святых, Иисуса были характерны для Филиппин. Российская исследовательница Э. Д. Талмуд пишет, что на протяжении 1917 – 1918 гг. на Цейлоне все восемь антианглийских выступлений начинались одинаково: появлялся справедливый принц, поднимающий крестьянство во имя сингальского независимого государства и защиты буддизма. Так в головах людей претворялся миф о справедливом принце Даясоне или Вирапонге [6].

Постепенно в массовое сознание пробивались и современные понятия. В прокламациях Султана аль-Атраша, возглавившего восстание друзов в Сирии против французских колонизаторов в 1925 – 1927 гг., говорилось о лозунге Французской революции «Свобода, равенство, братство». В его манифестах фигурировали слова «нация» и «национальный» [7]. Исследователь крестьянских движений на Филиппинах Л. Л. Тайван отмечает, что уже в 1920-х гг. крестьянство освобождалось от архаических форм организации борьбы. Крестьяне привлекали для защиты своих прав адвокатов, создавали ассоциации, крестьянское движение носило секулярный характер, несмотря на религиозность его лидеров и религиозную окраску крестьянской идеологии [8]. Слова «республика», «конституция» стали обычными для повстанцев Рифа (Марокко) в 1925 – 1927 гг. и восставших ливийских племен в 1930 г.

Работа по политическому воспитанию масс и превращению массовых стихийных выступлений в составную часть национально-освободительного движения легла на плечи национальной интеллигенции. Отсутствие полного единства целей мешало соединению народных и национально-освободительного движений. Впрочем, националисты поддерживали, а подчас и возглавляли массовые выступления.

Крестьянство становилось движущей силой национально-освободительной борьбы. «Крестьянский национализм» вдохновлял широкое народное движение под руководством коммунистов в Индонезии в 1920-е гг. Он стал одним из решающих факторов победы народа в партизанской войне, направляемой коммунистами в Китае в тылу японских войск между 1937 и 1945 гг. Блистательный успех имела кампания неповиновения, которой руководил М. Ганди и которая завершилась провозглашением независимости Индии.

Возникает вопрос: что общего и что особенного в народных движениях Востока по сравнению с аналогичными явлениями на Западе и особенно в России? Общее проявляется во всем оформлении народных движений докапиталистического периода. Всем им присущи схожие черты, имеющие явно выраженные субъективные отличия в причинах, ходе, характере, обоснованности поражений (ведь враг не только извне, но и внутри: даже победа сохраняет феодальный строй). Объединяет их также стихийность, зависимость от харизматических лидеров; всем им в той или иной степени присущи религиозные лозунги или даже более объемлющее религиозное оформление. Политические идеологии при традиционных укладах не появлялись, так же как и их будущие носители (национальная буржуазия, интеллигенция, пролетариат) они возникают лишь на более высокой стадии общественных отношений.

Различия существуют и всегда являются ярко выраженными, а зачастую и принципиальными. Прежде всего, в хронологии: попавший в длительный кризис Восток с периода позднего средневековья и особенно в новое время стал отставать от стран Европы. Отсталость обусловила со временем колониальную зависимость некогда развитых и могущественных восточных государств, а колониализм, в свою очередь, законсервировал социально-экономическое развитие и стал причиной общественных и демографических катастроф. Потерявшие чувство самосохранения массы поднимались на бунты и восстания. Но в отличие от Европы, во-первых, эта стихийная борьба продолжалась и в более поздний хронологический период (XIX – начало XX вв.); во-вторых, носила не только антифеодальный характер, но и антиколониальный, который зачастую выходил на первый план.

В протестных движениях на Востоке намного отчетливее звучали религиозные мотивы. В большинстве случаев это становилось организующим началом борьбы освещенных традициями религий против христианства варваров (европейцев и американцев), но в целом ситуация была сложнее. В своей антифеодальной направленности народным массам требовалась не просто идеология (которая в то время могла быть только религиозной), но чтобы эта идеология трактовалась в обновленном, приемлемом для их борьбы свете. Если в рамках любой восточной религии восставшие объявлялись «бандитами» или «еретиками», то теперь они должны были позиционироваться как «борцы за правое». Факт, что они объявили войну своим феодалам, верхушке духовенства, ростовщикам, делал борьбу легитимным делом, поскольку власти несправедливо эксплуатировали, нарушая все божеские заповеди и хуже того – предали их, переметнувшись на сторону иностранцев-колонизаторов. Поэтому они – крестьяне, ремесленники, мелкая буржуазия и т.д. – могут рассчитывать и на царство небесное, и на воздаяние здесь, на земле. В большинстве случаев звучали призывы к обновлению религий, а в некоторых (тайпины, бабиды, махдисты) формировались новые религиозные концепции, формально разрывающие связи со старыми традиционными религиями.

В этих условиях несколько иными, чем на Западе, представлялись также последствия восстаний. Во-первых, создавались новые, не менее эксплуататорские, но более перспективные в социально-экономическом отношении формы сотрудничества с метрополиями. Во-вторых, в религиозных программах восставших (как ни странно) отменялись многие прежние ограничения, носившие прежде священный характер, и декларировались новые формы общественных отношений, разрушавшие в конечном итоге прежние традиционные связи и расчищавшие дорогу новым прокапиталистическим тенденциям. Подготавливалась почва для религиозного реформаторства, просветительства, модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Holt P.M. Modern History of the Soudan. L. 1966. P. 79.
2. Ageron Ch-P. Les Algeriens musulmans et la France. P., 1918. P. 126.
3. Беленький, А. Б. Национальное пробуждение в Индонезии / А. Б. Беленький. – М.: Наука, 1965. – С. 242.
4. Идеология национально-освободительного движения в странах зарубежного Востока, 1917-1947: очерки по истории общественной мысли народов Востока / АН СССР, Ин-т востоковедения; отв. ред. Л. Р. Полонская, Ю. Н. Гаврилов. – М.: Наука, 1984. – 308 с.
5. Ораби Ахмад. Кяшф ас-сагтор ан-сирр аль-асрар фи-нахда аль-мааруфа би-с-саура аль-арабийфу Каир (б.г.). Ч. I, с. 10 (на арабск. яз.).
6. Талмуд, Э. Д. Общественно-политическая мысль Шри-Ланки в новое время / Э. Д. Талмуд. – М.: Наука, 1982. – С. 37.
7. Луцкий, В. Б. Национально-освободительная борьба в Сирии (1925-1927) / В. Б. Луцкий. – М.: Наука, 1964. – С. 170, 175-176.
8. Тайван, Л. Л. Крестьянское восстание на Филиппинах в XX в. / Л. Л. Тайван. – М.: Наука, 1980. – С. 41-43.

Бакина А. В., Водолазко О. В.
A. V. Bakina, O. V. Vodolazko

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ МЕГАПОЛИСА И НЕБОЛЬШОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Г. КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ И Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

SENIOR SCHOOL PUPILS' IDENTITY IN CIVIL AND LEGAL TERMS, IN A MEGALOPOLIS AND A SMALLER TOWN (ST.-PETERSBURG AND KOMSOMOLSK-ON-AMUR)

Бакина Анна Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: bakina_anna@mail.ru.

Ms. Anna V. Bakina – PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Educational Psychology, the Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia Komsomolsk-on-Amur). E-mail: bakina_anna@mail.ru

Водолазко Ольга Владимировна – учитель высшей категории гимназии ГБОУ № 524 г. Санкт-Петербурга (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: spacio1998@rambler.ru.

Mr. Olga V. Vodolazko – school teacher, Grammar School № 524 (Russia, St.-Petersburg). E-mail: spacio1998@rambler.ru

Аннотация. В статье приводятся результаты эмпирического исследования гражданско-правовой идентичности старшеклассников, проживающих в мегаполисе и провинциальном городе. Полученные результаты указывают на неоднородность гражданско-правовой идентификации у старшеклассников, проживающих в разных социально-экономических условиях.

Summary. The paper offers an overview of empirical research results concerning the senior school pupils' identity in civil and legal terms, living in a megalopolis and a smaller town. The obtained results indicate the heterogeneity of such identification of senior school pupils living in different social and economic environments.

Ключевые слова: идентичность, социальная и гражданско-правовая идентичность, криминальная идентификация, внутренние основания идентификации субъектов в гражданском обществе.

Key words: identity, social identity, civil identity, criminal identification, inner foundations for personal identification in a civil society.

УДК 159.923.2

Несмотря на большой поток исследований гражданской идентичности в последние годы, данный феномен нуждается в теоретическом и эмпирическом обосновании. В фокусе данного исследования находится гражданско-правовая идентичность молодых людей, актуальность изучения которой обусловлена происходящими в обществе глобальными изменениями в экономике, политике, культуре и гражданском обществе. Данные изменения, несомненно, сказываются на особенностях гражданско-правового самосознания молодежи.

Анализ исследований по данной теме показал, что нет единого понимания феномена гражданско-правовой идентичности. Мы согласны с подходом исследователей (Н.Л. Иванова, М.А. Юшина, Г. Тэджфел, Тернера и др.), которые говорят о том, что гражданская, этническая и правовая идентичности являются одним из видов социальной идентичности. Социальная идентичность является целостным динамичным образованием, выступающим в качестве системы ключевых социальных конструкторов личности, которые активно конструируют

ся субъектом в ходе взаимодействия и социального сравнения, и являются когнитивно-мотивационным основанием восприятия индивидом новых социальных ценностей [2, 3, 5, 14, 15, 16]. Главная функция гражданской идентичности для индивида заключается в реализации базисных потребностей личности к объединению себя с группой. Возникающее в результате чувство «Мы» дает индивиду уверенность в сложной и не всегда понятной социальной реальности. Таким образом, гражданская идентичность фиксирует единство интересов индивида с социальной общностью и тем самым выполняет как защитную функцию, так и функцию самореализации и самовыражения, которая проявляется в политической и гражданской активности [6, 9, 15, 17].

В своем исследовании мы используем термин «гражданско-правовая идентичность» указывая на то, что именно категория справедливость (действие в рамках закона) определяет внутренние основания идентификации субъектов в гражданском обществе, объединение себя с одними субъектами правового поля (ингруппа) и отчуждение себя от других (аутгруппы) (исследования Тернера, Тэджфелла и др.) [16]. Самоопределяющаяся личность, «вынужденная в какой-то момент жизни совершать компромиссы, должна хотя бы стремиться осознавать эти компромиссы, а может, по-своему и страдать из-за этого ... готовность к рефлексии, позволяет человеку сохранять себя как личность в самых сложных жизненных ситуациях» [цит. 13, С. 11].

Цель настоящего исследования - изучить гражданско-правовую идентичность старшеклассников. В исследовании приняли участие старшеклассники 10-11-х классов возрастом от 15 до 17 лет: 40 юношей и 55 девушек, проживающих в г. Комсомольске-на-Амуре и г. Санкт-Петербурге. Исследование было выстроено по типу репертуарной решетки, что позволило избежать фальсификации ответов: был выбран репертуар объектов оценивания и заданы критерии оценки. Идентификация основана на процессах интеграции и дифференциации, поэтому в идентичности отражаются представления человека о принадлежности к общности своих и одновременном отличии от чужих [1, 17]. Основываясь на данном положении, были выбраны следующие объекты оценки: «Я», «Мы» и «Они». В качестве субъектов правоотношений выбрали категории: «законопослушный гражданин», «правонарушитель», «криминальный авторитет». Каждая категория отражает определенные представления о социальной справедливости в обыденном сознании людей. Законопослушный гражданин - это добропорядочный житель, требующий соблюдения его прав, старающийся соблюдать законы. Правонарушитель - любой, кто совершает преступление или нарушает юридическую норму, однако термин почти всегда используется для обозначения несовершеннолетних правонарушителей (обычно до 16 - 18 лет) [12].

На постсоветском пространстве слово «авторитет» получило дополнительное значение, пришедшее из воровского жаргона: «преступными авторитетами» или просто «криминальными авторитетами» называют лидеров преступного мира, представителей высшей группы в неформальной иерархии заключенных. Заданные категории были параметрами оценки и по шкалам методики «Личностный дифференциал» (адаптированные психоневрологическим институтом им. В.М. Бехтерева). Наличие или отсутствие идентификации выявляли путем обнаружения корреляционных связей между параметрами оценки разных категорий (объектов). Результаты анализа данных исследования представлены на рис. 1 - 2.

В рис. 1 указаны параметры, между которыми были обнаружены значимые корреляционные связи при уровне значимости $p < 0,05$. В выборке комсомольчан были обнаружены положительные связи категории «Я» со следующими категориями: «Законопослушный гражданин» по факторам: оценка, сила и активность; «Правонарушитель» по фактору активность. Категория «Мы» имеет положительную связь с оценкой и активностью «Законопослушного гражданина». Фактор оценка категории «Они» положительно связана с фактором оценка «Правонарушитель». Наличие большего числа прямых корреляционных связей категорий «Я», «Мы» и «Законопослушный гражданин» указывает на адекватную гражданско-правовую идентичность старшеклассников, их ориентацию на правовые отношения в обществе.

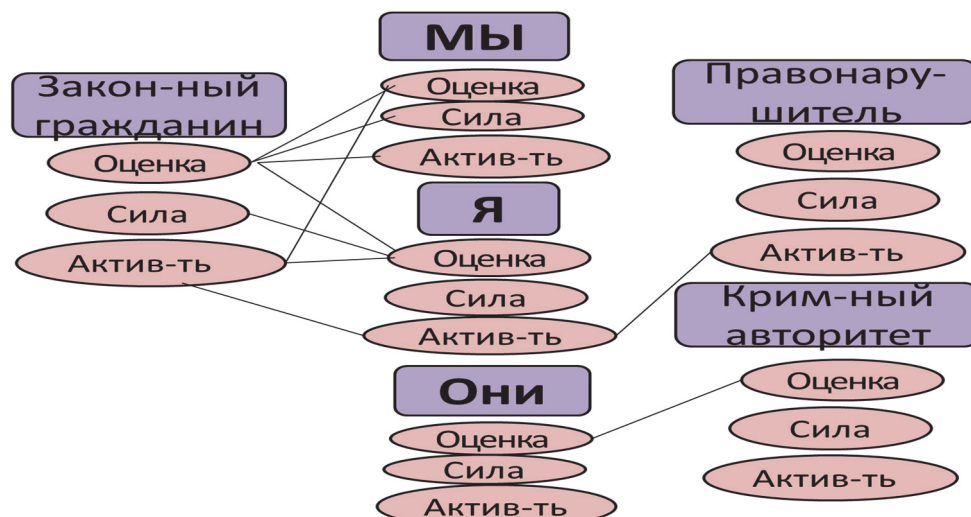

Рис. 1. Корреляционные связи категории идентификации у старшеклассников г. Комсомольска-на-Амуре

Данную позицию подтверждает и наличие связи между категориями «Они» и «Правонарушитель». С другой стороны, обращает на себя внимание наличие положительной связи категории «Я» с категорией «Правонарушитель» по фактору сила и наличие корреляционных связей категории «Они» и «Криминальный авторитет». Данный факт указывает, что старшеклассники г. Комсомольска-на-Амуре симпатизируют правонарушителям, но отделяют себя от категории «Криминальный авторитет», включая последнюю в аутгруппу.

В выборке петербуржцев была обнаружена положительная связь категории «Я» (по фактору оценка и сила) с категорией «Законопослушный гражданин» (по фактору оценка), и отрицательная связь (по фактору оценка и активность) с категорией «Правонарушитель» (по фактору оценка и активность). Данный факт указывает на то, что петербуржцы идентифицируют себя с законопослушными гражданами и отделяют себя от группы правонарушителей. Анализ других групп идентификации указывает на сложность и неоднозначность гражданско-правовой идентификации старшеклассников Петербурга (см. рис. 2).

Категория «Мы» имеет прямые корреляционные связи с категориями «Законопослушный гражданин» (по факторам оценка и сила) и «Криминальный авторитет» (по фактору сила). Категория «Они» имеет положительную связь с категориями «Законопослушный гражданин» (по фактору сила и активность), «Правонарушитель» (по фактору сила) и «Криминальный авторитет» (по фактору активность). В то же время категория «Они» имеет отрицательные корреляционные связи с категорией «Правонарушитель» по фактору активность и оценка. Полученные данные указывают на неоднозначность и конфликтность представлений старшеклассников Петербурга о субъектах правоотношений – «Законопослушный гражданин» и «Криминальный авторитет», так как обе эти категории включены в две противоположные идентификационные группы «Мы» и «Они».

Анализ процесса самосознания гражданской общности предполагает две тенденции: с точки зрения дифференциации, обособления гражданской общности, как однородного сообщества, от "других", не входящих в нее, проведения определенных границ; и с точки зрения интеграции, объединение в сообщество, основанное на внутригрупповом подобии по значимым признакам. Таким образом, анализ групп идентификации показал, что старшеклассники-комсомольчане интегрируют себя с группой «Законопослушный гражданин» и не отождествляют себя с субъектами, нарушающими закон, хотя и испытывают симпатию к правонарушителям. Поэтому можно говорить о том, что данная группа респондентов принимает социально-заданные нормы поведения, считает их эффективными и готова следовать им, так как они отражают их представление о социальной справедливости.

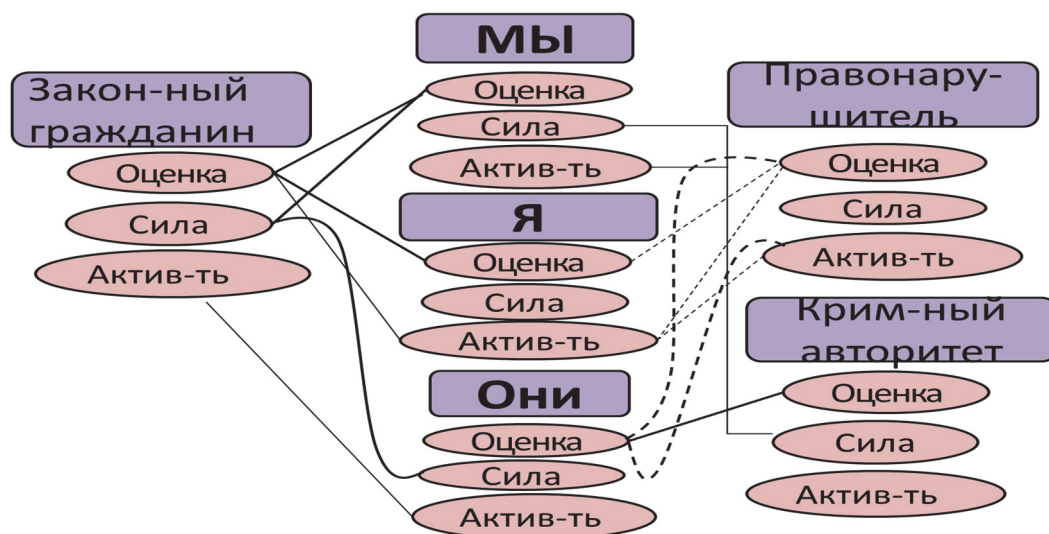

Рис. 2. Корреляционные связи категории идентификации у старшеклассников Санкт-Петербурга:

— прямые корреляционные связи; - - - обратные корреляционные связи

Старшеклассники из Петербурга объединяют себя с группами «Законопослушный гражданин» и «Криминальный авторитет», что указывает на неопределённость их гражданско-правовой идентичности. Журков Д. криминальную идентификацию определяет как самоотождествление индивида с «субкультурным кодом преступника», присвоение криминально-значимых свойств, включение их в Я-образ, что мы и наблюдаем у данной группы респондентов. По мнению Журкова Д., Малкова В.Д., Кузнецовой Н. Ф., Лунеева В. В. наличие криминальной идентификации еще не означает, что человек является преступником, более того, в той или иной степени, она отражена в сознании большинства людей [4, 7, 8, 10]. Но наличие данной идентификации создает высокую степень вероятности того, что индивид при определенных условиях выберет незаконный способ реагирования. И связано это с отрицанием некоторых социально-заданных норм (асоциально окрашенные представления о добре и зле, справедливости и несправедливости, долге, чести, достоинстве), которые осознаются как неэффективные.

По нашему мнению основными причинами криминальной идентификации старшеклассников Санкт-Петербурга являются: первое – извечная проблема, которая очень метко сформулирована в высказывании М.Е. Салтыкова-Щедрина «Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения», поэтому как гласит русская поговорка «От сумы и от тюрьмы не зарекайся». Это и объясняет симпатию по отношению к образу правонарушителя, свойственную русскому человеку (симпатию к правонарушителям проявляют и старшеклассники-комсомольчане). Вторая причина связана с особенностью юношеского возраста в осознании себя, прежде всего, уникальной личностью, а не членом группы, поэтому самоотождествление часто осуществляется посредством обособления себя от других, выражаемом в предпосылках к антиобщественному поведению [15, 18]. Особенности подобной идентификации подробно разработаны в трудах Эриксона. Он считает, что идентифицируя себя с теми или иными ролями, индивид обретает понимание смысла жизни, осознает цели и уверенно идет по пути их осуществления. В тех случаях, когда наблюдается дефицит просоциальных ролей, имеет место конфликтная идентификация, или криминальная. Если общество и индивид взаимно отвергают друг друга, криминальная идентификация представляется наиболее оптимальным вариантом социализации, способом автономизации, ухода от общества и противопоставления себя ему [17]. В контексте проблемы психического здоровья такой способ социализации индивида называют неблагополучным [12].

Остается ответить на вопрос: «Почему криминальная идентификация ярко выражена у старшеклассников петербуржцев и практически отсутствует у старшеклассников комсомоль-

чан?». Возможно, что общественные условия большого города Санкт-Петербурга - высокая плотность населения, конкуренция, разобщенность, нарушение семейных связей создают повышенную тревожность, неуверенность в себе и чувство неполноценности. Данное чувство очень точно отражено в песне группы «Би-2»: «Большие города, пустые поезда, ни берега, ни дна все начинать сначала. Холодная война, и время как вода...». В ряде работ было показано, что слабая выраженность гражданской идентичности тесно связана с предпочтением личностной идентичности в целом, в осознании себя, прежде всего, уникальной личностью, а не членом группы [18]. В этом случае для старшеклассников Санкт-Петербурга приоритетными являются ценности индивидуальные, а не общественные. Человек сосредоточен только на своей исключительности, и не задумывается о других. Отсутствие чувства «Мы» разрушает систему социальных отношений «Субъект - Субъект» и представление о социальной справедливости, выраженное в золотом правиле нравственности, которое сформулировано так: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе». Известна и отрицательная формулировка этого правила: «не делайте другим того, чего не желаете себе». А если данная норма нарушена, то идеализируют другие правила – «Кто сильнее, тот и прав». Поэтому образ «Криминального авторитета» идеализируется в представлениях старшеклассников-петербуржцев, как «сильный человек», способный постоять за себя. Данный способ приобретения чувства уверенности в себе описан Ф.М. Достоевским в романе «Преступление и наказание» на примере Родиона Раскольникова. По мнению старшеклассников, преступники ставят себя выше общества, наделяя себя дополнительными правами – «тварь ли я дрожащая или право имею», что и соответствует выбору Раскольникова. Наши предположения подтверждают данные анализа средних значений по факторам личностного дифференциала о разных субъектах правоотношений у старшеклассников (табл. 1).

Таблица 1

Средние значения и значимые различия по факторам личностного дифференциала у старшеклассников из разных регионов

Категории (объекты)	Средние значения по выборкам испытуемых					
	Комсомольчане			Петербуржцы		
	Оценка	Сила	Активность	Оценка	Сила	Активность
Законопослушный гражданин	12,3*	7,1*	5,7	9,1*	4,4*	4,4
Правонарушитель	-7,2	8	2,7	-7,1	8,9	2,9
Криминальный авторитет	-5,5	12,8	3,7	-4,8	12,9	2,4
Мы	10,7	9	10	9,7	7,6	7,4
Они	1,5	2,3	3,3	-2,5	0,1	2,8
Я	10,6	9,6	10	10,8	8,3	7,5

*жирным шрифтом выделены показатели, которые имеют значимые различия по критерию Манна-Уитни

Данные табл. 1 указывают, что старшеклассники г. Комсомольска-на-Амуре и Санкт-Петербурга схоже оценивают категории «Законопослушный гражданин», «Мы» и «Я», приписывая данным группам высокие показатели по факторам Оценка, Сила и Активность. В представлениях старшеклассников данные субъекты являются привлекательными, симпатичными, сильными, независимыми, отличающимися высокой активностью, импульсивностью и общительностью. Но старшеклассники, проживающие в г. Комсомольске-на-Амуре, гораздо позитивнее относятся к законопослушному гражданину, чем старшеклассники Петербурга (значение критерия Манна-Уитни $U = 2,33$ при $p < 0,02$). Средние значения по всем факторам оценки категории «Мы» также отличаются у разных групп респондентов – комсомольчане, оценивая данную категорию, приписывают ей более высокие показатели по всем факторам. Категорию «Они» петербуржцы оценивают более негативно, чем старшеклассники Комсомольска. Полученные данные указывают, что для комсомольчан образ «Законопо-

слушного гражданина» является привлекательным, он совпадает с представлением о социальной справедливости, и поэтому ценность данной группы разделяется и принимается как необходимая для существования в обществе.

Категории «Правонарушитель» и «Криминальный авторитет» имеют самые низкие показатели по фактору Оценка и низкие показатели по фактору Активность. Необходимо отметить, что, несмотря на отрицательную оценку данных групп, старшеклассники приписывают категориям «Правонарушитель» и «Криминальный авторитет» высокие показатели по фактору Сила, наделяя данных субъектов такими качествами, как уверенность в себе, независимость, способность противостоять трудностям.

Итак, полученные в ходе исследования данные указывают на неоднородность гражданско-правовой идентификации у старшеклассников, проживающих в разных социально-экономических условиях, и на наличие опасных тенденций в идентификации старшеклассников Петербурга, а именно потеря авторитета, недоверие к государству и правовым институтам, отсутствие веры в их эффективность. Данные факты ставят перед исследователями вопрос об условиях, влияющих на формирование правового самосознания молодёжи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, Г. М. Психология социального познания / Г. М. Андреева. - М.: Аспект Пресс, 2000.
2. Вилкова, И. В. К вопросу об определении сущности понятия гражданская идентичность / И. В. Вилкова // Гуманитарные научные исследования. – Июнь 2012. - № 6 [электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2012/06/1386> (дата обращения 17.08.2014).
3. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / под ред. Л. М. Дробизевой. - М.: Изд-во Института социологии РАН, 2006. [электронный ресурс] RUL: <http://www.ino-center.ru/doc/IdentichnostiVRossii.pdf> (дата обращения 16.08.2014).
4. Журков, Д. Криминальная идентификация / Д. Журков / Познавательный открытый журнал [электронный ресурс] RUL:<http://познавательный.рф/all/kriminalnaja-identifikacija.html> (дата обращения 20.06.2014)
5. Иванова, Н. Л. Гражданская идентичность как социальный капитал / Н. Л. Иванова [электронный ресурс] RUL: ww.hse.ru/data/459/849/1235/Ivanchenko.doc (дата обращения 15.06.2014).
6. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб., 2001.
7. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. – Питер, 2002.
8. Криминология: учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. М., 2004.
9. Лебедева, Н. М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла / Н. М. Лебедева // Психологический журнал. - 1999. - Т. 20. №3. - С. 48-59.
10. Малков, В. Д. Криминология: учебник / В. Д. Малков – М.: ЮстицИнформ, 2008.
11. Наливайко, Т. Е. Эмоциональное благополучие личности: от психологического здоровья к качеству жизни / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Ученые записки КнАГТУ. – № 2(19). – 2014. – С. 28-32.
12. Оксфордский словарь по психологии. – 2002 [электронный ресурс] RUL: <http://vocabulary.ru/dictionary/487> (дата обращения 19.06.2014).
13. Пряжников, Н. С. Этические проблемы психологии: учебно-методическое пособие / Н. С. Пряжников. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОД-ЭК», 2002. – С. - 11
14. Сапожникова, Р. Б. Анализ понятия идентичность: теоретические и методологические основания / Р. Б. Сапожникова // Вестник ТГПУ. - 2005. - №1 (45).
15. Семенова, Ю. А. Кризис гражданской идентичности в условиях трансформации современного общества / Ю. А. Семенова // Вестник Оренбургского государственного университета. – Оренбург: Изд-во Оренбургского государственного университета, 2010.
16. Тэджфел, Г. Социальная идентичность и межгрупповые отношения / Г. Тэджфел, Г. Фрезер. – М., 1982.
17. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эрикссон. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 342 с.
18. Юшин, М. А. Молодежный парламентаризм и формирование гражданской идентичности / М. А. Юшин // Обозреватель. – 2007. – №7. – С. 26-35.

Наливайко Т. Е., Одинец А. В.
T. E. Nalivaiko, A. V. Odinets

ГОТОВНОСТЬ К ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК КЛЮЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ПЕДАГОГ-ОРГАНИЗАТОР ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ»)

WORK READINESS AND QUALIFICATIONS FOR A TEACHING JOB AS THE KEY COMPETENCES IN GRADUATE STUDY (EXEPLIFIED BY THE ACADEMIC DISCIPLINE 'TEACHER-ORGANIZER OF THE EDUCATIONAL PROCESS AT HIGHER SCHOOL')

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры «Педагогика и психология профессионального образования» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: tenal@knastu.ru.

Ms. Tatiana Ye. Nalivaiko – Dr.habil. of Educational Studies, Professor, Department of Educational Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: tenal@knastu.ru.

Одинец Анна Владимировна – аспирант заочной формы обучения кафедры «Педагогика и психология профессионального образования» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: annushka_20_08@mail.ru.

Ms. Anna V. Odinets – part-time PhD student, Department of Educational Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: annushka_20_08@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются понятия: готовность к деятельности, готовность к преподавательской деятельности, психологическая готовность к профессиональной деятельности. Также в статье подробно рассматривается особенность и задачи дисциплины «Педагог-организатор образовательного процесса в вузе», в рамках которой формируется ключевая общепрофессиональная компетенция – готовность к преподавательской деятельности по основным образовательным программам высшего образования.

Summary. This paper discusses such concepts as 'work readiness', 'work readiness for a teaching job', 'psychological readiness for a professional career'. The paper also examines the characteristic features and application of the academic discipline 'Teacher-organizer of the educational process at higher school' in which the key general professional competence is formed - i.e. the 'work readiness for and ability to teach the basic general disciplines, courses and programs of higher education'.

Ключевые слова: готовность, готовность к преподавательской деятельности, психологическая готовность, профессиональная деятельность, педагогический процесс в вузе.

Key words: work readiness, work readiness for a teaching job, psychological readiness, professional activity, pedagogical process at higher school.

УДК 378

Проблема готовности к деятельности и выделение ее основных компонентов является одной из актуальных в современной науке. К настоящему времени в психолого-педагогической науке накоплен достаточно богатый опыт исследований о проблеме готовности человека к различным видам деятельности: готовность к профессиональной деятельности (А.К. Маркова, Б.С. Гершунский и др.), готовность к трудовой деятельности (К.К. Платонов

и др.), готовность к профессионально-педагогической деятельности (Н.В. Кузьмина, В.А. Сластенин и др.), готовность к преподавательской деятельности (К.К. Платонов и др.), готовность к педагогическому исследованию (В.В. Краевский, С.И. Брыгзалова), готовность к самообразовательной деятельности (Г.Н. Сериков) и другие.

Философский словарь определяет понятие «готовность к деятельности» как определенное состояние сознания, психики, функциональных систем в ситуации ответственных действий или подготовки к ним.

Подход К.К. Платонова, определяющий готовность к преподавательской деятельности в контексте общих планов соответствия преподавательской профессии, не утратил своей актуальности до настоящего времени и может быть отнесен также к готовности к преподавательской деятельности в условиях высшей школы.

В.А. Сластенин и А.И. Мищенко понимают под готовностью к преподавательской деятельности «отрефлексированную направленность преподавателя на педагогическую профессию, мировоззренческую зрелость, установку на постоянное профессиональное и личностное совершенствование, самореализацию и самовоспитание, нацеленность на прогнозичность и динамичность в проектировании авторских технологий обучения и воспитания».

Рассматривая проблему готовности к педагогической деятельности, ученые основной акцент делают на определение необходимого и достаточного количества профессиональных знаний, педагогических умений и качеств личности.

Изучая структуру готовности к профессиональной педагогической деятельности, можно выделить следующие функциональные компоненты:

1) личностно-мотивационный, который включает в себя профессиональные качества личности, наличие определенных способностей, определяющие отношение к профессиональной деятельности (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн);

2) функционально-психологический компонент включает представление о целях профессиональной деятельности, представление о содержании деятельности и способах ее выполнения, которое определяется через систему педагогических знаний, умений и навыков, профессиональных и общекультурных компетенций, необходимых для эффективной профессиональной деятельности;

3) информационный компонент, включает качества, обеспечивающие восприятие, переработку и сохранение информации, необходимой для выполнения профессиональной деятельности.

Каждый компонент включает перечень профессионально важных качеств, которые оказывают значимое влияние на эффективность профессиональной педагогической деятельности.

Рассматривая психологическую готовность к педагогической деятельности, ученые используют различную терминологию: психологическая готовность к педагогической деятельности (О.В. Борденюк, Т.В. Иванова), профессиональная готовность психики специалиста (В.А. Сластенин, Ю.В. Прошунина), готовность к восприятию и решению педагогических задач (Н.В. Кузьмина).

Психологическая готовность к профессиональной деятельности формируется в процессе профессионального обучения. Психологическая готовность является главным условием для эффективной профессиональной деятельности.

В структуре психологической готовности к профессиональной деятельности большинство ученых (Е.П. Белозерцев, Т.А. Стефановская, В.А. Сластенин) выделяют следующие компоненты, характерные для преподавателя высшей школы: положительное отношение к преподавательской профессии; стабильные профессиональные интересы; склонность к научной деятельности; устойчивые мотивы преподавательской деятельности; осознание ответственности за результаты; профессионально значимые знания, умения, навыки, способность их мобилизовать и активизировать; самостоятельность в решении профессиональных задач; устойчивость эмоциональной, волевой, чувственной сферы; устойчивые профессионально важные особенности восприятия, внимания, мышления.

Опираясь на вышеизложенный материал, считаем возможным выделение в структуре педагогической готовности долговременной и ситуативной готовности.

Долговременная готовность базируется на заранее приобретенных знаниях, умениях, навыках, опыте, установках, качествах и устойчивых мотивах деятельности. Данная готовность является устойчивым комплексом личностных, субъективных и индивидуальных профессионально важных качеств, необходимых для успешной деятельности в различных педагогических ситуациях.

Ситуативное состояние готовности – это актуализация всех сил, создание психологических возможностей для успешных действий в данный момент. Долговременная и ситуативная готовность находятся в единстве. Возникновение готовности к определенной ситуации зависит от долговременной готовности. Ситуативная готовность определяет продуктивность долговременной готовности в данных конкретных обстоятельствах.

Таким образом, готовность к преподавательской деятельности – это сложное интегральное качество личности, которое выступает одновременно и как психическое состояние, и как качество личности. Готовность к преподавательской деятельности формируется на протяжении всего периода обучения в вузе и в дальнейшем, в процессе профессиональной деятельности.

Задачей любого высшего образовательного учреждения при подготовке кадров высшей квалификации является формирование у них готовности к преподавательской деятельности. В условиях подготовки кадров высшей квалификации в учебный план введена дисциплина «Педагог-организатор педагогического процесса в вузе», которая входит в состав вариативной части учебного плана и является обязательной дисциплиной подготовки аспирантов всех форм обучения и научных направлений, реализуемых на базе Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование у аспирантов общепрофессиональной компетенции – готовности к преподавательской деятельности по основным образовательным программам высшего образования (ОПК-2).

В структуру учебной дисциплины «Педагог-организатор педагогического процесса в вузе» входят когнитивный, операционально-деятельностный и рефлексивный компоненты, обеспечивающие профессионально-личностное развитие аспиранта как потенциального организатора педагогического процесса в вузе.

В качестве основной цели изучения данной предметной области выступает становление педагогического мышления аспирантов, подготовка их к решению проблем воспитания, обучения и развития человека в современном образовательном пространстве.

Достижение представленной цели становится возможным посредством решения ряда задач:

- овладение аспирантом понятийным аппаратом педагогики и психологии высшей школы, расширение представлений о существующих подходах к развитию образовательного пространства различного уровня;
- приобретение опыта анализа педагогической (преподавательской) деятельности в области профессионального образования;
- усвоение основ проектирования содержания образования, рабочей программы дисциплины.

Построение курса «Педагог-организатор педагогического процесса в вузе» основывается на принципах:

- системности и последовательности представления учебного материала; опоры на жизненный опыт аспиранта в формировании представления об основных психолого-педагогических закономерностях;
- научности в анализе педагогических ситуаций и решении психолого-педагогических задач;

- историзма, предполагающего рассмотрение педагогических и психологических фактов, событий и явлений в широком контексте конкретного исторического периода;
- целостности, ориентирующей на сквозное рассмотрение психолого-педагогических проблем в единстве с общими тенденциями развития педагогической и психологической наук в целом;

- вариативности, опускающей внесение определенной авторской коррекции в представленный курс в соответствии с собственной концептуальной моделью.

Изучение курса «Педагог-организатор педагогического процесса в вузе» позволяет аспирантам приобрести опыт рефлексии, анализа окружающей социальной действительности, в том числе прогнозируемых профессиональных ситуаций с позиции научной педагогики и психологии; создает возможность моделирования, оценивания, выбора и воплощения максимально целесообразных, индивидуальных способов решения педагогических ситуаций.

Курс «Педагог-организатор педагогического процесса в вузе» базируется на изучаемых в вузе дисциплинах гуманитарного цикла: прежде всего, «Психология и педагогика», а также «Философия», «Социология», «Политология», «История». Названные дисциплины обеспечивают базовую часть курса «Педагог-организатор педагогического процесса в вузе» за счет включенных в их содержание представлений о человеке как многоаспектном феномене, его развитии в филогенезе и онтогенезе, закономерностях и характеристиках его функционирования в различных сферах жизнедеятельности.

В результате освоения данной дисциплины аспирант умеет контролировать качество теоретического и практического обучения, организовывать процесс обучения, составлять рабочие программы по учебным дисциплинам в соответствии с требованиями федеральных образовательных стандартов высшего профессионального образования, знает основы проектирования и содержания рабочей программы дисциплины, содержание профессионального обучения, методы и средства профессионального обучения, законы и закономерности воспитания. Данный курс позволяет аспиранту владеть понятийным аппаратом педагогики и психологии высшей школы, представлениями о существующих подходах к развитию образовательного пространства различного уровня, педагогическими технологиями в профессиональном образовании, навыками работы с федеральными государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наливайко, Т. Е. К вопросу о коммуникативной компетентности преподавателя современного вуза / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2012. – № I - 2(9). – С. 24-29.
2. Одинец, А. В. Оценка взаимодействия системы профессионального образования и рынка труда (на примере ФГБОУ ВПО «КнАГТУ») / А. В. Одинец // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности. – 2014. – Ч. 7. – С.124-125.
3. Кучерявенко, И. А. Проблема психологической готовности к профессиональной деятельности / И. А. Кучерявенко // Молодой ученый. – 2011. – № 12. Т.2. – С. 60-62.

Кошкин А. П.
A. P. Koshkin

ПРОБЛЕМА РЕДУПЛИКАЦИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ГЛАГОЛОВ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

THE PROBLEM OF REDUPLICATIVE NOUNS AND VERBS IN CHINESE

Кошкин Андрей Павлович – проректор по международному сотрудничеству, доцент кафедры второго иностранного языка и китаеведения Амурского Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: apkosh@mail.ru.

Mr. Andrey P. Koshkin – Associate Professor, Department of the Second Foreign Language and of Chinese Studies, Vice-Rector for International Cooperation, the Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 17, Kirov Str, Komsomolsk-on-Amur, 681000. E-mail: apkosh@mail.ru

Аннотация. В данной работе рассматриваются вопросы удвоения односложных и двусложных слов, представляющих различные части речи в китайском языке, анализируются проблемы и особенности редупликации существительных и глаголов. Представлены примеры различных типов редупликации и условий применения различных типов. В статье также рассмотрены варианты удвоения слов с семантической и, отчасти, стилистической точки зрения.

Summary. The paper's subject is the reduplication of monosyllabic and disyllabic words belonging to different parts of speech in Chinese. I investigate the problems pertaining to and characteristic features of reduplication of nouns, verbs, adjectives, adverbs and numerals. Examples are provided of different types of reduplication and their occurrence in different contexts. In addition, I analyze some cases of word reduplication from the semantic and stylistic points of view.

Ключевые слова: китайский язык, морфологические особенности, редупликация, языковое функционирование, существительные, глаголы.

Key words: Chinese language, morphological characteristics, reduplication, linguistic functioning, nouns, verbs.

УДК 811.58

Исследование вопросов редупликации в тех языках, в которых данное явление присутствует, имеет важное теоретическое и практическое значение. Собственно редупликация, или повтор слов, смысловых морфем, является способом образования грамматических форм, передачи новых или изменённых грамматических значений. В китайском языке, где практически единственной, или, во всяком случае, самой распространённой формой словообразования является словосложение, удвоение играет очень важную роль, содержание которой, в свою очередь, зависит от многих факторов.

В китайском языке возможна как полная, так и частичная редупликация. Редупликации подвержены различные знаменательные и служебные части речи: существительные, глаголы, прилагательные, наречия, счётные слова, междометия. В данной статье рассматриваются вопросы удвоения существительных и глаголов китайского языка, рассматриваются морфологические и синтаксические особенности, описываются семантические отличия.

Особенности редупликации существительных

Существительное как часть речи, обозначающая предмет в самом широком смысле (вещи, лица, явления, свойства и т.д.), имеет в китайском языке свои особенности удвоения, связанные как с категориальными отличиями (например, отсутствием категории рода суще-

ствительных), так и с формальными, синтаксическими и иными отдельными характеристиками. В китайском языке редупликация существительных не носит массовый характер и не является их характерной чертой. Лишь небольшая часть односложных существительных способна к удвоению. При этом удвоение существительных имеет целью, как правило, показать множественное число, показать, что речь идет о целом, а не о части, указывает на все имеющиеся предметы (лица), говорит о том, что в процесс вовлечён каждый предмет (лицо). В отдельных случаях редупликация существительных наблюдается в сложных словах, чаще всего неологизмах, когда удвоение существительного имеет целью передать некий смысл, содержание предмета. Например: 泡泡糖 жвачка. Редупликация существительного 泡 – пузырь имеет смыслопередающую цель, т.е. передаёт значение нового для китайского языка слова, фактически описывая предмет как «пузырящаяся конфета» или «конфета с пузырьками». Удвоенные существительные могут выступать в предложении в качестве подлежащего, дополнения, обстоятельства. Редупликации могут подвергаться только односложные существительные. Удвоенные существительные могут приобретать отдельные черты наречий, указывая на образ или частоту действия, степень и т.д.

Принцип удвоения АА:

人人、年年、处处、对对、诗诗、行行、时时、事事 и т.д. Такой принцип редупликации указывает на множественное число, также имеет значение «каждый, всякий».

Например: 他天天迟到。 Он ежедневно опаздывает.

人人都要知道这个规则。 Все должны знать это правило.

Возможно также удвоение по принципу АВВ:

山沟沟, 布兜兜,

Например: 他是从山沟沟里走出来的。 Он вышел из горной долины.

从前小孩子夏天都穿布兜兜。 Раньше детишки летом носили сетчатый передник.

Возможно также удвоение по принципу ААВ:

毛毛虫, 拉拉面

毛毛虫不可怕。 Гусеница не страшная.

拉拉面很好吃。 Лапша очень вкусная.

Еще одним возможным вариантом удвоения существительных является ААВВ:

山山水水, 枝枝叶叶, 年年岁岁

中国的山山水水都美不胜收。 В Китае горы и воды очень красивые.

年年岁岁花相似, 岁岁年年人不同。 Как и цветы, люди с годами меняются.

В отдельных случаях удвоение существительных по вышеуказанной форме ААВВ указывает на образность, аллегоричность. При этом, каждый отдельный составляющий элемент может иметь не просто различный, но и противоположный смысл. Редуплицированное слово может иметь значение не только существительного, но и прилагательного, а также глагола.

婆婆妈妈 при поэлементном переводе означает 婆婆 – свекровь, 妈妈 – мама, при этом значение удвоенного существительного: а) «канителиться, копошиться»; б) «нудный», «робкий»; в) «нытик».

星星点点 значение каждого отдельного составляющего 星 – звезда, 点 – точка, при этом значение удвоенного существительного «мелочь, мелкая вещь».

头头脑脑 дословно «голова + мозг». Так называют руководителей, начальников.

Выражение 风风火火, составные части которого также удвоены по принципу AABV, используется для описания человека, действующего опрометчиво, безрассудно, но при этом с пафосом и энтузиазмом.

Особенности редупликации глаголов

Некоторые глаголы китайского языка, имеющие в предложении кроме обычного значения действия ещё добавочное значение, например, сообщающие о кратковременности действия, передающие значение некоторой расслабленности, легкости действия или значение попытки совершения действия, могут удваиваться.

Различие в построении редуплицированных глаголов связано с их структурой:

Односложные глаголы	Тип редупликации	Форма прош. зав. времени
A	AA или A — A	A 了 A
Пример: 尝	尝尝 или 尝—尝	尝了尝
试	试试 или 试—试	试了试
Двусложные глаголы	Тип редупликации	
AB	ABAB	
Пример: 休息	休息休息	
思考	思考思考	

По поводу формы удвоения прошедшего завершённого времени AB 了 AB у исследователей существует два противоположных мнения. Так, Дин Юншоу пишет, что если действие уже произошло или выполняется, то возможна и такая форма. В качестве примера приводится:

上个周末, 我打扫了打扫房间。 [9, 274].

В то же время Ху Цинго, рассматривая вопросы редупликации глаголов, отмечает, что удвоение двусложных глаголов по форме AB 了 AB невозможно, т.к. не допускается редупликация двусложных глаголов, указывающих на завершённое действие [10, 16].

Не допускается редуплицирование глаголов, действие которых не контролируется субъектом. Примеры неправильных предложений: 他刚才昏了昏。他喝醉了醉。 При этом редуплицируемые глаголы могут лишь обозначать часто происходящие, уже произошедшие действия или действия, которые только должны произойти. Для обозначения действия, происходящего в данный момент, глаголы не удваиваются. Кроме того, в предложениях, в которых в качестве глагола-сказуемого употребляется 进行, редупликация глаголов не допускается. После повторённых глаголов не употребляются количественные дополнения, а также дополнения результата, т.е. к удвоенным глаголам нельзя присоединять результативные или количественные морфемы. Удвоенные глаголы не могут оформляться суффиксами 过 и 着.

Интересна форма редупликации глаголов с отрицанием, в том числе модальных, когда возможна как полная редупликация с внутренним отрицанием, так и неполная, когда повторяется лишь часть глагола. В данном случае подразумевается редупликация двусложных глаголов. Пример редупликации глаголов с внутренним отрицанием: 可以不可以 (полная), 可不可以 (частичная), 上课不上课 (полная), 上不上课 (частичная), 知道不知道 (полная), 知不知道 (частичная).

Синтаксическая роль редуплицированных глаголов заключается в исполнении ими функции предиката (сказуемого), а также, в отдельных случаях, субъекта (подлежащего), объекта (дополнения).

Пример редупликации глаголов в предложении с указанием на кратковременность действия: 好, 我去看看。 *Хорошо, я пойду, взгляну.*

Пример редупликации глаголов в предложении с указанием на многократность действия: 他想了想, 没说什么又走了。 *Он подумал-подумал, ничего не сказал и ушел.*

Пример редупликации глаголов в предложении с указанием на лёгкость выполнения или расслабленность действия (как бы указывает на некоторую несерьезность совершения действия): 上星期天, 我在家看了看录像, 听了听音乐, 没干什么。 *В прошлое воскресенье я дома посмотрел видео, послушал музыку, больше ничего не делал.*

Пример редупликации глаголов в предложении с указанием на попытку совершения действия (попробовать что-то сделать): 爸爸说, 你今天做的包子很好吃, 我尝尝吧。 *Папа сказал, что пирожки, которые ты сегодня приготовила, очень вкусные, я, пожалуй, попробую.*

Систематизация, исследование особенностей функционирования в речи удвоенных форм слов является важной лингвистической проблемой, имеющей отношение не только к теории языка, но и к практическому применению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горелов, В. И. Грамматика китайского языка: учеб. пособие / В. И. Горелов. – М.: Просвещение, 1974.
2. Горелов, В. И. Теоретическая грамматика китайского языка : учеб. пособие / В. И. Горелов. – М.: Просвещение, 1989.
3. Готлиб, О. М. Практическая грамматика современного китайского языка: практическое пособие / О. М. Готлиб. – М.: «Муравей», 2002.
4. Задоевко, Т. П. Основы китайского языка: учеб. пособие / Т. П. Задоевко, Хуан Шуин. – М.: Наука; Восточная литература, 1993.
5. Кошкин, А. П. Элементарная грамматика китайского языка (с пояснениями и упражнениями): учеб. пособие. Начальный этап / А. П. Кошкин. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Восточная книга, 2013.
6. HSK语法讲练 (初、中等)。付玉萍、成文、金纪文编著。北京语言大学出版社, 2008. Упражнение и объяснение грамматики HSK (начальный, средний и др. уровни) / сост.: Фу Юйпин, Чэн Вэнь, Цзинь Цзивэнь. – Пекин: Изд-во Пекинского университета языка, 2008.
7. 征服 HSK汉语语法。徐昌火编著。北京大学出版社, 2005。 Покорение грамматики китайского языка HSK / сост. Сюй Чанхо. – Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2005.
8. 现代汉语使用语法分析 (上册)。朱庆明编著。北京。清华大学出版社, 2007。 Анализ практической грамматики современного китайского языка. Т. 1 / сост. Чжу Цинмин. – Пекин: Изд-во университета Цинхуа, 2007.
9. 对外汉语教学参考/丁永寿。-北京语言大学出版社, 2010. Справочник по грамматике китайского языка как иностранного / под ред. Дин Юншоу. – Пекин: Изд-во университета языка, 2010.
10. 外国人学汉语语法/胡清国。-上海: 上海教育出版社, 2009. Грамматика для иностранцев, изучающих китайский язык / под ред. Ху Цинго. – Шанхай: Шанхайское издательство образования, 2009.

Бузуев О. А., Боровикова К. В.
O. A. Buzuyev, K. V. Borovikova

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ФИЛОЛОГИИ В СИСТЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ФФиМК ФГБОУ ВПО «АмГПУ»)

PHILOLOGICAL RESEARCH WITHIN THE SYSTEM OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION (LESSONS DRAWN FROM THE EXPERIENCE OF THE DEPARTMENT OF PHILOLOGY AND CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AT THE AMUR STATE UNIVERSITY OF PEDAGOGY AND HUMANITIES)

Бузуев Олег Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: kaf-rus-amgpgu@mail.ru.

Mr. Oleg A. Buzuyev – Dr.habil. of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, the Amur State University of Pedagogy and Humanities (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 17, Kirov Str., Komsomolsk-on-Amur. E-mail: kaf-rus-amgpgu@mail.ru.

Боровикова Карина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета филологии и межкультурной коммуникации Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: karina.v@inbox.ru.

Ms. Karina V. Borovikova – PhD in Philology, Associate Professor, Dean of the Department of Philology and Cross-cultural Communication, the Amur State University of Pedagogy and Humanities (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: karina.v@inbox.ru.

Аннотация. В статье актуализируется проблема системного подхода к теоретической разработке и практическому внедрению научных исследований в области филологии в рамках структурного подразделения вуза. Основное внимание уделяется тематике научных исследований по литературе, русскому языку, русскому языку как иностранному, а также ряду иностранных языков и их роли в развитии межкультурной коммуникации с учётом специфики Дальневосточного региона.

Summary. This paper dwells on the systematic approach to the problem of theoretical development and practical application of scientific research in the field of philology. The focus is on research subjects in such areas as Literature, Russian Language, Russian as a Foreign Language, as well as other foreign languages, and on the role of regional research in the development of cross-cultural communication in the Russian Far East.

Ключевые слова: русский язык, литература, русский язык как иностранный, литература дальневосточного зарубежья, межкультурная коммуникация.

Key words: Russian language, literature, Russian as a foreign language, literature of the Far Eastern émigré community, cross-cultural communication.

УДК 82.0:001.89(571.6)

В публичной декларации целей и задач Министерства образования и науки Российской Федерации в 2015 г. повышение результативности российской науки, повышение кадрового потенциала, а также преодоление разрыва поколений объявлены в качестве приоритетных направлений дальнейшего развития высшей школы.

Исследования по филологии остаются важнейшей составляющей научного потенциала современного вуза в условиях продолжающихся реформ высшего образования. В настоящее время на факультете филологии и межкультурной коммуникации (далее ФФиМК) Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета накоплен значительный опыт системного подхода к реализации научных проектов по филологическим спе-

циальностям и направлениям подготовки в рамках регионального, всероссийского и международного сотрудничества.

ФФиМК реализует образовательные программы по следующим направлениям: «Педагогическое образование» профиль «Русский язык и литература», «Педагогическое образование» профиль «Иностранный язык (первый) и иностранный язык (второй)», «Лингвистика» профиль «Перевод и переводоведение». Факультет также осуществляет подготовку магистров по профилю «Литературное образование» и аспирантов по специальностям «Русская литература» и «Теория языка».

Научные исследования осуществляются на кафедре русского языка и литературы, кафедре русского языка как иностранного и двух кафедрах иностранных языков. Научная деятельность выпускающих кафедр непосредственно связана с реализацией учебных планов и ООП специалитета, бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, что обеспечивает преемственность в подготовке научных кадров и поэтапную подготовку молодых учёных к дальнейшей работе в вузе. На этой основе сформирована опытная база для успешного функционирования научной школы, научно-исследовательской лаборатории, международного обмена студентами и преподавателями, что, в свою очередь, определяет цели и задачи межкультурной коммуникации как в диахроническом, так и синхроническом аспектах.

С 2010 г. в качестве системообразующего научного направления на факультете была определена тема «Филологическая наука в условиях диверсификации образования», целью которой явилось выявление специфики формирования и развития филологического образования в условиях реформы высшей школы. В рамках обозначенной темы формировалась тематика научных исследований кафедр факультета: «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в рамках образовательного процесса», «Восприятие картины мира студентами-иностранцами в процессе изучения филологических дисциплин», «Лингвистика и поэтика текста», «Дискурсивная парадигма межкультурной коммуникации». Эффективными формами обсуждения проблематики заявленных тем стали: ежегодное проведение научно-методических семинаров, конкурсов молодых исследователей, международных олимпиад по русскому языку и литературе, иностранным языкам, международных, всероссийских и региональных научно-практических конференций; участие в российских и международных грантах; издание статей в ведущих научных журналах. Решение поставленных задач предполагало разработку практико-ориентированных методик обучения студентов и аспирантов на филологическом факультете (бакалавриат, магистратура, аспирантура), а также внедрение полученных результатов в виде учебных планов, ООП, программ, учебно-методических пособий, УМКД, КИМов и других оценочных материалов в систему многоуровневого вузовского образования.

Кафедра русского языка и литературы занимает ведущие позиции в Дальневосточном федеральном округе по научному направлению «Литература Дальнего Востока и дальневосточного зарубежья». Кадровый состав, публикации, участие в проектах РГНФ, международных конференциях свидетельствуют о высокой результативности работы кафедры. Значительный вклад в развитие приоритетного направления вносит деятельность научно-исследовательской лаборатории с одноименным названием. Лаборатория функционирует в рамках научной школы «Литература русского зарубежья» и является структурным подразделением факультета. В рамках научно-исследовательской деятельности лаборатории разработана оригинальная концепция формирования и развития литературы русского зарубежья Дальнего Востока в национальном культурном процессе XX века, акцентирующая внимание на диалектическом единстве литературного и культурного наследия метрополии и русского зарубежья. Основная цель деятельности лаборатории – формирование у студентов, бакалавров, магистрантов, аспирантов целостного представления о литературе и культуре Дальнего Востока и дальневосточного зарубежья, а также подготовка научных исследований и их последующая защита.

Кафедральная тема «Лингвистика и поэтика текста», помимо частных научных исследований, предполагает описание коммуникативных единиц и информационно-коммуника-

тивных процессов, выявление специфики художественного текста как семиотического объекта, изучение природы, атрибутивных признаков текстообразующих единиц и их систем как в лингвистическом, так и в литературоведческом аспектах. В области лингвокультурологии ведутся разработка теории символа, изучение системы символов русской рок-поэзии (символики времени, соматики, предметной сферы, социальной сферы, коммуникативной сферы), а также изучение символических систем других субкультур по аналогичной методике, что позволяет произвести сопоставление символических систем в различных языковых картинах мира.

Научные исследования кафедр русского языка как иностранного и языковых кафедр факультета проводятся с учётом системного подхода к осмыслению теории и практики межкультурной коммуникации. Тема **кафедры русского языка как иностранного (РКИ)** «Восприятие картины мира студентами-иностранцами в процессе изучения филологических дисциплин» в основном ориентирована на разработку научного обеспечения коммуникативного пространства русского языка, а также на создание новых технологий в процессе обучения русскому языку как иностранному. Практической целью является создание оригинальных программ по изучению современного русского языка и русского языка как иностранного с использованием интерактивных технологий и технологий удалённого доступа. Специфика деятельности кафедры обусловлена привлечением иностранных студентов для обучения в АмГПУ в формате двухступенчатого образования (бакалавриат – магистратура), а также их участием в культурных и образовательных программах по сотрудничеству с вузами стран АТР, с организацией и проведением стажировок магистрантов и преподавателей русского языка как иностранного. При этом научные исследования кафедры РКИ проводятся с использованием традиционных форм: организации и проведения ежегодных международных и научно-практических конференций, международных олимпиад по русскому языку для студентов-иностранцев (страны АТР). Значимым результатом деятельности кафедры является обсуждение вопросов межкультурных коммуникаций, проблем культурной адаптации, а также обширного спектра вопросов русского языка и русской литературы в рамках ежегодной Международной научно-практической конференции «Диалог культур – диалог о мире и во имя мира».

Подобные формы работы используются языковыми кафедрами ФФиМК (кафедрой первого иностранного языка и переводоведения, кафедрой второго иностранного языка и китаеведения). Основой для научного сотрудничества языковых кафедр стала совместная разработка темы «Дискурсивная парадигма межкультурной коммуникации», включающей проблемы, связанные с особенностями восприятия и порождения дискурса носителями русского и иностранного языков, эффективностью межъязыкового взаимодействия, минимизацией коммуникативно значимых ошибок, устранением когнитивного диссонанса.

Практическим результатом научной деятельности кафедр явилась организация и проведение X Международной конференции FEELTA, посвящённой проблемам лингвистики, преподавания языка и культуры «Crossing borders: Language, Culture, Cognition», 23-25 июня 2014 г. В рамках конференции осуществлялась работа 50 научно-методических секций. Тематика выступлений соответствовала специфике деятельности групп по интересам (topic areas), действующих в рамках конференции (English in the Pacific Rim Countries, Teaching Methods, Cultural Issues, English for Specific Purposes, CALL, Technology and Multimedia, Materials Writing, Teacher Development and Education, Interpreting and Translating, Linguistics). Основными научными направлениями конференции стали лингвистика и межкультурная коммуникация, методика обучения английскому языку в вузе, английский для специальных целей.

Представленный опыт взаимодействия кафедр факультета в реализации научных исследований, их теоретической разработке и практическом внедрении, безусловно, не охватывает весь спектр проблем, связанных с выстраиванием системных отношений в области межкультурной коммуникации. Очевидно, что в данном случае он уникален для каждого конкретного вуза. Очевидно и то, что стратегия развития научных исследований с целью наибольшей эффективности конечного результата предполагает различные варианты кафедральных отношений, в том числе за счёт расширения междисциплинарных связей.

Туркулец И. А.
I. A. Turkulets

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-СОМАТИЗМОМ «РУКА»,
ОПИСЫВАЮЩИЕ ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ М. А. ШОЛОХОВА)**

**PHRASEOLOGICAL UNITS CONTAINING THE SOMATIC COMPONENT 'HAND'
THAT DESCRIBE CORPORAL PUNISHMENT (A CASE STUDY OF WRITINGS
BY MIKHAIL SHOLOKHOV)**

Туркулец Иван Алексеевич – соискатель кафедры русского языка Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова (Россия, Москва); 680021, г. Хабаровск, 21 ГОС а/я 1916; 8(4212)49-72-01.
E-mail: march-wolf@mail.ru.

Mr. Ivan A. Turkulets – PhD Applicant, Department of the Russian Language, Mikhail Sholokhov Moscow State University of the Humanities (Russia, Khabarovsk); 21 GOS PO box 1916, Khabarovsk, 680021; + 7 (4212) 497201. E-mail: march-wolf@mail.ru.

Аннотация. Фразеологические единицы с компонентом-соматизмом «рука» являются ярким, экспрессивным выразительным средством для описания мастерства, труда, эмоций, физического состояния или воздействия и др. Большинство фразеологизмов с компонентами-соматизмами обладают негативной семантикой или коннотацией, что позволяет выделять целые лексико-семантические группы «негативных» фразеологических единиц, например группу «телесные наказания».

Summary. Phraseological units with a somatic component 'hand' are vivid means of expression used to describe human skill, labor, emotions, physical states or exposure, etc. Most of phraseological units with somatic components have negative semantics or connotations. It allows us to single out individual lexical-semantic groups of 'negative' phraseological units, for example, 'corporal punishment'.

Ключевые слова: М. А. Шолохов, фразеологизм, соматизм, рука, телесное наказание.

Key words: Mikhail Sholokhov, phraseological unit, somatic semantics, hand, corporal punishment.

УДК 81'282.2, 808.1

Вопрос о принадлежности того или иного выражения к фразеологизмам в лингвистике является одним из самых спорных и противоречивых [9]. Не ставя перед собой задачу предложить окончательное решение данной проблемы, отметим, что чаще основой для той или иной классификации фразеологических единиц (ФЕ) выступают их структурные или парадигматические свойства. Мы же предлагаем группировать ФЕ на основе их лексико-семантических свойств: наличия того или иного компонента и тематического распределения реализуемых выражением значений.

Русский язык насчитывает множество фразеологизмов с компонентом «рука», пришедших из различных источников (Библии, античной литературы, фольклора), например «умывать руки», «рука Немезиды», «рукой подать» и т.д. В группе фразеологизмов с соматизмом «рука» можно отметить несколько архетипов: рука как символ власти, права, силы; рука как символ богатства и орудие для получения материальной выгоды (зачастую нечестным путем). Большая часть фразеологических единиц с компонентом-соматизмом (ФЕС), включающих компонент «рука», обладает негативной семантикой или коннотацией. Также нужно отметить, что с помощью жестов рук издавна производили многие ритуальные дей-

ствия: благословляли, клялись и т.п., и это закрепилось в значениях различных ФЕ [6]. Однако кроме негативных по семантике ФЕС с компонентом «рука» словари фиксируют и ФЕ с положительными значениями: «золотые руки», «мастер на все руки», «легкая рука», «работа кипит в руках», «надежные руки», «хорошие руки» и т.д.

При анализе художественных текстов М. А. Шолохова нами были выявлены ФЕС с компонентом «рука», составляющие лексико-семантическую группу, обозначенную нами как «телесные наказания». Данная группа представлена такими ФЕ, как «рук не миновать» в значении «не избежать наказания» (ср.: «А ежели выйдешь за другого – рук моих не минуешь!» (Кривая стежка) (см. прим. 1)); «руки приложить» в значении «рукоприкладство» (ср.: «В тот день, когда слух о гибели Хижняка и Бойко-Глухова дошел до Гремячего, Нагульнов, оставшись наедине с Давыдовым в правлении колхоза, спросил: – Ты понимаешь, Семен, куда дело оборачивается? – Не хуже тебя понимаю. Половцев руки приложил или его подручные, факт!» (ПЦ 2, XXVI)). В группу также вошли следующие ФЕ: «рука шашку не поднимет» (рука не поднимается), «все руки прибить», «карающая рука», «с рук сходит» (что-либо).

Фразеологизм «руку приложить» заслуживает пристального внимания, поскольку имеет три абсолютно разных значения и, более того, в Фразеологическом словаре русского языка дается как три разных фразеологических единицы: «Приложить руки к кому, к чему. Основательно, серьезно заняться кем-либо или чем-либо» [12, 355]; «Приложить руку (руки) к чему. Быть причастным к чему-либо, обычно предосудительному, принять участие в чем-либо предосудительном, плохом» [12, 356]; «Приложить руку к чему, под чем. Устар. Подписать какой-либо документ, бумагу и т.п.» [12, 356]. В текстах М. А. Шолохова выражение имеет значение «побить, избить». Нужно отметить, что этимология тесно связывает все эти значения.

В старину, когда большинство населения не владело грамотой, отпечатки пальцев на бумаге считались равноценной заменой подписи: подделать отпечатки пальцев невозможно в силу индивидуальности узора на пальцах каждого человека. Неграмотные люди вместо подписи оставляли на документах отпечаток пальца, что со временем стало называться «руку приложить» или «ручаться». Выражение постепенно стало частью официально-делового стиля, поскольку стало обязательной формулой старинного делопроизводства: «К сему... руку приложил». Затем значение устойчивого выражения «приложить руку» расширилось и стало обозначать участие в каком-нибудь деле, работе, мероприятии. В переносном значении «рукоприкладством» иронически стали называть драку, нанесение побоев. Суть переноса в том, что нанесение побоев оставляло на теле и лице следы в виде синяков и ссадин от рук (кулаков), как отпечатки рук на бумаге. Так, розги, которыми наказывали провинившихся молодых казаков, оставляли заметные следы на теле и подолгу не сходили. Провинности могли быть разные. «Господа старики» – старейшие и уважаемые люди в казачьем войске могли наказывать, совершать экзекуции – прилюдные порки, например за оскорбление монаршего имени, или миловать («прижалеть», т.е. не расстрелять, а ограничиться розгами): «Уж больно рад был человек, что не расстреляли, поэтому раскланялся и поблагодарил: – Спасибо, господа старики! – Носи на здоровье! – ответил кто-то. И такой дружный гогот пошел по площади, что даже арестованные, сидевшие тут же неподалеку, в сарае, заулыбались» (ТД, 5, XXXI). Также в текстах М. А. Шолохова встречается выражение «руки прикладывать» в значении «бить»: «...перед тем как идти ему руки прикладывать, он (комендант концлагеря Мюллер – И. Т.), чтобы распалить себя, минут десять перед строем ругается» (Судьба человека).

Попасть под горячую руку можно было и по мелочи. Так, М. А. Шолохов иллюстрирует в романе «Тихий Дон» учбу младших старшими в следующем эпизоде. Один юноша в казачьем войске попусту истратил патрон, выстрелив по зайцу. Пантелеймон Прокофьевич Мелехов решил строго проучить растратчика, назначив ему «сто розгов». Паренька наказали, но посчитали, что сто – много, дали всего шестнадцать. После наказания Мелехов смягчился, угостил высеченного мальчишку, утешил обиженного словами, что в старину и не так бивали:

«Молоко-то ешь, чего ты мне в рот глядишь? Ложка у него без черенка, сломал, небось? Халява! Мало тебя, сукиного сына, тоже пороли!» (ТД 6, XLVI).

С. И. Максимов в книге «Крылатые слова» пишет, что практика телесного наказания воспитанников за провинности была обычным делом не только в казачьей среде, но и повсеместно. Ср.: «“Подаваться по рукам – легче будет волосам”». Цельная пословица в указанной форме известна всем прошедшим искус прежнего воспитания со школьной скамьи, как руководящее наставление на все случаи жизни, когда озлобленный учитель или строгий инспектор хватал за чуб и начинал таскать из стороны в сторону. В семинариях, в ремесленных мастерских и других заведениях, включительно до трактиров, где вообще производится выучка деревенских мальчиков, эта наука так и называлась – “натаскиванием”» [5, 247].

Телесные наказания в казачьей среде были частью обязательного воспитания молодежи. Ю. Н. Абакумов отмечает, что согласно традициям, берущим начало с XVII в., решение важных проблем, касающихся всего казачьего войска, в том числе наказание казаков за проступки, осуществлялось на казачьем круге. Происхождение самого термина «круг» ученый объясняет буквально: на главной площади станицы казаки вставали в круг, в первых рядах которого находились «господа старики» – наиболее уважаемые и опытные члены казачьей общины (бывшие атаманы, есаулы, представители всех входящих в войско казачьих станиц). За нарушение норм поведения или оскорбление «святости» казачьего круга любой казак мгновенно наказывался жезлом есаула или атаманской насекой [1].

Таким образом, карающей рукой на кругу могла стать рука есаула или атамана. М. А. Шолохов использует также метонимический перенос «карающая рука» в значении «жестокая царская власть, репрессирующая и подавляющая бунты». Ср.: «Милитаризация тыла, установление суровой карающей руки, беспощадное истребление всех большевиков, этих носителей маразма, – вот ближайшие наши задачи» (ТД 4, XIV).

Пороть на кругу (на сходе) мог отец сына. Узнав о незаконной связи Григория с Аксиньей, Пантелеймон Прокофьевич Мелехов угрожает ему: « – На сходе запорю! ... Ах, ты чёртово семя! ... Я те выхолощу!» (ТД 1, X). Пантелеймон Прокофьевич в гневе отхаживал сыновей костью по спине, порол вожжами загулявшую сноху Дарью, отвечивал кулаком жене. М. А. Шолохов также подробно описывал сложные отношения между мужем и женой в казачьих семьях. Муж являлся кормильцем и защитником: «Казак широко шагнул, собой заслонил жену» (ТД 2, XXI), но он также был полновластным и порой весьма авторитарным и жестоким хозяином, который относится к жене почти как к собственности, которую можно и нужно бить, ругать и учить уму-разуму: «Что из того, что муж, заложив руки за спину, охаживает собственную жену сапогами?» (ТД 1, XIV). Такое отношение прослеживается и в пословицах, и в образных высказываниях: «Муж – он не уж, а тянет кровя» (ТД 1, III); «Жену учи, а меня нечего!» (ПЦ 1, IV); «Ты на жену свою Лушку стучи кулаком, а я тебе не жена!» (ПЦ 1, XXIV); «Ты чего на меня кричишь? Кто я тебе – жена или кучер твой?» (ПЦ 2, III).

Показательно, что жена представляется человеком, которому муж-хозяин может и приказывать, и наказывать на непослушание. Такое традиционно-патриархальное понимание семейных отношений, когда женщина не имела никаких прав, бытовало на протяжении всей истории казачества до середины XX в., и в описываемый М. А. Шолоховым период принадлежность к коммунистической партии едва начала уравнивать мужчин и женщин в правах. В казачьих хуторах и станицах же нравы и обычаи оставались прежними, когда муж является полновластным хозяином жены и она обязана во всем его слушаться: «Жена не медведь, в лес не уйдет» (ТД 1, XXIV); «Жена – что кобыла: до той поры на ней ездись, пока зубы в роте держатся» (ТД 2, VII); «Мне что его бояться, ты – жена, ты и бойсь» (ТД 1, XII). Хотя нужно отметить, что в отсутствие мужа, например при его уходе в армию, на жену ложилось все домашнее хозяйство, которое она вела крепко, «по-мужицки».

С другой стороны, жена для мужа является наиболее близким человеком, причем и сама к мужу относится таким образом, несмотря на побои (ср. известную народную поговорку «бьет – значит любит»): «Толстяк откинулся на спинку сиденья, похрапывает, будто у жены

под боком» (очевидно, трактовка сравнения «будто у жены под боком» подразумевает значение «в уюте и безопасности») (Судьба человека); «Не покорми тебя с недельку, так от тебя не то что Куприяновна, но и родная жена откажется» (ПЦ 2, XIX). Ср. фразеологизм «родная мать не узнает»; здесь значение изменения внешнего вида человека в худшую сторону, столь серьезного, что даже самый близкий человек может отказаться признавать родным. Примечательно соотношение вариантов «мать» – «жена», эквивалентных друг другу в семантическом плане как «самый близкий человек».

Выражение «рук не миновать» не фиксируется словарями и является довольно редким, но все же образным и устойчивым, т.к. воспроизводимо в произведениях Л. Н. Толстого, И. А. Тургенева и других писателей. В целом, выражение можно описать следующим образом: «Рук не миновать (чьих-либо). Быть пойманным кем-либо враждебно настроенным; понести телесное наказание». Это значение реализуется и в текстах М. А. Шолохова: « – Ну, ладно, стерва!.. Мне не достанешься, а другому и подавно! А ежели выйдешь за другого – рук моих не минуешь! – Руки-то тебе короткими сделают, не достанешь!.. – пыхнула Нюрка» (Кривая стежка). В данном контексте интересно также структурное и семантическое преобразование выражения «руки коротки» («Разг. ирон. Нет достаточной силы, власти, влияния; слабоват в чем-либо» [11, 584]) или «укоротить руки» («запретить кому-либо бесчинствовать, драться» [2, 1381]).

Оборот «рука шашку не поднимет» является трансформацией ФЕ «рука не поднимется», в которую вклинивается дополнительный компонент «шашка» и реализует в тексте ее узусальное значение «кто-либо не решается ударить или убить кого-либо» [8, т. 12, 1534]: «Я проводил его (австрийского офицера – *И. Т.*) взглядом: красивый молодой парень, милое товарищеское лицо. Столкнись с таким – и рука шашку не поднимет» (ТД 3, XI).

Шашка, кнут, нагайка – оружие казака. Этимология слова «оружие» неоднозначна, однако М. М. Маковский, как нам кажется, справедливо считает слова «рука» и «оружие» родственными по происхождению [4]. Видимо, по семантике первоначально приставка означала «окружить руку», сделать ее не голой.

Казаки часто осуществляли расправу кнутом или нагайкой. Ср.: «Аксинья на гром откинутой двери оглянулась. – Гадина!.. Сука!.. Взвизгнув, кнут плотно обвил ее лицо. (ТД 3, XXIV); Степан, опустив зрачки, ухватил кнут. – Куда?.. – Калитку прикрыть. – Вернись, подлюга... сказано – не ходи» (ТД 1, XVI).

Кнутом, нагайкой (плетью) можно было показать жене кузькину мать, поскольку, по мнению авторов словаря «Фразеологизмы в русской речи», Кузька, Кузьма и Кузькина мать – наименования плетки, орудия домашнего наказания. В день свадьбы на кузьминки (св. Кузьма и Домиан считались на Руси покровителями брака, и в их день часто играли свадьбы) жених клал такую «кузькину мать» в сапог как символ супружеской власти. Существовало выражение: «Это тебе, невеста, – не родная мать, а плеть-подгонялка, плеть кузьки – защитника браков» [7, 398]. Донская нагайка имеет кольцо (металлическое или кожаное) на конце древка, к которому прикрепляется плеть.

Согласно Этимологическому словарю М. Фасмера, нагайка (укр. нагай, нагайка; из русского заимствованы польск. *pałajka*, чеш. *paňajka* (Голуб 167)) образовано в русском от тюркского племенного названия *погай* в Крыму и на Кавказе (Радлов 3, 693). Ногайцы (мн.) – тюркская народность в бывшей Ставропольской губернии, по Тереку и в северному Крыму; ошибочно считалось также, что они живут и в Сибири. [10, 79].

Наверное, можно высказать и другую версию, имеющую, как нам кажется, также под собой некоторое основание. В русском языке есть слово «нагой» или «нагая» в значении «голый, обнаженный». Ср.: в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля: «Нагой. Обнаженный, голый, на ком или на чем нет одежды, коры, шерсти и пр.» [3, т. 2, 1028].

Вероятно, первоначально слово относилось к змеям (гладким, меняющим кожу, похожим на ремень или плетъ). Возможно, в названии «нагайка» имел место метафорический перенос по форме: плетъ (тонкий извилистый ремешок) как змея (нага).

В группу «телесные наказания» также вошли в узуальном виде ФЕ «руку поднять» (на кого-либо) в значении «пытаться ударить или убить кого-либо; посягать на кого-либо» [8, т. 12, 1534]: «Только и могу его выругать, а бить сиротку у меня рука не подымается» (ПЦ 2, X); «дать волю рукам» в значении «драться с кем-либо или бить кого-либо» [8, т. 12, 1533]: «Мишка, освободившись, с силой откинул его (Солдатова – И. Т.) от себя и, испытывая омерзительное желание ударить, сбить с ног и дать волю рукам, судорожно оправлял рубаху» (ТД 6, III).

По мнению авторов словаря «Фразеологизмы в русской речи», «поднятая рука – символ физической и военной силы, насилия, ... угрожающий жест, подчеркивающий готовность к борьбе, к началу агрессивных действий при драках, военных и разбойничьих нападениях» [7, 622].

Не зафиксированное словарями выражение «руки прибить» (об кого-либо) все же является, на наш взгляд, воспроизводимым в разговорной речи. Встретилось оно и в тексте М. А. Шолохова: « – Идол бесчувственный! Каменюка холодная! – чуть не со слезами взглотила молоденькая Настёнка Донецкова, усердно молотившая по спине Давыдова своими маленькими, но крепкими кулачками. – Все руки об него прибила, а ему хучь бы что!..» (ПЦ 1, XXXIII).

Безнаказанность в данной группе представлена одним фразеологизмом «с рук сходит» (что-либо), реализующим в текстах первое словарное значение: «Сходить с рук. Сойти с рук. 1. кому. Оставаться безнаказанным; не получая огласки, проходить безнаказанно. О действиях, поступках кого-либо. 2. Проходить, оканчиваться как-либо. 3. устар. Продаваться» [12, 465]. В контексте речь также идет о безнаказанности действий: «Вот что, братцы!.. Заключим с ими договора, набавим жалованье, как по закону, в неделю один день пущай празднуют... Ты, Захар, молчи!.. Тебя суд припряг платить тридцать рубликов! То-то оно и есть!.. До поры до времени и нам с рук сходит!» (Батраки).

Таким образом, употребляемые М. А. Шолоховым в художественных текстах ФЕ с компонентом «рука», входящие в группу, обозначенную нами как «телесные наказания», показательны с точки зрения воспитания в казацкой среде и отношения казаков к телесным наказаниям на сходе и в семье. Входящие в данную группу фразеологизмы с соматическим компонентом «рука» дают четкие представления о воспитании младшего поколения старшим, об обычаях казаков наказывать повинных на сходе (круге), о гендерных отношениях в семье (муж – полноправный владелец и судья жены), о некоторых подручных средствах наказания: кнут, нагайка, плетъ, вожжи; о терпимом и даже одобрительном отношении казаков к практике телесных наказаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумов, Ю. Н. Воспитание подростков на традициях донского казачества конца XIX – начала XX веков : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Абакумов Юрий Николаевич. – М., 2000. – 245 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль ; под ред. И. А. Бодуэна-Куртенэ. – 3-е изд., испр. и доп. – М. – СПб., 1903. – Т. 1 – 4.
4. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М. : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
5. Максимов, С. В. Крылатые слова / С. В. Максимов. – Н. Новгород, 1994. – 415 с.
6. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.

7. Мокиенко, В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь / В. М. Мокиенко, А. М. Мелерович. – 2-е изд., стер. – М.: «Русские словари», «Астрель», 2001. – 855 с.
8. Словарь современного русского литературного языка (Большой академический словарь) / М. – Л.: изд-во АН СССР – изд-во «Наука», 1950 – 1965. – Т. 1 – 17.
9. Туркулец, И. А. Фразеологические особенности наименований волшебных предметов в русских народных сказках (на примере тематической группы «транспортные средства») / И. А. Туркулец // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2013. – № II-1(13). – С. 37-43.
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер; пер. с нем. – 4-е изд., стер. – М.: Астрель – АСТ, 2007. – Т. 1 – 4.
11. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель – АСТ, 2008. – 878 с.
12. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – 2-е изд., стер. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.
13. Шолохов, М. А. Собрание сочинений / М. А. Шолохов. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956 – 1960. – Т. 1 – 8.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В связи с тем, что существует множество различных изданий произведений М. А. Шолохова, указание на контекст дается не поточно и постранично, а исходя из авторского оглавления произведений. Цитаты из романа «Тихий Дон» (ТД) позиционируются через указание номера части (арабская цифра) и главы (римская цифра); цитаты из романа «Поднятая целина» (ПЦ) описываются номером книги (арабская цифра) и главы (римская цифра), цитаты из рассказов описываются полным названием рассказа. Контексты приводятся по следующему изданию: Шолохов, М. А. Собрание сочинений / М. А. Шолохов. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956 – 1960. – Т. 1 – 8.

Шушарина Г. А.
G. A. Shusharina

РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

KOMSOMOLSK-ON-AMUR'S REGIONAL TOPONYMY IN THE CONTEXT OF A LINGUISTIC AND AXIOLOGICAL STUDY ON REGIONAL IDENTITY

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 9, кв. 57. E-mail: sshusharin@kmscom.ru

Ms. Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Head of the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 9, Lenin Ave., app. 57, Komsomolsk-on-Amur. E-mail: sshusharin@kmscom.ru.

Аннотация. Статья посвящена изучению топонимического пространства города Комсомольска-на-Амуре и его окрестностей с помощью лингвоаксиологического анализа. Региональная идентичность рассматривается как уникальная система в динамике и в аспекте межкультурной коммуникации.

Summary. The paper is a study of the regional place-names of Komsomolsk-on-Amur, based on linguistic and axiological analysis. The regional identity is investigated as a unique system in its dynamics and in terms of cross-cultural communication.

Ключевые слова: топонимы, лингвоаксиологический анализ, региональная идентичность, межкультурная коммуникация.

Key words: toponyms, axiological linguistic analysis, regional identity, cross-cultural communication.

УДК 81 (075)

Понятие «идентичность» получило широкое распространение в разных науках о человеке. Вместе с тем остается открытым вопрос о методах исследования идентичности, о типах дискурса, которые эксплицируют идентичность как реконструируемую ментальную и эмоциональную реальность отдельного коллектива.

Одним из подходов, которые могут быть использованы при исследовании коллективной идентичности человека, является лингвоаксиологический подход, который позволяет диагностировать «ценностное» состояние общества, «опираясь на когнитивные и дискурсивные исследования» [5, 23].

В настоящем исследовании региональная идентичность жителя Комсомольска-на-Амуре, сформировавшаяся в специфических условиях жизненного мира населения регионального города, рассматривается как аутентичная и своеобразная знаковая система в динамике и в континууме постоянных процессов межкультурной коммуникации. При этом коммуникация понимается как такой процесс объединения сущностей, который связан с их адаптацией друг к другу и к внешнему миру для целей выживания и развития.

Феномен региональной идентичности может быть выявлен путем анализа основных его аспектов [2, 43], прежде всего, как осознание образа своего региона в качестве ментально-духовного пространства [2, 43].

Данный аспект соотносится с совокупностью семиотических средств, репрезентирующих действующие в определенном регионе нормы и ценности; социальный код поведения и отношений людей; совокупность реагирующих ассоциаций; запечатленные в памяти образы значимых лиц и персонажей; воспоминания о событиях, влияющие на типичные ментальные схемы восприятия и оценочной интерпретации действительности, а также значимые тексты региональной культуры и система региональной символики, формирующие в их целостности фрагмент региональной картины мира.

В структуре региональной идентичности одним из наиболее значимых семиотических средств номинации компонентов феномена является топонимика, которая тесным образом связана с культурой и историей народа.

Для анализа ландшафтного компонента феномена региональной идентичности использовались топонимы города Комсомольска-на-Амуре и Комсомольского района. Источниками анализа явились карта города и района, фонды научных библиотек города, туристические путеводители. Выявленные топонимы позволили выявить генетический код в структуре современной региональной идентичности жителя города Комсомольска-на-Амуре.

Данный параметр ландшафтного образа региональной идентичности выражается в системе топонимов, этимология которых восходит к древним периодам истории народов, населявших данный регион.

Рассмотрим, какого рода структуры знания стоят за топонимами древнего происхождения. Уточним, что топонимы исследуемого региона формировались в течение ряда столетий в сложных географических и лингвистических условиях на территории, которая постоянно являлась местом соприкосновения, взаимопроникновения и сосуществования нанайцев, русских и других народов.

Активная миграция русских крестьян из уездов в регион началась с 1855 года. В результате на территории современного города Комсомольска-на-Амуре появилось село Пермское, основанное переселенцами Пермской губернии. Кроме того, в селе проживали поселенцы из Орловской, Тамбовской и Вятской губерний. Вначале, в соответствии с положением о переселенцах, русские селились отдельно от местного населения. По материалам переписи населения 1897 года у нанайцев не было ни одного поселка, в котором жили русские. Но это не мешало тесному общению народов. Взаимоотношения коренных жителей Приамурья и русских были многообразны. Так, нанайцы сбывали переселенцам продукцию своих промыслов. На первых порах русские учились у нанайцев способам добычи и разделывания рыбы, так как рыболовство было одним из основных занятий коренного населения [3, 31]. К началу XX века традиционная система жизнеобеспечения нанайцев значительно трансформировалась под воздействием русских, в результате чего изменяется жизненный мир нанайцев: нанайские семьи стали заниматься животноводством, земледелием, строительством.

На территории Приамурья тысячелетиями обитали племена, жизнь которых протекала по своим законам и обычаям. Такие племена относятся к тунгусо-маньчжурам, которые представлены эвенками, эвенами, негидальцами, ороками, нанайцами и т.д., образующими общую языковую группу. Поэтому вполне понятно, что на территории современного Комсомольска-на-Амуре и Комсомольского района встречается значительное количество топонимов тунгусо-маньчжурского происхождения.

Так, один из районов города Комсомольска-на-Амуре своё современное название *Дзёмги* получил от эвенкийского «дзюми», что означает «заброшенный чум». Именно в этом районе в момент прибытия первых строителей города в 1932 году проживали общины гольдов (нанайцев) [1]. Название поселка *Хурба*, расположенного недалеко от города, происходит от нанайского «хурбу» в значении «старое нанайское жилище типа землянки» или от слова «хурбэ» в значении «нерестовая рыба» [1].

Региональные гидронимы также имеют тунгусо-маньчжурское происхождение. Например, номинация реки *Амур* имеет солонское происхождение: «амур» – река [4].

Топоним *озеро Эворон* содержит негидальские корни: эвэйен – большое проточное озеро. *Озеро Амут*, популярное место отдыха у жителей Комсомольска-на-Амуре, получило свое название от эвенкийского слова «амут» в значении «озеро». *Река Циркуль* номинирована по имени нанайского рода Серке, который населял данную территорию. Озеро *Мылки* получило свое название от нанайского слова «малка», т.е. исчезнувшие люди, которые позже русские поселенцы переименовали в *Мылки* [1].

Древние названия имеют только природные объекты, поскольку коренные народы не принимали участие в формировании городской топонимики.

Таким образом, номинации географических объектов сохранили память о далеких предках, населявших территорию Комсомольска-на-Амуре. Топонимика природных объектов позволяет реконструировать процессы межкультурной коммуникации, в координатах которых исторически формировалась региональная идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека имени Н. Островского в Комсомольске-на-Амуре [Электронный ресурс]. – URL : [http:// www.kmslib.ru](http://www.kmslib.ru) (дата обращения 05.05.14).
2. Головнева, Е. В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура / Е. В. Головнева // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 5. – С. 42-50.
3. История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки: кол. монография / С. В. Березницкий [и др.]. – СПб.: Наука, 2003. – 325 с.
4. Русское географическое общество [Электронный ресурс]. – URL : [http:// www.rgo.ru](http://www.rgo.ru) (дата обращения 05.05.14).
5. Серебренникова, Е. Ф. Ключевые понятия аксиологического анализа / Е. Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: кол. монография. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 7-26.

Авдеенко И. А.
I. A. Avdeenko

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ СИМВОЛОВ

ON THE PROBLEM OF CLASSIFICATION OF SYMBOLS

Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Mr. Ivan A. Avdeenko – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature Studies, the Amur Humanitarian and Pedagogical State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 17, Kirov Str, Komsomolsk-on-Amur, 681000. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены существующие классификации символов, в основе которых лежит специфика означаемого, означающего и сферы применения (функционирования). Автор предлагает тематическую классификацию символов, позволяющую смоделировать систему символов в виде тезауруса языковой картины мира, очерчивает перспективы такой классификации.

Summary. The paper offers an overview of the existing classifications of symbols, based on the concepts of the signified, signifier and the field of application (functioning). The author proposes a thematic classification of symbols, allowing us to simulate a system of symbols in the form of a thesaurus of linguistic world-image, and outlines the perspective of such a classification.

Ключевые слова: символ, знак, классификация, языковая картина мира.

Key words: symbol, sign, classification, linguistic world-image.

УДК 81

Проблема символа как знака особого рода остается актуальной. Открытыми остаются вопросы о специфике означаемого и означающего, характере возникновения и функционирования, соотношения с метафорой и метонимией, типологии. Вопрос типологии символов заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку от того, на каком основании выделяются типы символов, во многом зависит их системное изучение, а системность изучения определяет адекватность ответов на весь ряд вопросов, связанных с символом.

Как показывает анализ существующих классификаций символа, они могут быть разделены на три группы в соответствии с тремя аспектами знака: особенностями плана содержания, спецификой плана выражения и характеристиками функции.

Существующие классификации символов на основании различия их значений сводятся к выделению собственно символов в ряду конвенциональных знаков. Например, различая типы обозначаемых символом явлений, У. Л. Уорнер выделяет символы референциальные, значения и взаимосвязи которых оговорены в обществе, зафиксированы и верифицируемы; эвокативные, которые выражают неуловимые чувства в материальных реализациях, выходят за рамки опыта, а потому не верифицируемы эмпирически. При этом большинство символов, которыми пользуются люди, относятся к промежуточному типу, то есть символам, совмещающим свойства референциальных и эвокативных [9]. Такое разграничение, особенно в силу утверждения о промежуточном характере большинства используемых в обществе символов, в сущности, дублирует разграничение символов в понимании Ч. Пирса (конвенциональных знаков, десигнат которых не связан с означающим отношениями сходства или смежности, но вполне определен) и символов как знаков особого рода, обладающих признаком бес-

конечности выражаемых смыслов. Аналогичное разделение символов на референциальные (отсылочные, используемые осознанно) и конденсационные (заместительные), выражающие эмоциональное напряжение в сознательной или бессознательной форме, было предложено Э. Сепиром [7, 205-207]. При этом Э. Сепир считает, что референциальные символы возникли из конденсационных, постепенно утрачивая связь с эмоцией, в то время как другие конденсационные символы продолжают углубляться в бессознательное. Следует отметить, что и Э. Сепир считает, что в бытовой практике происходит совмещение признаков референциальных и конденсационных символов. Классификации эвокативных, конденсационных и т. п. символов как знаков особого рода в семантическом плане в современной научной литературе отсутствуют.

В современном гуманитарном знании имеют место попытки классификации символов на основании различия плана выражения. Так, Н. Н. Рубцов выделяет пять основных способов выражения символического содержания и их комбинации: 1) графические, 2) пластические, 3) дискурсивные (вербализованные в ходе мыслительного процесса), 4) процессуальные (ритуалы, церемонии и т. д.), 5) операционные (поддерживающие определенный общественный порядок) [6]. О. А. Соловьева [7], опираясь на различные формы плана выражения, выделяет типы символических знаков власти: 1) территориальные (площадь, базар, мечеть, церковь, Красная площадь в Москве), 2) словесные (Ваше Величество, Генеральный секретарь), 3) звуковые (барабанный бой, выстрелы из пушек), 4) поведенческие (право быть на коне или сидеть в ходе церемонии), 5) вещественные (скипетр, держава), 6) астрологические (приметы, связывающие право на власть с событиями вселенского масштаба). Представляется, что классификации такого плана, отражая сущность символа как знака особого рода в аспекте плана выражения (если некий план выражения может обозначать различные по своей природе аспекты, объекты, свойства действительности, то вся совокупность этих аспектов, объектов, свойств, очевидно, может выражаться различными способами), тем не менее не отражают взаимодействия символов в системе, не раскрывают их парадигматических отношений как двухплановых единиц.

Наконец, известны попытки построить функциональную классификацию символов. Так, А. Ф. Лосев выделяет девять типов символов на основании их функциональных различий в разных областях использования [5]: 1) научные символы; 2) философские символы; 3) художественные символы; 4) мифологические символы; 5) религиозные символы; 6) природы, общество и весь мир как царство символов; 7) человечески-выразительные символы; 8) идеологические и побудительные символы; 9) внешне-технические символы.

Анализ состава и характеристик заявленных А. Ф. Лосевым типов символов показывает, что они отражают не столько зависимость функции символа от сферы его использования, сколько различия в характере оперирования ими. Эта классификация не позволяет ответить на вопрос, может ли один и тот же символ в различных областях применения сохранять свою целостность. Например, символ ЗЕМЛЯ очевидно применяется во всех названных сферах: для науки – это воплощение множества возможных почв, для философии – материи, для мифологии – рождения, для религии – цикличности или замкнутости процессов рождения и смерти, для природы и общества – практического отношения к природе, для человека, падающего на землю в порыве чувств, – невозможности сохранить душевное равновесие, для идеологии – собственности, для практических действий – обеспечения пищей. Свойство символа выражать бесконечное множество значений определяет понимание данного символа как одной единицы. В то же время наличие специфики интерпретации указывает на относительное сходство актуальных для той или иной сферы использования символов значений. Таким образом, приведенную выше типологию имеет смысл считать типологией символических интерпретаций или значений.

Аналогичную, по сути, классификацию, хотя и в своеобразном историческом аспекте, предлагает А. Р. Абдуллин [1]. В соответствии с выделением бессознательной, подсознательной и сознательной сфер деятельности субъекта он выделяет символы, возникшие бессознательно.

знательно (мифологические); символы, возникшие подсознательно (религиозные); символы, возникшие сознательно (научные). Это позволяет выявлять аспекты символической семантики, связанной с тем или иным означающим, например, бурый цвет в башкирском мифе о буром быке, в одежде католического священника и в пролетарской идеологии. Такой подход, несомненно ценный в плане понимания компонентов значения того или иного символа, определяет характер символического значения применительно к сфере использования символа, а значит, применим не столько к самим символам, сколько к их интерпретациям.

Таким образом, имеющиеся в арсенале науки классификации символов отражают представление о них как о знаках. Отсюда аспекты плана выражения, плана содержания и особенностей функционирования (интерпретации). Однако они не позволяют смоделировать систему символов, учитывающую их специфику как знаков особого рода.

Классификацией, которая, как представляется, отражает специфику символа как знака особого рода и позволяет строить модели символических систем, может стать тематическая классификация символов, в основе которой лежит аспект действительности, релевантный для соответствующего семантике символа понятия. При этом следует иметь в виду, что по большому счету понятие в семантике символа как знака особого рода имеет статус отсутствующего (утраченного) компонента [2]. Это позволяет соотносить символические системы как знаковые системы языковой картины мира с категориальными системами концептуальной картины мира.

В рамках тематической классификации символов могут быть выделены следующие типы: 1) пространственные символы, отражающие представления о символическом значении объектов, размечающих пространство (небо, земля, город, река, дом, дверь, окно, стена, звезда, солнце); 2) темпоральные символы, выражающие культурно-ассоциативные связи единиц и категорий времени (вечность, год, зима, лето, месяц, день, ночь, утро, сейчас, раньше); 3) социальные символы, связанные с надпонятийным содержанием терминов родства и человеческих отношений (брат, сестра, отец, жена, друг, враг, сосед, прохожий); 4) предметно-бытовые символы, направленные на осмысление предметов быта (кровать, диван, телевизор, стол, чайник, очаг, ключ); 5) гастрономические символы, отражающие культурный смысл еды и напитков (чай, торт, вино, хлеб); 6) соматические символы, выражающие надпонятийное содержание обозначений частей тела живых существ (глаза, сердце, рука, нога, нос, голова); 7) вегетативные символы, определяющие смысловое поле неосознаваемых процессов жизнедеятельности (дыхание, жажда, голод, сон, жар); 8) климатические символы, возникшие в результате осмысления явлений природы (гроза, гром, ветер, зной, мороз, снег, дождь); 9) коммуникативные символы, отражающие аспекты общения, выходящие за рамки прагматики (слово, разговор, сказка, песня, собеседник, радио, газета); 10) психические символы, связанные с субъективным переживанием внешних и внутренних событий (страх, печаль, любовь, стыд, тоска); 11) биологические символы, выражающие культурные представления о живых существах (собака, волк, орел, ласточка, мышь); 12) растительные символы, отражающие осмысление растений (дерево, дуб, цветы, трава, роза).

Данная классификация соотносится с основными кодами культуры, названными В. В. Красных [4]: соматическим, пространственным, временным, предметным, биоморфным, духовным, – которые понимаются автором как сетки, которые культура набрасывает на окружающий мир, то есть с основными компонентами языковой (наивной) картины мира.

Предложенная классификация, как представляется, имеет ряд существенных преимуществ:

1. Тематическая классификация позволяет преодолеть атомарность исследования символов, построить тезаурус культуры, отражающий её многомерность и системность.
2. Данная классификация не зависит от формы плана выражения. Это может быть слово, графический знак, архитектурный элемент и т.д.
3. Эта классификация позволяет систематизировать символы определенной среды функционирования и сферы использования, не разрушая их целостности, то есть рассматри-

вать религиозные символы как религиозные, социально-политические как социально-политические, художественные как художественные, поскольку устанавливает связи с ближайшим символическим окружением, а не со всей совокупностью возможных смысловых взаимодействий.

4. Тематическая классификация позволяет содержательно соотносить языковую (наивную) картину мира с концептуальной (научной), поскольку каждый тип потенциально включает в себя весь набор знаков обеих картин мира с различными акцентами: в языковой картине мира – на связи, в концептуальной – на дифференциацию.

5. Данная классификация позволяет соотносить символические тезаурусы различных национальных культур и субкультур, поскольку в каждом классе содержится круг потенциально актуальных для любой культуры символических единиц. В этом отношении может значимо рассматриваться наличие или отсутствие символической единицы того или иного класса в исследуемой культуре, характер взаимоопределения единиц.

6. Эта классификация позволяет выявить специфику взаимодействия единиц внутри классов, особенности организации, поскольку предполагает, что внутри каждого класса устанавливается своя система отношений.

7. Тематическая классификация позволяет проследить межклассовые связи.

В заключение следует отметить, что состав типов символов в рамках тематической классификации остается открытым, он может быть сокращен в связи с неактуальностью символов определенного класса для языка той или иной культуры либо расширен с учетом потенциальной бесконечности специфичных языков культуры. Опыт рассмотрения подсистемы символов в рамках одного тематического класса представлен в работе [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллин, А. Р. Культура и символ (монография) / А. Р. Абдуллин. – Уфа: Издательство “Гилем”, 1997. – 158 с.
2. Авдеенко, И. А. Символ, концепт, текст: пространство эксперимента / И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – Т. 2. – № 1. – С. 45-48.
3. Авдеенко, И. А. Пространственные символы в языковой картине мира русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2012. – Т. 2. – № 11. – С. 39-42.
4. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5-19.
5. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
6. Рубцов, Н. Н. Символ в искусстве и жизни / Н. Н. Рубцов. – М.: Наука, 1991. – 176 с.
7. Сепир, Э. Символизм // Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с. – (Филологи мира).
8. Соловьева, О. А. Историко-этнографические аспекты традиционной должностной власти и управления в Бухарском эмирате XIX – начала XX веков : автореф дис. ... канд. ист. наук (07.00.07) / Соловьева Оксана Анатольевна. – СПб., 2000. – 20 с.
9. Уорнер У. Л. Живые и мертвые / У. Л. Уорнер ; пер., коммент. и послесл.: В. Г. Николаев. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 671 с. – (Культурология. XX век).

Хлебус Е. Е.
E. E. Khlebus

ГРУППИЗМ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ЯПОНСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

GROUPISM AS A CHARACTERISTIC FEATURE OF JAPANESE SOCIOCULTURAL TRADITION

Хлебус Екатерина – Хабаровский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. Саратовская 20, кв. 201; +7(4212)27-42-21. E-mail: khlebusekaterina@yandex.ru

Ms. Ekaterina E. Khlebus – city of Khabarovsk Institute of the Boarder Guard under the Federal Security Service of the Russian Federation (Russia, Khabarovsk); 20, Saratovskaya Str., ap. 201, Khabarovsk, 680000; +7(4212) 27-42-21. E-mail: khlebusekaterina@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению базовой структурной единицы японского общества; факторов, послуживших основой формирования группового сознания; влиянию процесса интернационализации на групповую систему японского общества.

Summary. The paper deals with the fundamental structural element of Japanese society, examines factors underlying the group consciousness, and investigates the effect of the process of internationalization upon the group system of Japanese society.

Ключевые слова: группа, групповое сознание, групповое поведение, традиционализм, индивидуализация, индивидуализм, дисгармония.

Key words: group, group consciousness, group behavior, traditionalism, individualization, individualism, disharmony.

УДК 007

Группа – базовая структурная единица японского общества. На протяжении своей жизни японец является членом различных групп – семьи, храмовой общины, школы, университета, фирмы, партии или неформальной организации. Принадлежностью к той или иной группе преимущественно определяется поведение японца.

Групповая система основана на принципе всеобщего согласия; каждая из групп – достаточно независима и замкнута, подчиняется законам, общим для всех её членов, и объединяется едиными целями. Это порождает групповое сознание, которое существует на эмоциональном уровне и является традиционной ценностью японцев. Базу такого сознания определил преимущественно трудоёмкий процесс воздвигания риса, который требовал на протяжении тысячелетий кооперации и взаимопомощи не только членов семьи, но и родственников, друзей, соседей и богов. Именно экономическая необходимость сформировала групповое поведение: главное для японца – производство, от которого зависит существование его семьи. В случае несоблюдения правил поведения в группе человек лишался её поддержки, поэтому для японца на протяжении веков было невозможным противиться воле группы и оказаться вне её [6, 27].

Чувство гири – один из факторов, определяющих подобный способ мышления, ориентированный на мнение группы. Гири – чувство социального долга по отношению к обществу, обуславливает этические требования к поведению личности. Каждый член общества должен вести себя по отношению к другому так, как ожидает общество. Гири – это ритуал выполнения долга, предписаний и благодарности.

Отношения между группами строятся по принципу ути-сото (внутренний – внешний). Этот принцип распространяется на представителей всех социальных слоев и определяет принадлежность японца к той или иной группе. В любом обществе отношения между людьми формализованы, однако в Японии, по сравнению с другими странами, степень формализованности высока. Общась, японцы видят в партнёре, прежде всего, представителя той или иной группы, имеющего в ней определённый статус. На этой основе выбираются правильный (нужный) тон и манера поведения. Правда или неправота определяются не абстрактными понятиями добра и зла, а признанием своего места в сложном переплетении взаимных обязанностей [7, 282]. Японец вынужден сдерживать себя в ущерб собственным интересам, но социум при этом выигрывает, так как соблюдаются установленные общественные нормы. Японцам с детства знакомы изречения, ставшие не только языковыми клише, но и этическими нормами: «затеял ссору – проиграл» или «если рассердился – отойди». Они формируют в людях сдержанность, склонность к компромиссам и отражают национальные поведенческие установки [7, 382].

Внутри групп межличностные отношения строятся, как правило, по вертикальной оси, что обозначается понятием «оябун-кобун», означающим отношения родителей и ребенка, старшего и младшего как по социальному положению, так и по возрасту. В представлении японцев первая из добродетелей – моральная обязанность человека. Это, прежде всего, почитание родителей, а в более широком смысле – покорность воле старших. Именно преданность, основанная на долге признательности, делает столь прочной ось «оя-ко», на которой держится вертикальная структура японской семьи и других социальных групп, созданных по её образу: отношения учителя и ученика, покровителя и подопечного и др.

Принцип «сэмпай-кохай» – разновидность выражения групповых взаимоотношений. Если речь идет о старшем по возрасту или должности, японец оперирует понятием «сэмпай»; «кохай» – соответственно о младшем. Этот принцип выражается в наставнической деятельности со стороны более опытных сотрудников по отношению ко вновь прибывшим коллегам.

Таким образом, отношения в группах и в обществе в целом строго фиксируются, создавая как бы единое полотно и не оставляя места вновь пришедшим. Замкнутость японского общества традиционно не допускала ни проникновения в него иностранцев, ни ухода «своих». Это положение, конечно же, нельзя абсолютизировать: такие группы, как семья или компания, должны пополняться, без этого они исчезнут. Подобное групповое сосуществование и по сей день можно классифицировать как основополагающий принцип японского общества [6, 30].

В настоящее время в связи с интернационализацией сфер жизни японского общества наблюдается процесс отхода от групповой системы и постепенное утверждение индивидуальных жизненных принципов, что определяет одно из принципиальных изменений в ценностных ориентациях японцев. В свою очередь, настойчивость и частотность, с которой проводится в Японии обсуждение проблемы индивидуальности, свидетельствует о том, что для нее это процесс, определяющий поиск нового. Распад традиционной японской семьи стал его началом. Традиционная японская семья, как это известно, включает в себя не только родителей, детей и старшее поколение, но и боковые ветви семейного древа, умерших предков и еще не родившихся потомков, символизирующих непрерывность семейной линии и преемственность поколений. На смену традиционной семье пришла нуклеарная семья.

Профессор Киотского университета Наканиси Тэрумаса полагает, что снижение морального уровня молодежи во многом происходит из-за того, что нарушен баланс между традиционным началом в обществе и культуре и современным, между индивидуальным и общественным. Он считает, что свобода, которая является непреходящей ценностью в XXI веке, должна определяться «внутренним моральным компасом»: это свобода принимать решения и нести за них ответственность [4, 142].

В сфере труда гражданские ценности японцев остаются неизменными: задержаться на работе по окончании официального рабочего дня всегда было обыденным явлением для японца, а перерабатывать по несколько часов ежедневно – правилом хорошего тона. Верность, в основе которого долг признательности, и усердие – это две добродетели, которые в представлении японцев не требуют вознаграждения. Основной целью деятельности является поддержание престижа и процветания компании. Ради успеха общего дела японец всегда готов пожертвовать своим временем. Конечно, нельзя говорить о том, что это свойственно всем японцам без исключения, но среднестатистический служащий привык трудиться именно в таком режиме. Исследователи В.А. Пронников и И.Д. Ладанов отмечают, что в целях реализации поставленных задач японцы способны на значительные жертвы. Нередко в угоду группе они отказываются от личных благ. «Тяга японцев к групповому взаимодействию необычна сильна. Японский бизнес извлекает из этого немалую выгоду», – отмечают исследователи [7, 385].

Тем не менее по наблюдениям многих исследователей, приверженность японцев групповой ориентации начинает утрачиваться в связи с тем, что процессы интернационализации затрагивают, прежде всего, сферу производства. Молодых японцев в настоящее время трудно назвать «трудоголиками» (определение, которое, как казалось, навсегда закрепилось за представителями этой нации). Принцип «жить, чтобы работать» постепенно теряет актуальность, а идеи фанатичной преданности своей компании и мечты о карьерном росте – мало популярны в молодежной среде. В отличие от представителей старшего поколения, молодые люди стремятся меньше работать, а уменьшающиеся доходы готовы компенсировать сокращением своих материальных запросов.

Значимыми для большинства из молодых людей становятся независимость от общества и наличие свободного времени для реализации собственных увлечений [3, 185]. Принцип корпоративизма теряет свою актуальность. В своё время предприятие обеспечивало долговременную занятость, продвижение по службе и устойчивое повышение заработной платы, давало возможность наёмным работникам отдыхать за счет компании и т.д. Компанией был определён весь жизненный цикл работников, в том числе и молодых людей, и они отвечали ей лояльностью и добросовестным трудом и, руководствуясь формулой «жить, чтобы работать», обеспечили Японии высокие темпы роста и экономические успехи.

В последнее время значительную часть общества волнует вопрос, не скажутся ли негативно процессы индивидуализации на гармонии общества. В привычной системе межличностных отношений, которая формировалась с учетом иерархии «старший – младший», «мужчина – женщина», «начальник – подчиненный» и т.д., стали возникать проблемы, обусловленные желанием молодых японцев отстоять свою индивидуальность. Индивидуализм западного образца развивался в рамках учения Христа, согласно которому индивидуальный путь каждого человека определен Господом Богом, и заслуживает внимания и уважения. Человек лично и напрямую связан с Богом и именно в этом он обретает успокоение. Японцам изначально свойственен другой тип осознания себя и взаимосвязей с миром, основу которого составляет синтоизм, определяющий одну из основ национального характера японцев – коллективизм. Религия синто органично включает в свою систему этику, нравственные установки, являясь в большей мере неписанным моральным кодексом, системой этических норм, сводом правил, указывающих на то, как нужно жить для того, чтобы иметь право называться человеком. Среди этих установок – хранить память о предках и заботиться о детях и внуках так, чтобы оставить память о себе; императив сплочения общества; сбережение национальных традиций; культ предков, воспитывающий уважение к старшим.

Значимым атрибутом синто является вера в загробную жизнь. Существование в мире мёртвых рассматривается как продолжение существования в мире живых, ныне живущие превращаются в связующее звено между усопшими предками и вступающими в жизнь детьми, подростками и молодёжью, благодаря чему укрепляется преемственность и единство поколений. Необходимо отметить, что должное существование в ином мире в качестве духа

обеспечивается соблюдением культа предков оставшимися членами семьи, и такое почитание имеет под собой основу, заложенную усопшими при жизни и состоящую в заботе о тех, кто останется после его кончины. Таким образом, представитель «среднего» поколения должен воздавать почести предкам, заботиться о младших, готовясь к переходу в состояние предка и гарантируя таким образом для себя в будущем их поддержку (соблюдение культа предков).

Функционирование синто в сфере отношений между поколениями способствует укреплению семейных уз, а в более широком плане – сплочению общества. Этика синто утверждает идеал семейного тепла, при наличии которого человека не оставляют в одиночестве и на смертном одре, разделяют горе людей, потерявших близкого. Анализируя эту сторону синто, американский исследователь Х. Байрон Эрхарт отмечает, что «...благодать, которую предки даруют своим потомкам, есть, собственно, сама жизнь и средство защиты непрерывного развития семейного рода...» [2, 360].

Традиционное, основанное на синтоистском мировоззрении, осознание себя частью мироздания, невыделение себя из окружающей среды способствовало тому, что для японца свойственно такое отношение к самому себе, что утверждения «я ничего из себя не представляю», «я – ничто» были проявлением не ложной скромности или самоуничижения, а отношения к себе как равному среди равных. Более того, принцип «не выделяться» был установкой, в соответствии с которой японцы воспитывали себя и вырабатывали определённые правила поведения в разных сферах жизни. Однако в последнее время японцы под влиянием средств массовой информации стали уделять активное внимание индивидуальному выражению собственного «я». Философы и социологи рассматривают индивидуализацию как значимую проблему, так как «в Японии стремление выразить свою индивидуальность продиктовано вошедшими в моду идеями. Оно не имеет серьезных оснований и, по сути своей, отличается от того понимания человеческой индивидуальности, которая существует на Западе. Это – индивидуализм, который в определённой мере поколебал моральные устои японцев. В прежние времена японцы жили, руководствуясь правилом: всё связано со мной, и я живу в этой всеобщей взаимосвязанности. Таково было понимание себя и мира, породившее соответствующее отношение к миру и соответствующую мораль. В подсознании на генном уровне это и сейчас есть у японцев, поэтому попытка «переделать себя по западному образцу» не даёт положительных результатов» [1, 250]. Действительно, ставшая в Японии модной ориентация на проявление собственной индивидуальности приводит к дисгармонии в человеческих отношениях и нарочитости в создании собственного имиджа.

Конечно, ошибкой было бы считать, что традиционное японское общество – это однородная масса абсолютно одинаковых людей. Индивидуальность автора, проявляемая в поэзии, скульптуре, живописи, графике, ремёслах в Японии высоко ценилась, и создателей шедевров называли великими мастерами. Но проявлялась она несколько иначе. Исследователям японской культуры хорошо известно высказывание, принадлежащее Кобо Дайси, известному буддийскому поэту и мыслителю (774-835): «Не иди путем древних, но ищи то же, что они». Отрицать предыдущий опыт в восточном понимании – это не отвергать его, а обновлять и углублять. Именно так проявлялась в Японии творческая индивидуальность; на этом основывалась культура межличностных отношений, в основе которой – отношения типа «ученик-учитель». По мнению профессора Ямаори Тэцуо, «прогресс во всех сферах человеческой деятельности в Японии достигался благодаря существованию отношений «ученик – учитель» [1, 251]. Причина успехов Японии в освоении западных технологий, возможно, также объясняется тем, что отношения типа «ученик – учитель» оказались эффективными в условиях взаимодействия стран. В настоящее время правило «приумножай» потеряло свою силу, поскольку стремление во что бы то ни стало «заявить миру о себе», продемонстрировать обществу свое «я» вышло на первое место. Очевидно, что уровень развития человека как личности определяется не его деловыми качествами и способностями, не степенью выраженности индивидуальности, а глубиной мыслей и чувств.

Тем не менее на сегодняшний день наблюдается противостояние традиционного взгляда на мир, общество, своё место в нем и культуру межличностных отношений духовным ценностям, заимствованными у Запада. С одной стороны, стремление строить жизнь и быт по тем же нормам, что и на Западе, даёт возможность японцам ощутить себя членами мирового сообщества, с другой – непоследовательное усвоение не свойственных японской культуре ценностей и идеалов приводит к определённой нарочитости в их проявлении. Прежде всего, это относится к индивидуализации, которая приняла вид своеобразной кампании, вносящей определенную дисгармонию в налаженную систему человеческих отношений, при которой каждый знал свои обязанности, строго выполнял их, руководствуясь принципом «не выделяться».

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимова, М. П. Духовный портрет японского общества / М. П. Герасимова, Э. В. Молодякова // Портрет современного японского общества. – М.: АИРО – XXI, 2006. – С. 250-251.
2. Еремин, В. Синто в наши дни / В. Еремин // Синто – путь японских богов: В 2 т. Т. I. Очерки по истории синто / под ред. Е. М. Ермаковой, Г. Е. Комаровского, А. Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперион, 2002. – С. 360.
3. Катасонова, Е. Л. Японцы в реальном и виртуальном мирах: очерки современной японской массовой культуры / Е. Л. Катасонова. – М.: Восточная литература, 2012. – С. 185.
4. Маркарьян, С. Б. Япония в интернационализирующемся мире: социокультурный аспект / С. Б. Маркарьян А. Е. Жуков, И. П. Лебедева // Япония и современный мировой порядок. – М.: Вост. лит., 2002. – С. 142.
5. Мещеряков, А. Н. Стать японцем / А. Н. Мещеряков. – М.: Эксмо, 2012. – 432 с.
6. Молодякова, Э. В. Японское общество: книга перемен / Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарьян. – М.: Институт востоковедения РАН, 1996. – С. 27, 30.
7. Палкин, А. Д. Россия и Япония: динамика нравов / А. Д. Палкин. – М.: Наталис, 2010. – С. 282, 382, 385.
8. Прасол, А. Ф. Япония: лики времени. Менталитет и традиции в современном интерьере / А. Ф. Прасол. – М.: Наталис, 2009. – 416 с.

Хахалова А. А.
A. A. Khakhalova

ДВОЙСТВЕННАЯ СТРУКТУРА ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОГО ОПЫТА

THE DUAL STRUCTURE OF INTERSUBJECTIVE EXPERIENCE

Хахалова Анна Алексеевна – старший преподаватель кафедры теории психоанализа Восточно-Европейского института психоанализа (Россия, Санкт-Петербург); 199034, г. Санкт-Петербург, 9-линия ВО д. 2 кв. 18; 89217628896. E-mail: khakhalova@mail.ru

Ms. Anna A. Khakhalova – Associate Professor, Department of Psychoanalytic Theory, the East-European Institute of Psychoanalysis (Russia, Saint-Petersburg); 2, 9th Line, Vasilievsky Island, app. 18, Saint-Petersburg, 199034; +7 (921) 7628896. E-mail: khakhalova@mail.ru.

Аннотация. Данная статья рассматривает природу intersubjective experience, сосредотачиваясь на проблеме имплицитного диадического общения. В начале дается онтологический срез исследуемой перспективе, отталкиваясь от которого субъект понимается как бытие-с-другими. Главный акцент ставится на проблеме диадического взаимодействия и его структуре. На основе анализа современных теорий этого взаимодействия делается вывод о двойственной структуре intersubjective experience.

Summary. The paper considers the nature of intersubjective experience, focusing on the problem of implicit dyadic communication. At first, there is ontological view of the subjectivity as being-with-others. The paper emphasizes the dyadic relations and its structure. Based on contemporary theories of these relations we come to conclusion about a dual structure of the experience. The article paper investigates the implicit level of intersubjectivity that is presented in relations with the explicit, articulated, reflexive one.

Ключевые слова: диада, телесно-аффективная динамика, интенциональность, intersubjectivity, чувство других, самость.

Key words: dyad, bodily dynamics of affect, intentionality, intersubjectivity, sense of others, egoself.

УДК: 159.964.21

Изучая природу взаимоотношений, современные философы сознания обращаются к такому значительному её срезу, как *аффективность*: пребывая рядом с близким человеком, мы тонко чувствуем его настроение, чувства, состояние, мы сопереживаем и начинаем чувствовать то же и так же, мы обмениваемся друг с другом своим эмоциональным фоном, т.е. общаемся на до-вербальном и до-рефлексивном уровнях. Этот обмен наблюдается в жестикуляции, взгляде, походке и других телесных акциях. Телесно-аффективная практика указывает на двойную структуру intersubjective experience: вербально-рефлексивный и телесно-аффективный. На основе анализа двойственной структуры опыта мы делаем вывод о *диадической природе сознания*.

Межличностное измерение субъективности представляет собой первичную сферу опыта, в которой возникают ранние формы самосознания, такие как межличностная самость (interpersonal self), чувство других (sense of others), основная самость (Core Self) и для последующей социализации ребенка [2]. Первым Другим является Мать в её телесно-аффективной динамике (тепло, запах, объятия, вокализация, взгляд и т.д.), значимые Другие – воспитатель, родитель. Именно во взаимодействиях со взрослыми, в подражании их жестам, в артикуляции своего желания ребенок приобретает знание о себе как уникальной, единичной перспективе на мир. Психоаналитическая традиция предоставляет множество концепций раннего

периода жизни (теория объектных отношений, теория привязанности, интерсубъективный подход, теория травмы и т.д.).

Та перспектива, которую мы хотим представить, исходит из онтологического положения о взаимозависимости субъекта и мира, субъектов между собой – традиция, начало которой восходит к философии Хайдеггера, прагматизму и феноменологии.

Взаимозависимость субъекта и мира означает сцепку или онтологическую скрепу между ними: мир появляется как насыщенный смыслами только с появлением смыслополагающей инстанции – организма, и наоборот, только в ситуации Я обретает свои очертания как действующего, двигающегося, принадлежащего определенной культурной традиции и т.д. В случае с интерсубъективностью скрепа указывает на равноисходное появление формы самости и чувства других в опыте: только обладая исключительной, уникальной перспективой на мир, я могу обратить внимание на возможность других уникальных перспектив и, наоборот, только в ситуации обращения ко мне, заботы я могу осознать себя как ответственного автора, как достойного тепла и любви человека.

Эти онтологические раскладки открывают дополнительное поле исследований. Начиная с Фрейда, мы говорим о том, что существует уровень психической жизни, лишенный прозрачности для рефлексующего сознания. Современные авторы исследуют этот скрытый от ока ума уровень психической жизни: как именно происходит общение посредством телесно-аффективной динамики?

Необязательно прибегать к сложным психологическим наблюдениям, чтобы удостовериться в существовании имплицитного обмена информацией – телесно-аффективной динамикой, – который присутствует в любой коммуникации. Действительно, выходя из дома и оказываясь в публичном пространстве, мы волей-неволей вовлекаемся в нететический, неявный обмен настроением, желаниями, проблемами друг с другом: это считается особенно хорошо в общественном транспорте, где «все написано на лицах» (хмурый, уставший взгляд, опущенные плечи вряд ли будут свидетельствовать о профессиональных или личных успехах; горящий взгляд, уверенный голос и расправленная походка, – скорее, об обратном). Нас выдает телесно-аффективная динамика, иногда вернее, чем слова и собственная рефлексия происходящего. Эван Томпсон (E. Thompson), для того чтобы описать имплицитный уровень интерсубъективности, говорит об особом виде интенционального отношения, которое характеризует эту форму общения, – *эмпатии*. Эмпатия позволяет нам сочувствовать другим, вживаться в роль, сопереживать вымышленным героям, любым другим живым существам [6]. Недавнее открытие зеркальных нейронов, механизмов имитации, кросс-модальности чувств может объяснить нейрофизиологическую часть этой уникальной способности.

Тем не менее остается феноменологическая, опытная природа эмпатического сознания. Мы полагаем, что интенциональный сдвиг, который характеризует интерсубъективный опыт, заключается в преобразовании самости в *диадю* – особое состояние сознания, при котором субъективный мир расширяется до границ другого субъективного мира и даже пересекается с ним. Руководствуясь теорией динамических систем, Троник (E.Z. Tronick) и другие исследователи указывают следующие свойства диады: *уникальность, плотность (thickness), восстановление* [7].

Первое означает, что диадю характеризуют не любые интеракции, а те, в которых каждый из участников задействован более личностным, интимным образом, как, например, длительные отношения между терапевтом и пациентом: диадические отношения обладают историей и памятью «на двоих».

Стремление к плотности отражает динамическую природу таких отношений: терапевт и пациент не просто со-присутствуют в одном пространстве, но стремятся укрепить свои отношения, понять друг друга.

Третье свойство выражается в восстанавливающем характере таких отношений: после размолвки, недопонимания или ссоры мы стремимся возвратиться к утраченному благополучию, восстановить надежный аффективно-эмоциональный фон наших отношений. Описан-

ные примеры призваны описать общую стратегию развития отношений – очевидно, что их вектор может быть отрицательным (тогда стоит вспомнить о влечениях к агрессии и к смерти как теоретического противовеса эмпатии и стремлению к единству с Другим).

Мы считаем, что условием для диады служит изначально социальный, интересубъективный каркас самости, в согласии с представленными выше онтологическими положениями. Эта мысль хорошо представлена в феноменологической и психоаналитической традициях. В обоих подчеркивается необходимость во взгляде Другого, в котором Я обретает свои очертания. Первичный опыт взаимодействия обеспечивает субъекта знанием о том, как быть вместе, которое играет ключевую роль в дальнейшей социальной жизни субъекта: если мать часто отсутствовала и не предоставляла соответствующее необходимое чувство безопасности, то чувство самости младенца может не развиваться, развиваться частично, инверсивно, с изъянами и т.д.

Чтобы представить более адекватную модель диады, мы можем провести различие между первой диадой и всеми последующими. Обрастая богатой историей взаимоотношений, личность несет в себе диаду первого порядка как внутреннюю, имплицитную структуру отношений, представляющую собой уже усвоенные, прожитые отношения (например, первые интеракции с родителями и воспитателями) и предоставляющую площадку для установления и развития внешней диады (диады второго порядка). Последнюю диаду можно также назвать реальной в той мере, в какой мы обозначаем за реальное то, что свершается между двумя субъективными мирами в настоящем времени.

Первая диада совпадает с идеей имплицитного реляционного знания (Implicit Relational Knowledge), знания о том, как быть с другими [4] и идеей предрефлексивного бессознательного (Prereflexive Unconscious) [5, 373], резервуара прошлых благожелательных опытов межличностного опыта, или, как говорит Стерн (D. N. Stern), репрезентаций обобщенных взаимодействий (Representations of Interactions that have Generalized), которые включаются в похожих контекстах [1, 129]. Рабочие модели матери (Дж. Боулби) и другие объяснительные теории отражают двойственную структуру интересубъективного опыта, в которой внутренняя, имплицитная и неосознаваемая часть направляет наши отношения, формирует устойчивые образцы и привычки поведения (см. прим. 1).

Диалог на этом уровне совершается в виде телесно-аффективной динамики, которая объясняет феномен понимания и расширяет границы герменевтического метода: теперь сфера реального, «сами вещи», а не слова о них оказываются доступными особому виду рефлексии – рефлексии с помощью тела. Данная техника уже достаточно хорошо разрабатывается в эстетической традиции, где «письмо телом» постулируется как один из актуальных методов художника. Опять же, психоаналитическая традиция, феноменология доносят до нас многочисленные возможности «молчаливого» разговора.

Еще одной особенностью динамической теории диалога является её неявная перспектива: динамика не нуждается в строгой идентификации в качестве моей или чужой. В этом контексте Шитс-Джонстон (M. Sheets-Johnstone) говорит о безличностной перспективе кинетико-аффективной динамики опыта [3]. Действительно, в длительных отношениях мы разделяем чувства, настроения, пространство между собой, рассчитывая на своего собеседника (в том, что он подаст руку, откроет дверь, обнимет и т.д.), предугадывая его действия. Произвольность действий, их авторство – ключевые критерии для решения о том, мои ли это действия или чужие. В диадических отношениях мы можем наблюдать «здоровую» спутанность в приписывании этих критериев себе и другому лицу: более того, чувство принадлежности того или иного действия мне также может быть сфальсифицирована. В качестве примера последнего каждый может вспомнить ощущения, сопровождающие любовный акт: мы буквально чувствуем наслаждение другого, его желание, мы находимся во взаимном присваивании наслаждения и желания друг друга. Перспектива первого лица и перспектива второго лица дополняют друг друга, создавая эффект универсального, истинного взгляда на происходящее. Этот эффект достигается благодаря интенциональной модификации, которая со-

проводит интересубъективный опыт, или эмпатии. Скорее, чем говорить о безличностном характере диадических отношений, стоит говорить об ином роде личности, субъекте, который является автором действий, носителем диадических свойств. В эмпатическом диадическом сознании *предметом* активности является не просто некий предмет или мир (смысл предмета, ноэватическое ядро восприятия), а *переживание* этого предмета или мира Другим (его понимание ситуации, чувства и настроения и т.д.). Таким образом, подобный опыт восприятия-переживания принадлежит диадическому субъекту, совместной личности Я и Другого.

Зафиксировав отличительное качество интенционального отношения в опыте взаимодействия с Другими, не следует забывать, что строгий анализ интенциональности имплицитно подразумевает интересубъективную структуру. Характеризуя внутреннюю, психическую жизнь сознания, выражая направленность сознания на его «что», смысл, мы уже высказываем интересубъективное бытие этого сознания, поскольку «что» предмета есть историческое, социальное достижение, т.е. результат длительного интересубъективного обмена этим предметом. Общество присутствует в каждом индивидуальном акте в качестве пассивного генезиса интенционального предмета (см. прим. 2). Феномен «Маугли» демонстрирует невозможность обретения человеческого мира детьми, выросшим вне человеческой социальной реальности, наполненной такими же смыслами, подсказками, символами и возможностями для действия, которые усматривает в нем культурно образованный, выросший в обществе субъект. Диадические отношения оттеняют более контрастно, выводят на свет элемент «чужеродности», феномен других, который присутствует в самом простом акте восприятия. Как очевидно, граница между чуждым и собственным устанавливается феноменологически-рефлексивно и представляет собой подвижную, динамическую конфигурацию опыта.

Итак, мы рассмотрели проблему интересубъективности в границах разговора о телесно-аффективном измерении отношений. Мы представили идею о двойственной структуре интересубъективного опыта, согласно которой, наряду с артикулированной частью взаимоотношений, мы общаемся друг с другом на уровне телесно-аффективной динамики. Мы представили различные объясняющие концепции этой динамики, особенно сосредоточившись на идее диадического состояния сознания.

Рассмотрев основные моменты диады (плотность, уникальность, восстановление), мы выявили необходимые условия для ее возникновения – изначально интересубъективную конфигурацию опыта, которая становится площадкой для развития диады первого порядка, которая, в свою очередь, становится площадкой для построения и развития диады второго порядка. Мы отметили исключительный личностный статус телесно-аффективной динамики, характеризующей имплицитный уровень общения, который может объяснить диадическую природу интересубъективного опыта. А именно, мы разобрали структуру интенционального отношения, характеризующего диаду, и выявили особую направленность сознания на переживание, или сознание, Другого. Также мы отметили присутствие этой направленности уже в простом акте восприятия, ссылаясь на феноменологическую традицию, что способствует дальнейшим исследованиям изначально интересубъективного измерения опыта сознания. Акцентируя момент диадичности сознания, мы продолжили традицию онтологии бытия в мире, согласно которой Я изначально существует интересубъективно, как бытие-с-другими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стерн, Д. Н. Межличностный мир ребенка. Взгляд с точки зрения психоанализа и психологии развития / Д. Н. Стерн. – СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2006. – 376 с.
2. Хахалова, А. А. Диадический подход к проблеме интересубъективности / А. А. Хахалова // Материалы международной конференции «Философия и психотерапия». – СПб.: Анатолия, 2014. – С. 127-150.

3. Sheets-Johnstone, M. Essential clarifications of ‘self-affection and Husserl’s ‘sphere of ownness: First steps toward a pure phenomenology of (human) nature // *Continental Philosophy Review*. – 2006. – № 39. – Pp. 361-391.
4. Stern, D. N., L.W. Sander, J.P. Nahum, A.M. Harrison, K. Lyons-Ruth, A.C. Morgan, N. Bruschiweilern and E.Z. Tronick, Non-Interpretative mechanisms of psychoanalytic therapy: The “Something more than Interpretation” // *International Journal of Psycho-Analysis*. – 1998. – № 79. –Pp. 903-921.
5. Stolorow R. and Atwood J. The unconscious and unconscious fantasy: An intersubjective-developmental perspective. *Psychoanalytic Inquiry*. – 1989. – № 9. – Pp. 364-374.
6. Thompson E., Empathy and Consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. Volume 8. – No. 5-7. – May-July 2001.
7. Tronick, E. Z., “Of Course All Relationships Are Unique”: How Co-creative Processes Generate Unique Mother–Infant and Patient–Therapist Relationships and Change Other Relationships// *Psychological Inquiry*. – 2003. – № 23(3). – Pp. 473-491.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Анализ различных концепций бессознательных скриптов, паттернов поведения представлен в сборнике «Life Scripts: A Transactional Analysis of Unconscious Relational Patterns» под редакцией Richard G. Erskine.
2. Тема пассивного генезиса представлена в работах Гуссерля, Ландгребе, Ямагучи, Е.В. Борисова, А. Козыревой и других феноменологов.

Туркулец А. В.
A. V. Turkulets

КОГНИТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТА

COGNITIVE ACTIVITY OF A SUBJECT

Туркулец Алексей Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, теории и истории государства и права Хабаровской государственной академии экономики и права (Россия, Хабаровск); 680021, Хабаровск, ГОС-21, а/я 1091; +79145474213. E-mail: tual63@mail.ru.

Mr. Alexey V. Turkulets – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Theory and History of State and Law, city of Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Russia, Khabarovsk); SLO-21, s/b 1091, Khabarovsk, 680021; +7 (914) 5474213. E-mail: tual63@mail.ru.

Аннотация. В статье анализируется познавательная активность субъекта. Выделяются основные типы когнитивных действий субъекта: рациональное и иррациональное действия. Дается характеристика их структурных особенностей. Показана их перспективная гносеологическая взаимосвязь.

Summary. The paper investigates the cognitive activity of a subject. I single out the main types of cognitive actions of a subject: rational and non-rational. I offer a characterization of their structural features showing their interrelation in the epistemological perspective.

Ключевые слова: субъект, познавательная активность, когнитивное действие, рациональность, иррациональность.

Key words: subject, cognitive activity, cognitive action, rationality, irrationality.

УДК 165.191

Любые формы постижения мира как на концептуально-теоретическом, так и на эмпирическом уровнях невозможны без познавательной активности субъекта, в результате которой они, собственно, и возникают, формируются и развиваются. Положение о существовании независимого и автономного мира знания, который воздействует на естественный мир и на самого субъекта познания, например «мир эйдосов Платона» или «третий мир Поппера», может быть рассмотрено как некая эпистемическая гипотеза, но не реально подтвержденный факт. Процесс познания осуществляется при непосредственном участии различных субъектов. Правильнее даже сказать несколько иначе: когнитивная активность субъектов и составляет собой непосредственный познавательный процесс. Личностный, персональный жизненный опыт человека формируется не столько в непосредственной практике обживания им окружающего мира, но и в процессе освоения им своих «внутренних горизонтов бытия», в развитии своих когнитивных, волевых-эмоциональных умений, навыков и талантов.

Во многом именно «ментальная вместимость» субъекта определяет содержательную насыщенность, форму и скорость протекания процесса познания. Зачастую рациональность принимаемых субъектом решений и осуществляемых им действий определяется его внутренними ментальными состояниями. В определенном смысле субъект познания является не только гносеологическим, но и онтологическим (предметно-практическим) основанием процесса познания. М. Фуко в своих лекциях о герменевтике субъекта замечал, что «самопознание есть лишь частный случай заботы о себе, лишь её конкретное применение», что «принцип, согласно которому необходимо проявлять заботу о себе, вообще является основой рационального поведения в любой форме активной жизни, стремящейся отвечать принципу духов-

ной рациональности» [11, 284]. Он подчеркивал, что для правильного понимания сущности субъекта важно не только указывать на собственно когнитивные способности последнего (реализуемые в процессе познания), но и на широкий спектр действий, осуществляемых субъектом в сфере предметно-бытийных отношений. «Подлинное и приемлемое как для мудреца, так и для его ученика знание не должно быть направлено на них самих и не должно превращать «Я» в сам объект познания; это должно быть знание, нацеленное на вещи, на мир, на богов и на людей, результатом и функцией которого должно быть изменение бытия субъекта» [11, 303].

Благодаря когнитивным усилиям конкретного субъекта возможен рост и прогресс не только знания, но и всей сферы бытия человека. Мамардашвили М. К. в одной из своих работ высказал весьма важную мысль, что прогресс определяют только автономные, независимые люди, которые сумели отвоевать для себя и своего дела особую духовную экстерриториальность, лишь в силу необходимости оставаясь в рамках системы [3, 195].

В современной отечественной философии к проблеме познающего субъекта обращается Микешина Л. А., которая выдвигает и всесторонне обосновывает «принцип доверия субъекту как целостному человеку познающему»: «Анализ познания *должен явным образом исходить из живой исторической конкретности познающего, его участного мышления и строиться на доверии ему как ответственно поступающему в получении истинного знания и в преодолении заблуждений*» [5, 159]. Она подчеркивает, что основанием истинного знания любого предмета выступает сам субъект как целостность, которую нельзя свести к гносеологическим или абстрактно-рационалистическим характеристикам. «Субъект – основание, поскольку он есть представленность социального и культурно-исторического опыта, предметно-практической деятельности, через которые и очерчивается «круг непотаённости», доступности сущего и удостоверяется истина. Человек не обладатель истины и не её распорядитель, но «условие возможности» и основание её понимания и выявления либо в предмете, либо в знании» [5, 168-169].

Познавательная активность субъекта реализуется посредством различных когнитивных действий. Во всём многообразии их конкретных проявлений выделяются два основных вида: рациональное и внерациональное. Общую характеристику рациональности с точки зрения её онтологических и гносеологических аспектов ранее мы уже осуществили [8].

Важно отметить, что рациональное и внерациональное когнитивные действия обладают определённой структурной идентичностью (при безусловной амбивалентности их содержательных характеристик). Структура данных когнитивных действий состоит из следующих компонентов (познавательно-деятельностных единиц): объект, субъект, цель и средства деятельности, а также способ их взаимосвязи в процессе акта действия.

Рассмотрим вначале особенности данных единиц в процессе осуществления *рационального когнитивного действия*.

Объект рационально-познавательного действия независим, автономен, самостоятелен по отношению к субъекту данного действия. Он подчиняется внешней законосообразности. Как элемент познавательной ситуации он дан (предзадан) субъекту. Между объектом и субъектом рационально-познавательного действия фиксируется более-менее чёткое принципиальное методологическое соответствие. Объектный мир, на который направлена познавательная активность субъекта, бесконечно многообразен в своих конкретных проявлениях. Однако чтобы познать данное многообразие, субъект по необходимости должен применять соответствующие объекту (его основным параметрам) методы познания.

Субъект представлен как некое множество интеллектуальных навыков и способностей, основой которых является логическое непротиворечивое мышление. Эмоционально-чувственная сфера мировосприятия, ценностные ориентации субъекта подчинены и зависимы в своих проявлениях от рассудочно-разумной сферы. Его когнитивная активность базируется на стремлении как можно более глубоко познать (открыть) скрытые законы и закономерности, адекватно выразить их посредством непротиворечивых форм знания, как можно более

широко применить их в своей практике. Необходимо также заметить, что вопрос о субъекте рациональной деятельности неотделим от сознания факта социальной природы самой рациональности. Даже общие универсальные процедуры рационального, логически последовательного мышления обусловлены в своём содержании процессами формирования, становления, накопления и изменения социально-исторического опыта предметных действий многих поколений людей.

Целью рационально-познавательного действия является наиболее адекватное овладение объектом, что предполагает раскрытие его сущностных особенностей, являющихся выражением объективных законов бытия данного объекта. В содержание цели, как правило, не входят субъектные характеристики. Она определяется субъектом как необходимая задача вне зависимости от личностных оценок. Цель формулируется заранее (до акта действия) и в процессе своего достижения может лишь корректироваться, оставаясь неизменной в своих принципиальных основах. Устремлённость на ясно осознаваемую, понятную и принципиально достижимую посредством конкретных алгоритмических действий цель является характерным признаком рационального действия.

Средства, используемые субъектом в осуществлении рационального действия, как правило, соответствуют целевым установкам. Они подбираются до непосредственного осуществления самого акта действия, строго дифференцированы по своему функциональному предназначению, ценностно нейтральны. В процессе непосредственного применения субъектом данных средств возможна определённая перегруппировка их количественного состава на предмет эффективности достижения поставленной цели. Качественные характеристики средств подчинены их функциональному предназначению и не рассматриваются субъектом как независимые критерии их выбора. Абсолютизация данного обстоятельства приводит к доминантной инверсии средств по отношению к цели (что в этическом смысле выражается в известных «правилах»: «все средства хороши», «победителей не судят»).

Способ взаимосвязи данных познавательно-деятельностных единиц формируется и обусловлен самим актом действия и может быть воспроизведён неоднократно в других условиях при осуществлении «универсальной программы действия». Взаимосвязь единиц познавательно-деятельностного акта в процессе осуществления самого действия не влечет за собой качественных трансформаций самих данных единиц. Вне зависимости от способа их взаимосвязи они остаются относительно автономными и после осуществления действия не меняют своих когнитивных характеристик.

Результатом рационально-познавательного действия является логически стройное, непротиворечивое, фактически подтверждённое (например, экспериментально) знание сущностных (фундаментальных) законов бытия или общих (универсальных) закономерностей функционирования существования объекта. Оно выражается в общедоступной форме и может быть использовано любым субъектом (конечно, имеющим соответствующую подготовку) при определённом уровне его интеллектуального развития. В результате данного действия происходит приращение когнитивной информации о мире, что может служить субъекту основанием для формирования и последующего осуществления нового когнитивно-деятельностного проекта.

Многообразие конкретных проявлений рационального действия, в свою очередь, дифференцируется на два следующих основных (крайних) типа.

1) *Адаптивное рациональное действие* (поведение) на основе целесообразности. Деятельность рациональна, если способна удовлетворять потребностям, желаниям, целям субъекта, который, как правило, убеждён в целесообразности собственного поведения. Здесь видна доминация внешних параметров, которые зачастую не выбираются субъектом действия, но даны ему как необходимые условия самого действия. Его цели всегда ясно и чётко представлены субъектом, когнитивно прозрачны. Вектор действия направлен на предсказуемое, типичное, утилитарное. Всё, что выходит за данные рамки, полностью исключается из структуры поведения, из акта действия. Механизмы рационального поведения в этом смысле позволяют субъекту эффективно решать возникающие перед ним задачи, которые, правда, не

выходят за рамки видимой социальной детерминации. Здесь наблюдается строгое соответствие: действие осуществляется по линии цель – средства (либо норма – исполнение). Такое поведение основано либо на конформистском, либо на авторитарном догматическом сознании. На уровне обыденного сознания рациональное действие воспринимается как действие, осуществляемое в рамках таких непроблематичных и безусловных базисных «конструкций», как мотивы, цели и средства, способы действия, а также «духовные авторитеты», принимаемые на веру. В этом смысле адаптивно целесообразные действия могут быть вполне адекватными (правильными, соответствующими реальной ситуации действия), но не до конца осознанными. По отношению к творческому рациональному поведению (см. ниже) адаптивно рациональное поведение в определённом смысле выступает как псевдорациональное.

Характеристика способностей субъекта данного типа действия может быть различной и включать многообразные параметры. Здесь укажем лишь на следующие «образы человека», соответствующие схеме адаптивно рационального действия: а) «ощущающий человек»; проекция этого образа была выражена, например, в когнитивной психологии в виде своеобразной метафоры «человека как устройства по переработке информации»; б) «запрограммированный человек»; это выражается в следующих описаниях: «человек как набор реакций», «человек как репертуар социальных ролей или сценариев»; в) «нуждающийся человек»; это выражается в своеобразной аксиоме «человек как пучок потребностей, влечений и мотивов» [1, 435].

Своеобразные проявления адаптивно-рационального поведения можно наблюдать в современных системах властных отношений. Здесь происходит формирование обезличенной формы господства и подчинения, при которой цели деятельности абсолютно не зависимы от субъектов-участников самих данных отношений [2].

2) *Творческо-поисковое рациональное действие* (поведение) на основе целеполагания. Здесь «работают» внутренние его критерии, которые избираются (или даже конструируются) самим субъектом действия. Наиболее важна доминанция ценностных установок. Задача здесь заключается не столько в адаптации к условиям познания (наиболее полное использование наличной энергии «когнитивной среды»), сколько в конструировании новых познавательных предметных областей, средств и методов их когнитивного овладения. Субъект действия использует не только свои рационально-интеллектуальные способности познания, но и обращается к своему нерелексивному опыту (ощущение, непосредственное восприятие, интуиция). По отношению к рациональному адаптивному поведению данный вид поведения (действия) может выступать как внерациональный. А при определённых обстоятельствах, например при постоянной субъектно-экзистенциальной активности по воспроизводству подобных действий, этот тип действия может выступать по отношению к адаптивно рациональному поведению как иррациональный (квазирациональный). Более развёрнутая типология внерациональных форм познавательной активности была представлена нами в предыдущих работах [6].

Именно второй (творческо-поисковый) тип рационального действия при некоторых условиях, например в ситуациях обострения когнитивного диссонанса, может привести к возможности выхода за пределы собственно рационального познания в сферу внерациональной когнитивной практики. Творческо-поисковому рациональному действию более соответствуют следующие «образы человека»: «человек риска», «бунтующий человек», «пионер-первооткрыватель».

Наблюдается определённая взаимная несовместимость (парадоксальность) крайних типов рационального действия, которые по отношению друг к другу выступают либо как псевдорациональные, либо как квазирациональные. Данные оценки пригодны лишь в качестве общих мер сравнения и неэффективны для характеристики той или иной конкретной познавательной ситуации, в которой присутствуют «живая диалектика познающей мысли», перманентно стремящейся за свои собственные содержательные и формальные пределы. Когнитивная активность субъекта всегда связана с некоторой познавательной неопределённостью, всегда наблюдается своеобразный резерв несоответствия между наличным и «желаемым» знанием, благодаря чему только и возможен сам познавательный акт.

Как правило, выбор способа познавательной деятельности, того или иного типа рационального действия не связывается субъектом с достижением максимально возможных результатов, а направлен на нахождение такой стратегии когнитивных действий, которая будет не абсолютно рациональной, но «приблизительно рациональной», «достаточно хорошей». Сам данный выбор зачастую осуществляется субъектом автоматически на основе прежнего опыта без его критико-рефлексивного осмысления, на основе традиций, привычек, стереотипов. Он обусловлен также антропологическими характеристиками познающего субъекта и социально-культурными условиями его существования.

Необходимо всегда помнить, что рациональное освоение мира ограничено человеческими способностями и потребностями. На это особое внимание обращают эволюционные эпистемологии, например К. Лоренц, Д. Кэмпбелл, Г. Фоллмер. Они рассматривают познание как физиологически-ментальный процесс геннокультурной коэволюции. Основные тезисы данного направления следующие: познание есть момент эволюции живой природы и её необходимый продукт; развитие механизмов познания есть продолжение процесса эволюции другими средствами; существуют сходные черты в познавательной активности животных и человека; человек принадлежит природному миру и должен рассматриваться по аналогии с другими его составляющими; познание представляет собой совокупность процессов эволюционного приспособления к миру; на основе модели эволюции можно объяснить специфику познавательной активности человека. Подчёркивается, что объективный статус познания базируется на возможностях восприятия, в процессе которого субъект осуществляет базисную интерпретацию «внешних сенсорных данных», задает им предметные смыслы. Г. Фоллмер отмечал, что научная теория познания должна учитывать тот факт, что уже на уровне восприятия существует сложное взаимодействие врожденных способностей, созревания и обучения [10, 120-121]. По мере эволюции происходит также развитие познавательных органов и способностей человека, благодаря чему человек как субъект познания и может постигать объективные свойства и закономерности существующей действительности. Признаётся также вполне достоверным положение, что существуют врождённые и наследуемые структуры рационального познания, независимые от всякого индивидуального опыта.

В рамках эволюционной эпистемологии широко применяются результаты исследований из области эволюционной биологии, нейробиологии, нейропсихологии, физиологии высшей нервной деятельности, генетики и прочих естественнонаучных дисциплин, позволяющих предметно исследовать когнитивную эволюцию человека. Роль генетических механизмов в становлении и развитии познавательных способностей человека отмечает, например, И. П. Меркулов, который считает, что хотя «новые поведенческие стереотипы и мыслительные стратегии возникают в результате активности сознания, сами инновационные формы этой активности находятся под контролем генетических факторов. ... Генетические механизмы лежат в основе не только общей способности людей решать проблемы – они также обеспечивают их сознание и мышление специфическими правилами, которые необходимы для быстрого овладения социокультурным миром» [4, 32-33, 45].

Эволюционная эпистемология даёт новые ориентиры в изучении процессов становления и совершенствования когнитивных форм. Здесь накоплен большой фактический исследовательский материал по изучению процессов развития способностей и возможностей адекватного постижения мира субъектом. Выдвинут ряд оригинальных идей в понимании природы рационального истинного знания. Перспективность исследовательских начинаний эволюционной эпистемологии нами не ставится под сомнение.

Однако необходимо отметить, что, на наш взгляд, в рамках эволюционной эпистемологии наблюдается некоторая абсолютизация филогенетических, онтогенетических, социогенетических закономерностей развития человека. Нередко это приводит к недооценке истории его реального развития, к абсолютизации закономерностей какого-либо отдельного этапа естественноисторического процесса эволюции. Наблюдается также игнорирование специфики развития человека в условиях антропосоциогенеза, социокультурной эволюции. Зачастую закономерности социогенеза прямо переносятся на онтогенез личности либо наоборот: этапы

онтогенеза становятся для исследователей объяснительным принципом социальной эволюции человека. Установки эволюционной эпистемологии не лишены также некоторой доли «однолинейного» эволюционизма (расчленение процесса развития на механически следующие друг за другом стадии, периоды, этапы, ступени и т.п.), что весьма близко к телеологическому восприятию процессов эволюционного развития.

Обратимся к рассмотрению *внерационального когнитивного действия*. Прежде всего, отметим следующее: разнообразные вариации когнитивных действий (как рациональных, так и внерациональных) обусловлены историческим опытом развития человеческой цивилизации [7]. Существует некая универсальная «гносеологическая размерность» освоения мира в различных человеческих сообществах. Это выражается, например, в общей когнитивной структурированности познавательных операций или действия.

Как в рациональном, так и во внерациональном когнитивном действии мы выделяем следующие компоненты: объект, субъект, цель и средства, а также способ их взаимосвязи в процессе акта действия. Заметим, что мы прекрасно понимаем, что данные понятия имеют традиционную рационалистическую (картезианскую) «нагруженность». В этой связи резонно возникает вопрос: корректно ли использовать рационалистические понятия при анализе внерациональных феноменов? С нашей точки зрения, это не только корректно, методологически оправдано, но эвристически перспективно [9].

Объектом внерационального действия является ментальная (внутренняя, воображаемая) реальность, которая замещает, вытесняет из познавательной сферы субъекта реальность действительных, внешних (природных или социальных) объектов. В силу этого категория «объект» скорее обозначает здесь лишь некую направленность процесса познания (познавательная установка), а не противостоящий и независимый от субъекта мир. Объект существует как некий элемент субъективной познавательной активности. Его характеристики обусловлены познавательным опытом субъекта, зависимы от имеющегося объёма когнитивной информации. Такой объект «замкнут» на субъектные представления и характеристики реальности с точки зрения её субъективного восприятия. Как элемент познавательной ситуации объект не дан, а конструируется субъектом. Его можно назвать скорее не реальным, а «виртуальным объектом».

Субъект как некая когнитивная единица включает в себя множество познавательных способностей, навыков и умений, среди которых есть и логико-рациональные, и внерациональные элементы. При всём многообразии их содержания в данном случае доминирует совокупность чувственно-образных переживаний, нравственных оценок, личностно-персональных интуиций, волевых стремлений, эмоциональных состояний и прочих внерациональных феноменов. Между субъектом и объектом внерационально-познавательного действия нет чётко выраженного принципиального (методологического) соответствия, которое предполагает установление различий и границ между ними. В процессе осуществления внерационально-познавательного акта субъект стремится к состоянию полного слияния (синтеза, тождества) с объектом.

Цель данного познавательного действия, как правило, не формулируется до самого акта действия. Определённые интенции (направленности, ориентации) появляются в процессе осуществления самого внерационального познавательного действия. До его начала они лишь угадываются, воображаются, но сознательно не фиксируются. Подобные интенции связаны, прежде всего, с индивидуальными, интимно-личностными восприятиями и представлениями субъекта. Кроме этого, они весьма неустойчивы и в процессе осуществления действия могут неоднократно изменяться (иногда на противоположные, т.н. эффект «медиации цели»), что, как правило, проходит за пределами сознательного внимания самого субъекта.

Средства представлены набором субъективных психофизиологических возможностей (способность к воображению, фантазирование, интеллектуальная импровизация, интуитивное предвосхищение, волевые стремления, особенности характера, темперамента и пр.). Между ними нет чёткой дифференциации по отношению к «целевым установкам». Они оцениваются субъектом по критерию личностной значимости, индивидуальному душевному

(ментальному) состоянию на данный момент времени, в данных текущих условиях, в конкретных обстоятельствах.

Способ взаимосвязи данных познавательных-деятельностных единиц обусловлен уникальными свойствами времени и места осуществления самого познавательного акта, личностными характеристиками субъекта, специфическим набором особых символических предметов, используемых им для интенсификации процесса познания. Данные обстоятельства делают почти невозможным (по крайней мере, весьма затруднительным) содержательное воспроизведение внерационального действия даже тем же самым субъектом и в тех же самых условиях, при том же наборе познавательных средств.

Результатом внерационального познавательного действия является эмоционально-чувственное, содержательно неустойчивое, интимно-личностное представление об уникальных свойствах и характеристиках того или иного (виртуального) «объекта», выраженное в алогичных маргинальных формах (метафора, жест, восклицания, экспрессивная мимика и т.п.). Внерациональное действие не дает приращения информации о мире. В результате его осуществления субъект не преодолевает «горизонт собственного незнания», да он и не стремится к этому окончательному и полному преодолению. Для него более важно не получить некое всеобщее и правильное, доказанное и обоснованное знание, а пережить уникальные психологические состояния. Эти состояния субъективно оцениваются как ступени приближения или определённые виды приобщения к высшему миру (Истина, Бог, Запредельное, Душа и т.п.).

Всякое действие, будь то рациональное (продуманное и контролируемое разумом до мелочей в процессе своего осуществления) или внерациональное, опирается на неполное знание о мире и ситуации, в которой приходится действовать субъекту. Существует потенциальная гносеологическая (эпистемическая) неполноценность любого действия. Из-за этого многие гносеологи придерживаются тезиса о «превосходстве бездействия над действием». Однако нужно отметить, что даже неизбежные ошибки и иллюзии, возникающие по мере осуществления внерационального действия (из-за его «гносеологической неполноценности»), являются резервуаром творческого богатства. Именно этот «резерв несоответствия» и является для субъекта если и не основанием, то экспрессивным импульсом для дальнейшего осуществления и активизации процесса познания.

По мере осуществления субъектом познавательных действий и совершения им определённых поступков происходит развитие и совершенствование его индивидуальных характеристик, личностных качеств и персональных особенностей. Типы внерациональных действий можно различать по внешнему и внутреннему параметрам. Например, магический ритуал, действия в рамках суеверий (гадания и пр.), многие религиозные обряды и службы для стороннего наблюдателя, не знакомого с их содержанием, зачастую выглядят бессмысленными и бесполезными, лишёнными всякого рационального смысла и значения. С точки зрения внешнего параметра эти действия можно различать, например, по использованию предметного технического инструментария (техничко-операциональных средств своего конкретного осуществления), по психофизиологическим результатам их влияния на самого действующего субъекта. С точки зрения внутреннего параметра их можно различать по ментальным усилиям субъекта (или участника) данных действий, по смысловой или мотивационной направленности, по использованию или исключению сознательной регуляции в процессе непосредственного осуществления акта действия и т.д.

Если элементы познания (цель, средства, результаты) рассогласованы, структурно не упорядочены, никоим образом не соотнесены друг с другом (ситуация «когнитивного диссонанса»), то существует прямая возможность трансформации бывших рациональных форм во внерациональные. Скорость и направление этого процесса трансформации зависит от «имманентных несоразмерностей» самих элементов познания. Таким образом, один из истоков внерационального кроется в рассогласовании элементов познавательной деятельности (цель, средства, результат). Развитие такой ситуации когнитивного диссонанса приводит к «субъектным сбоям» в восприятии мира, к иллюзорной идентификации, что в свою очередь провоцирует дальнейшее усиление «эффекта диссонанса». Фактором когнитивного диссонанса

может служить рассогласование познавательной деятельности не только по линии «цель – средства – результат», но и по линии «норма – исполнение». В последнем случае субъект деятельности неверно истолковывает нормативные требования (условия) самого действия, что, в частности, может привести к иллюзорному выполнению самого действия (субъект психологически фиксирует завершение действия без его реального исполнения, т.н. «виртуальное познание»).

Не последнюю роль в формировании когнитивного диссонанса играют общие относительно негативные факторы познавательного процесса (которые наблюдаются и в рациональных формах познания): несоответствие между предметом знания и самим знанием о предмете, а также между процессом познания и содержанием этого процесса (содержанием самого знания). В условиях обострения когнитивного диссонанса, наращивания внерациональной экспрессии процесса познания данные факторы могут спровоцировать «состояние субъектации». Наиболее характерны «состояния субъектации» для религиозно-мистических переживаний, интуитивного созерцания (озарения), мифопоэтических экзальтаций, чувственно-эмоционального экстаза, интимно-душевных переживаний, аффективно-волевых стремлений и пр.

Не стоит считать данный деструктивный опыт чем-то случайным, малым или второстепенным в развитии цивилизации. Субъектации пронизывают всю культуру человечества, выражены в различных формах и уровнях социального познания. Эти состояния («познание без познающего субъекта», вернее без осознающего процесс познания субъекта) можно отметить и «на заре истории» и «в её зените». Например, различного рода фанатически агрессивные формы массовой культуры, маргинально-экстатические формы религиозных движений, девиацирующие социальные общности (тоталитарные секты), эзотерические практики воздействия на сознание и поведение человека и пр. Использование термина «субъектация» позволяет, на наш взгляд, более предметно и наглядно выразить всю сложность и противоречивость именно субъектных аспектов в процессе осуществления когнитивных действий.

Дальнейшие исследования всего сложного комплекса когнитивных действий субъекта должны идти в направлении более тщательного анализа как их структурных, так и функциональных характеристик, а также предметного описания их культурно-исторических форм и проявлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов, А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии / А. Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2002. – 480 с.
2. Димитрова, С. В. Власть целерациональности и целерациональность власти / С. В. Димитрова, А. Н. Леонтьев // Известия ВолгГТУ. – 2012. – № 8. – С. 20-23.
3. Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1990. – 366 с.
4. Меркулов, И. П. Когнитивная эволюция / И. П. Меркулов. – М.: РОССПЭН, 1999. – 310 с.
5. Микешина, Л. А. Философия познания. Полемиические главы / Л. А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.
6. Туркулец, А. В. Внерациональное как предмет философского анализа / А. В. Туркулец, С. Е. Туркулец // Современные направления теоретических и прикладных исследований 2008 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Т. 20. Философия и филология. – Одесса : Черноморье, 2008. – С. 36-39.
7. Туркулец, А. В. Внерациональные формы познания: античность и средневековье / А. В. Туркулец, С. Е. Туркулец // Религиоведение. – 2004. – № 3. – С. 78-86.
8. Туркулец, А. В. К вопросу о характеристиках рациональности / А. В. Туркулец, С. Е. Туркулец // Известия высших учебных заведений. Сев.-Кав. регион. Общественные науки. – 2008. – № 3. – С. 21-25.
9. Туркулец, А. В. О соотношении метода и предмета исследования во внерациональной сфере / А. В. Туркулец // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2008. – № 3. – С. 44-51.
10. Фоллмер, Г. Эволюционная теория познания / Г. Фоллмер. – М.: Русский двор, 1998. – 165 с.
11. Фуко, М. Герменевтика субъекта / М. Фуко. – М.: Прогресс, 1991. – С. 284-311.

Иванов Анд. А.
A. A. Ivanov

ИНТЕГРАЦИЯ «РАЗУМА» И «ЧУВСТВА» В СЕМИОТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДНЕВНИКА (СЛУЧАЙ А.И. ГЕРЦЕНА)

INTEGRATION OF MIND AND FEELING IN THE SEMIOTIC SPACE OF A DIARY (CASE OF ALEXANDER I. HERZEN)

Иванов Андрей Анатольевич – кандидат культурологии, доцент кафедры философии и социологии, Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27; 8 (4217) 27-93-06. Email: larsandr@mail.ru.

Mr. Andrei A. Ivanov – PhD in Cultural Studies, Assistant Professor, Department of Philosophy and Social Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur, 681035; +7 (4217) 279306. Email: larsandr@mail.ru.

Аннотация. В статье представлен анализ содержания дневников А.И. Герцена в контексте дискурсивного требования интеграции разумной и чувственной сторон субъекта. Рассматриваются риторические способы универсализации сингулярной чувственности и ограничения репрезентации целостности субъекта.

Summary. The paper investigates the diaries of Alexander I. Herzen in the context of the discursive requirement of integration of the rational and sensual aspects of the subject. The paper considers the rhetorical methods of generalizing individual sensuality and restricting the integrative subject's representation.

Ключевые слова: разум, чувство, субъект, личность, сингулярное, универсальное, дуализм, кенозис.

Key words: mind, feeling, subject, person, singular, universal, dualism, kenosis.

УДК 008

Дихотомия разума и чувства берет свое происхождение из романтизма. Романтизм жестко противопоставлял эти категории как «холодное», рациональное мышление, с одной стороны, и страстную энергию иррациональной стороны человека, с другой. В последующий после романтизма период развития русской культуры в деятельности философских кружков и политических обществ 1830-1840-х гг. дуализму «романтического героя» противопоставляется модель «действительного человека», целостного во всех аспектах внутреннего и внешнего, чувственного и рационального.

«Реализм» (как можно обозначить мировоззрение этого периода русской культуры) различал разумную и чувственную стороны человека по принципу разделения индивидуального и всеобщего. Разум – воплощение всеобщей способности мыслить. Чувственная природа характеризует индивидуальное, частное бытие и обозначает «интимную сущность» человека. Интеграция разума и чувства возможна как соотнесение индивида со всеобщим, включение частного в социальное. Руководствующийся этой моделью человек должен увязать поток своих чувственных переживаний с абстрактными представлениями о всеобщем и, одновременно, усмотреть в последних субъективно-чувственное измерение, обнаружить личную причастность к ним.

Показательный материал для изучения того, как модель субъективного единства чувства и разума, сингулярного и всеобщего применялась по отношению к конкретному индивидуальному опыту, дают дневники А.И. Герцена – одного из ключевых операторов дискурса целостной личности.

В дневниках 1842-1845 гг. Герцен переживает антагонизм «разума» и «сердца» как разрыв между частным бытием и всеобщими, социальными интересами. Осознание себя как социально ориентированной личности, погруженность в статьи и дневниковых записях в сферу общественных интересов были для Герцена, прежде всего, средством освобождения от семейного диктата его супруги (Натали), установившегося в первые годы их брака. Так, он возлагает надежды на социализм, который должен включить женщин в общественную жизнь, предполагая тем самым, что женщины не будут «углубляться в одном личном» [1, 276]. Иными словами, обращенность к всеобщему являлась своеобразной стратегией решения личных проблем в практике дневниковой саморепрезентации.

Риторические приемы, используемые Герценом в дневнике с целью интеграции универсальных требований разума и индивидуальных чувств, функционируют в направлении универсализации чувства – перенесения его на уровень всеобщих дискурсивных категорий. Так, для снятия разрыва между нравственными императивами разума и увлечениями «сердца», переживаемого Герценом после его супружеской измены, он вводит обобщенную фигуру негативного самоопределения – *пиетистов*, отвергающих земные чувства и наслаждения: «Они, заморившие в себе все, называемое земное, ... они жестки, даже свирепы. Любви в них нет, их любовь подложна...» [1, 215]. «Пиетисты» символизируют здесь противоестественное подчинение индивида гетерономным предписаниям, в отталкивании от них разум и чувство оказываются на одном полюсе автономной личности как всеобщей модели субъекта.

Заметки и размышления о философских и политэкономических книгах, исторических деятелях, историософских спорах со славянофилами позволяют Герцену подняться на тот уровень, на котором чувство приобретает надындивидуальный характер – это уже страдания не одного, но целого поколения («наши страдания»). Здесь чувство избавляется от качества сингулярности и взамен приобретает значение связи личности с Историей, становится особым историческим «чутьем», превращающим индивида в добровольное орудие и воплощение исторического процесса, в «живой орган, отдавшийся событиям» [1, 297]. Историческое деяние, интегрирующее разум и чувство, предполагает процедуру своеобразного *кенозиса* – самоуничужения, растворения субъекта в субстанции исторических событий и, соответственно, отказа от «мнений» индивидуального разума. Таким образом, в измерении Истории осуществляется инверсия значений: чувство универсализируется, разум индивидуализируется. Дуализм воспроизводится, но теперь это дуализм субъективных замыслов революционера и объективной, непостижимой логики развития событий.

В конце 1840-х – начале 1850-х гг. Герцен столкнется с проблемой соотношения частного и исторического, впоследствии сделав её главным конфликтом «Былого и дум». В дневниках он пока только предчувствует эту дилемму и, несмотря на свою одержимость историей и революционным преобразованием, очерчивает пространство частного, чувственно-го бытия в настоящем, свободного от исторической обусловленности и целенаправленности: «Настоящее есть реальная сфера бытия. Каждую минуту, каждое наслаждение должно ловить, душа непрерывно должна быть раскрыта, наполняться, всасывать всё окружающее и разливать в него своё. Цель жизни – жизнь» [1, 217].

ЛИТЕРАТУРА

1. Герцен, А. И. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 2. Статьи и фельетоны 1841-1846. Дневники 1842-1845 / А. И. Герцен. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. – 512 с.

Филипова А. Г., Ракитина Н. Э.
A. G. Filipova, N. E. Rakitina

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА ДЕТСТВА В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИОЛОГИИ)¹

BUILDING A THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FRAMEWORK FOR STUDYING SOCIAL INEQUALITY AMONG CHILDREN IN CITY ENVIRONMENT (CASE STUDY: FOREIGN SOCIOLOGY)²

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: alexandra.filipova@mail.ru.

Ms. Alexandra G. Filipova – Dr.habil. of Sociology, Associate Professor, Professor, Department of Philosophy and Social Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: alexandra.filipova@mail.ru.

Ракитина Наталья Эдуардовна – ведущий инженер отдела сопровождения учебного процесса Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: rakitina.nat@gmail.com.

Ms. Natalia E. Rakitina – Chief Engineering Officer, Educational Process Support and Follow-Up Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: rakitina.nat@gmail.com.

Аннотация. В статье представлен обзор ведущих социологических концепций города и социального пространства с точки зрения механизмов воспроизводства социального неравенства. Анализируются принципы структурирования городской среды, её характеристики, связь физического и социального, публичного и частного и др. Предложены возможные направления использования представленных идей для изучения социального неравенства детства в городе.

Summary. The paper offers a review of the leading sociological concepts of the city and social space in the social inequality perspective with special regard to the latter's reproduction mechanisms. We investigate the structuring principles of urban environment, its characteristics, the interplay of physical and social, public and private, etc. We suggest a range of perspective areas to study the presented ideas and concepts in order to get a better understanding of the social inequality among children in large cities.

Ключевые слова: социальное пространство, город, социальная сегрегация, социальное неравенство, детство.

Key words: social space, city, social segregation, social inequality, childhood

УДК 316.35

Город является объектом изучения многих научных дисциплин, поскольку в нем концентрированно переплетаются все аспекты активности человека. Именно город дает возможность индивиду реализовать различные аспекты социальности, организовать разные формы коммуникаций с учетом временных и территориальных характеристик пространства.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект № МД-3569.2015.6)

² The study has been carried out thanks to a Presidential Grant № MD-3569.2015.6.

Традиционно изучение города в социологии связывают с именем М. Вебера, который в работе «Город» анализирует такие его специфические признаки, как территориальная обособленность, плотность заселения, виды деятельности (ремесло и торговля, наличие рынка, разнообразие занятий). Однако, рассматривая каждый признак в отдельности, Вебер приходит к заключению об их недостаточности для идентификации города и определяет как первооснову экономической компонент [4].

Другой немецкий ученый Г. Зиммель анализирует социально-психологические основы жизни больших городов, обращая внимание на «повышенную нервность жизни, происходящую от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений» [8]. В результате, по мнению Г. Зиммеля, в больших городах процветают отчужденность, равнодушие и безразличность (см. прим. 1).

Социологические исследования города получают новый виток в своем развитии в начале прошлого столетия благодаря серьезной работе группы социологов Чикагского университета (Р. Парк, Э. Берджесс, Л. Вирт и др.).

К городскому пространству как социальной лаборатории, средоточию социальных проблем и социальных изменений обращается Р. Парк: «...в городских условиях институты растут очень быстро. Они растут прямо у нас на глазах, процесс их роста открыт для наблюдения и, таким образом, – для эксперимента», «именно в городе имеет место большинство экспериментов по выведению новых форм семейной жизни» [9].

Вслед за Р. Парком Э. Берджесс рассматривал город как «лабораторию» для изучения различных аспектов человеческого поведения. Однако «в отличие от химической или физической лаборатории, куда можно доставить соответствующие объекты для их изучения в контролируемых условиях, социальные объекты не могут быть извлечены из их среды (личности, группы, институтов... они должны изучаться в «лаборатории сообщества» [1].

Используя социальное картографирование, Э. Берджесс представил систему зонирования города. «Концентрические зоны» демонстрируют корреляцию определенного образца структуры города и различных типов социальных проблем, например проблемы преступности несовершеннолетних.

Исследование «естественных районов», по Берджессу, должно вестись по двум основным направлениям:

1) определение пространственного образа района, его топографии, размещения местного сообщества, физической организации не только ландшафта, но и созданных человеком структур (жилища, рабочие места, места отдыха и т.п.);

2) изучение его «культурной жизни»: образа жизни, обычаев, стереотипов.

Л. Вирт, продолжая разрабатывать экологический подход Чикагской школы, изучает жизнь в городской среде и проблемы меньшинств. Он отмечает, что большая численность населения городов (в сравнении с сельским населением) приводит к существенным вариациям индивидуальных проявлений, а значит большей дифференциации и последующей поляризации. На смену солидарности сельского сообщества приходят «конкуренция и формальные механизмы контроля» [5]. Исследователь анализирует такие характеристики городского пространства, как размер совокупности населения, плотность, гетерогенность и приходит к выводу, что «повышенная мобильность индивидуума, обусловленная большим количеством воздействий на него со стороны других индивидуумов, является причиной приобретения плавающего статуса в социальных группах, которые составляют социальную структуру города». А «плавающий статус» – это источник нестабильности общества, источник рисков.

Еще один ракурс социологического взгляда на город связан с интерпретацией более широкой категории – категории пространства или поля. П. Бурдьё, Л. Вакан, И. Гофман, Э. Гидденс и другие рассматривают социальное пространство как сцену повседневности (т.е. территорию действий социальных акторов), пытаются структурировать его и проанализировать его эффекты.

Так, И. Гофман, проводя аналогию между пространством и театральной сценой, выделяет передний план, где проигрываются разные роли, и задний план, скрытый от зрителя.

Исполнение индивида в зоне переднего плана можно рассматривать как усилие создать впечатление, будто его деятельность в этой зоне воплощает и поддерживает определенные социальные нормы и стандарты [7]. Передний и задний планы есть соотношение публичного и частного пространств.

В то же время пространство – это еще позиции субъектов, их «направленность», «дистанция», статусы. С. Лаймен и М. Скотт выделяют публичные территории, домашние территории, территории взаимодействия и территории тела, которые исследователи дифференцируют по следующим критериям: регламентированность – свобода, замкнутость – открытость, контролируемость – неконтролируемость, что по сути является отражением правил, прав и возможностей доступа в территории [10, 213].

П. Бурдые, с одной стороны, рассматривает физическое пространство в качестве продукта социальных отношений, взаимодействий, социальных институтов, с другой стороны, он подчеркивает также обратную связь: физическое пространство структурирует социальное [2].

Важными характеристиками физического пространства с социологической точки зрения выступают близость – удаленность, однородность – неоднородность, открытость – закрытость, статичность – динамичность. Последняя характеристика указывает на то, что пространство невозможно рассматривать вне временной переменной, оно изменчиво и находится в постоянном движении.

В связи с этим зарубежная исследовательница Элизабет Штрёкер дифференцирует пространства на «пространства действия» и «пространства созерцания». То пространство, где предметы размещаются, есть пространство созерцания, оно может способствовать рутинизации повседневности, опривычиванию, обеспечивая «подручность» вещей: «... сподручное настолько хорошо знакомо и так мало бросается нам в глаза, что только озабоченность им делает его для нас заметным» [10, 200]. Пространство действия – это, в первую очередь, пространство перемещения, предполагающее определенный «маршрут», которому предшествует «проект» движения.

Возможность или невозможность доступа в территории и места как непосредственных акторов, так и зрителей предполагает наличие границ, что приводит к делению пространства на зоны (экономические, природно-климатические, экологические и пр.), территории (государства, регионы, территории проживания этнических групп и пр.), места (дом, двор, клуб, школа, детский сад и пр.). П. Бурдые раскрывает два эффекта ограничения пространства: эффект клуба и эффект гетто. В «клубах» – закрытых территориях, объединяющих похожих друг на друга людей, идет накопление социального и символического капиталов. Эффект гетто представляет полную противоположность: «гетто символически разлагает своих обитателей, объединяя в некоторой резервации совокупность агентов, которые, будучи лишены всех козырей, необходимых для участия в различных социальных играх, могут делиться только своим отлучением» [2, 61].

Э. Гидденс дает расширительную трактовку эффекта гетто, распространяя его действие на целые жилые кварталы посредством механизма социального отчуждения: «Например, люди, живущие в обветшалых трущобных микрорайонах, где плохие школы и мало надежды найти хоть какую-нибудь работу, вполне возможно, окажутся лишенными тех возможностей улучшения своей жизни, которыми обладает большинство людей в обществе» [6, 287-288].

Л. Вакан вводит понятие нового режима городской маргинальности, которое исследователь связывает с последними геополитическими и социально-экономическими трендами: распространением политических миграций, проблем беженцев, ценностей общества массового потребления и прочее: «Раньше бедность в западных мегаполисах казалась по большей части явлением остаточным или кратковременным, привязанным к местам проживания рабочего класса, и воспринималась географически рассеянной и исправимой посредством дальнейшего расширения рынка. Теперь же она представляется все более и более длительной, если не постоянной, и не связанной с макроэкономическими трендами, но привязанной к

пользуемся дурной славой неблагополучным районам, в которых социальная изоляция и отчуждение подпитывают друг друга» [3].

Таким образом, городское пространство становится источником социальной сегрегации. По образному выражению Л. Вирта, «город напоминает мозаику социальных миров».

Подводя итог обзору социологических исследований города и городского пространства, обозначим возможные векторы развития представленных идей в приложении к изучению социального неравенства детства в городской среде.

Во-первых, зонирование пространства города может быть применено для выделения детских, взрослых и смешанных зон. Социологическими координатами изучения детских зон в городской среде могут стать «близость – удаленность», «однородность – неоднородность», «замкнутость – открытость», «регламентированность – свобода», «статичность – динамичность», «контролируемость – неконтролируемость» и др.

Во-вторых, изучая детство в городе, нужно постоянно помнить о связи физического и социального пространств, их взаимной обусловленности. Например, конструирование образов «благополучных» и «неблагополучных» городских районов для детей имеет в основе связь физического и социального.

В-третьих, неравенство детства приводит к образованию множества детских миров, имеющих неодинаковый доступ к ресурсам городской среды. В крайних своих проявлениях неравенство принимает форму социальной эксклюзии, также нуждающейся в социологическом обосновании с позиции функционирования городской среды.

В-четвертых, в силу физической, психологической и социальной незрелости детства, оно иногда «огораживается» взрослыми для обеспечения защищенности. То, как в таких условиях проявляются эффекты гетто и клуба, – еще один возможный фокус изучения неравенства детства в городе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баньковская, С. П. Эрнст Берджесс / С. П. Баньковская // Современная американская социология. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 36-67.
2. Бурдьё, П. Социология социального пространства / П. Бурдьё; пер. с франц. под ред. Н. А. Шматко. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 2005. – 288 с.
3. Вакан, Л. Городская маргинальность грядущего тысячелетия / Л. Вакан; пер. с англ. А. Лазарева // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2 (70).
4. Вебер, М. Понятие и категории города / М. Вебер. URL: http://www.glazychev.ru/bibliography/weber_gorod/weber_gorod.htm.
5. Вирт, Л. Урбанизм как образ жизни / Л. Вирт; пер. с англ. В. В. Вагина. URL: <http://www.urbanclub.ru/?p=99>.
6. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
7. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М.: Канон-пресс-ц, 2000. – 304 с.
8. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – № 3-4.
9. Парк, Р. Город как социальная лаборатория / Р. Парк; пер. с англ. С. П. Баньковской // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2. – № 3. – С. 3-12.
10. Филиппов, А. Ф. Социология пространства / А. Ф. Филиппов. – СПб.: «Владимир Даль», 2008. – 290 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Под базированностью Г. Зиммель понимал тип поведения горожан начала XX в., характеризующийся самозащитой от множества ежедневных контактов с другими людьми в городе посредством эмоциональной отрешенности, сосредоточенности на своих делах, равнодушия к социальным явлениям и процессам.

Башарымова Д. В.
D. V. Basharymova

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ У СТУДЕНТОВ: НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ

FORMATION OF LIFE VALUES IN UNIVERSITY STUDENTS: NATIONAL AND INTERNATIONAL PERSPECTIVE

Башарымова Д. В. – и. о. начальника Управления международной деятельности Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск); (4212) 22-43-80. E-mail: [DBasharymova @pnu.edu.ru](mailto:DBasharymova@pnu.edu.ru)

Ms. Dana V. Basharymova – Acting Head of the International Relations Bureau, the Pacific National University, Khabarovsk, Russia; telephone: + 7 (4212) 224380. E-mail: DBasharymova@pnu.edu.ru.

Аннотация. Студенчество занимает особое социальное пространство с определенной системой ценностей. В настоящее время, в эпоху глобализации и интернационализации, система ценностей студенчества обретает новый смысл и новую актуальность. В статье описано эмпирическое исследование групп студентов для выяснения, насколько совпадает система ценностей студентов разных стран для определения успешности их совместного обучения, выявления специфичности процесса социальной адаптации. В качестве вывода следует утверждение автора о зависимости от преобладающих ценностей студентов будущее развитие общества. У современной студенческой молодежи доминирует установка на материальные ценности, в планах появляются все больше прагматические интересы.

Abstract. University students occupy a specific social space having a system of values pertaining to it. Nowadays, in the era of globalization and internationalization, students' life values are assuming a new significance and new topicality. The paper describes an empirical study of students to find out the degree to which the systems of values of students coming from different countries agree or overlap. The goal is to evaluate collaborative studies' success, and identify the specificity of the process of social adaptation. The author concludes that future development of the society depends on the prevailing students' values. Modern students have a dominant goal to achieve material success in life, they are motivated by ever growing pragmatic interests.

Ключевые слова: студенчество, система ценностей, академическая мобильность, глобализация, терминальные ценности, инструментальные ценности, ценности индивидуализации.

Key words: university students, system of values, academic mobility, globalization, terminal values, instrumental values, values of individualization.

УДК 378.016

То, что студенты являются особой социальной группой, отмечалось уже не раз [1]. В самом деле, с одной стороны, студенты, как правило, обладают достаточно высоким унаследованным (семейным) социальным статусом, определённым образом сформированным статусом [2]. Конечно, представитель базовых слоев населения может попасть в число студентов высшего учебного заведения. Однако на его пути будет намного больше препятствий, чем на пути выходца из высших и средних социальных слоев. Соответственно, численно эта группа будет составлять незначительное число от общей массы студентов [3].

С другой стороны, для студентов, как для всякой переходной группы, характерна определенная бесстатусность, точнее, неопределённость статуса. Все социальные позиции, которые может занять студент, пока остаются потенциальными. Это обстоятельство и создает особое социальное пространство студенчества, как выделенного из общего социального

контекста. Такая позиция и позволяет не столько воспринять или навязать, сколько сформировать определённую систему ценностей.

Конечно, ценности, в том числе групповые и корпоративные, усваиваются и в иной форме, при усвоении иных социальных ролей. Но, как показывает многовековая практика, эти ценности усваиваются медленнее, поскольку выступают чаще всего в качестве внешних ценностей и норм по отношению к индивидуальному опыту человека [4]. В выделенном пространстве образования, особенно высшего образования, эти ценности именно осваиваются, формируются, как мои собственные. В этом, в частности, состоит значимость этого этапа становления личности.

Но сегодня проблема ценностей студенчества обретает новый смысл и новую актуальность. Образование все более становится международным, единым пространством. Академическая мобильность становится важнейшим параметром, характеризующим это пространство. Этот процесс всё более захватывает дальневосточные вузы. Студенты вузов Дальнего Востока едут на стажировки в вузы Китая, Японии, Кореи. Соответственно, сами вузы принимают все больше студентов из стран АТР. От того, насколько совпадает система ценностей студентов разных стран, зависит то, насколько успешным будет их совместное обучение, насколько специфичным должен быть процесс социальной адаптации.

Для того чтобы выяснить уровень этого совпадения или несовпадения, нами было предпринято эмпирическое исследование двух групп студентов. Первую группу составили российские студенты, обучающиеся в Тихоокеанском государственном университете, побывавшие в последнее время в зарубежных стажировках. В силу того, что характеристика генеральной совокупности здесь затруднительна, выборка не носила статистического характера. Было опрошено 70 студентов. Вторая группа состояла из иностранных граждан, прибывших на обучение или стажировку в ТОГУ. Здесь было опрошено 53 респондента. По тем же причинам и в этом случае выборка не носила статистический характер.

В ходе опроса мы ставили целью выявить ценности, связанные с образованием, которые сформированы у респондентов, сравнить их. Большая часть респондентов (более 70 %) обладали незаконченным высшим образованием (бакалавриат). Менее 30 % были бакалаврами и обучались по магистерским программам. Преобладали девушки (89,8 %).

При вопросе о том, где собираются респонденты жить после окончания вуза, большая часть иностранных студентов выбрала страну постоянного проживания. Лишь 4 респондента из КНР указали, что хотели бы работать в Европе или США. В ответах российских студентов разброс гораздо больше. При том, что значительная часть (43 респондента) указали, что рассчитывают на трудоустройство в России, значительная группа (27 респондентов) предпочла бы трудоустройство за рубежом. Из них 3 респондента отдали предпочтение Европе, остальные рассчитывали на трудоустройство в Азии.

При ответе на вопрос об авторитетах (друзья, родители, политический деятель, звезда шоу-бизнеса) значимых различий между российскими и иностранными студентами не выявлено. В качестве важнейших авторитетов назывались друзья и родители. Чуть чаще у иностранных студентов фигурировали звезды шоу-бизнеса, а у российских – политические деятели.

Вот по вопросу о распределении ценностей по степени важности различия были значимыми.

Среди ответов российских студентов преобладали следующие варианты: личная жизнь, друзья, профессиональный рост, материальное обеспечение, благосостояние, возможность творческой деятельности. Иностранные студенты чаще выделяли: удовлетворенность работой, хорошую обстановку в коллективе, чистую совесть. Хотя ценности личной жизни и дружбы тоже ставились достаточно высоко.

Здесь, на наш взгляд, проявляется значимое отличие в восприятии образования. Если для иностранных студентов высшее образование составляет несомненный социальный лифт, который автоматически (при наличии успешной учебы) вывезет их на необходимый уровень

социального комфорта и статуса, то для российских студентов это совершенно не очевидно. Здесь образование играет, скорее, роль формального основания для карьеры, а не социального лифта. Более того, крайне важно, что в период обучения в высшей школе у студентов возникает возможность завязать важные знакомства, в том числе и среди однокурсников. Ведь в пространстве вуза соединяются «на равных» выходцы из достаточно различных социальных слоев. Здесь для выходцев из семей социальных аутсайдеров возникают возможности по организации социальных сетей, которые впоследствии станут основой для карьерного роста. Точнее, могут стать. В связи с этим и оказывается в числе лидирующих ценность «дружбы».

Неуверенность в успешности собственной карьеры делает для российских студентов более значимой ценностью благосостояния и материального обеспечения. Иными словами, для российских студентов наибольшей ценностью является приватная сфера и внятные перспективы профессионального продвижения, для иностранных студентов – комфортное место работы и самореализация. Это не означает, что ценность приватной сферы для иностранцев ниже. Видимо, она подразумевается, поскольку не является проблемной.

Стоит отметить и различия по странам. Ближе всего к российским студентам оказались студенты из КНР. Дальше всего – японцы. Студенты из Республики Корея занимали промежуточное положение.

Крайне разнообразным был ответ на вопрос о целях. В силу этого нам пришлось применить типологизацию. Цели, называемые студентами (открытый вопрос), объединялись в группы. Для российских студентов значимыми оказывались следующие цели: крепкая семья, дети, возможность обеспечить семью, возможность путешествовать. Самореализация в качестве цели называлась, но существенно реже. Несколько чаще фигурировала цель – найти интересную работу. Богатство в качестве цели называли единицы. Зато значимой была цель – достичь материального благосостояния. Очень высока была популярность стабильной работы с гарантированным вознаграждением. Эту же картину дал и проверочный, закрытый вопрос (см. табл. 1).

Таблица 1

Что для Вас успех?
(возможен выбор до трёх вариантов ответа)

Варианты ответа	Российские студенты	Иностранные студенты
Стать богатым	3	18
Создать семью, иметь детей	56	4
Успешная карьера	68	47
Интересная и любимая работа	12	49
Постоянная работа и гарантированный заработок	37	11
Всеобщее признание	11	51
Свобода и независимость	34	12
Иметь много друзей	36	12
Иметь возможность путешествовать	22	23

Несколько ниже оказывался у российских студентов и горизонт планирования. Для большей части российских студентов горизонт планирования составлял до года. Тогда как для иностранных студентов он часто превышал 10 лет.

Крайне интересно, какие именно действия, по мнению студентов, необходимо совершать, чтобы достичь своих целей. Для российских студентов, наряду с успешным получением диплома, это наличие и увеличение связей, поиск рекомендателя, умение «крутиться». Для иностранных студентов основной формой деятельности была успешная учеба, труд, упорство (см. табл. 2).

Здесь мы можем говорить о существенно большей определенности карьерных стратегий у иностранных студентов и достаточно размытых представлениях о будущем у студентов из России.

Таблица 2

Необходимые качества для достижения цели

Российские студенты	Иностранные студенты
Успешная учеба	Успешная учеба
Связи	Труд
Рекомендация	Упорство
Умение «крутиться»	
Умение презентовать себя	

Здесь достаточно очевидно проявляют себя более низкая в сравнении с иностранными студентами заинтересованность в получении знаний, более высокая вера в неформальные каналы повышения своего социального статуса.

Возможно, на переориентацию студенчества повлиял, с одной стороны, невысокий уровень российской жизни, а с другой – распространение западных ценностей, в основе которых лежат богатство и успех. Все это способствует формированию нового сознания современной молодежи. Студенты желают добиться своих целей благодаря собственному профессионализму, выделяя важную роль в достижении целей связям и деньгам, не отвергая при этом важности хорошего образования. «Ориентация на развитие способностей, профессиональное самоопределение, личностное самосовершенствование, получение знания как удовлетворение потребности в познании позволяет утверждать, что преобладают терминальные ценности учёбы. Тогда как приоритетность получения хороших оценок в процессе учёбы, налаживания хороших отношений с товарищами по учёбе, полезных связей и знакомств, повышения самооценки, получения диплома о высшем образовании будет свидетельствовать в пользу преобладания инструментальных ценностей учёбы» [5].

Следует заметить, что детерминирующее отношение к ценностям меняется с возрастом. Старшие студенты все больше уделяют внимание ценностям работы, связям в трудоустройстве, более прагматичны. Им присуща позиция: «Хочешь жить – умей вертеться!». Вероятно, это следствие происходящей в обществе переоценки ценностей. При достижении целей молодёжь рассчитывает на связи и деньги.

Приоритет личных интересов над общественными, над духовными – следствие социокультурного развития современного российского общества, в котором, к сожалению, материальные ценности преобладают над духовными. Надо отметить, что преобладание материального (экономического) над духовным (гуманитарным) составляет общую тенденцию и в трансформации ценностей в японском обществе у молодёжи. Активное включение Японии в процессы глобализации (унификация культуры, утрачивание самобытности, американизация японского языка) привело к духовной переориентации в обществе («нескончаемая и недосягаемая гонка за наслаждениями», «внешними ценностями», деньгами, славой, красотой) [6].

На формирование ценностей молодёжи оказывают влияние нравственные ориентиры личности. Для студенчества – это старшекурсники, молодые лидеры, известные люди, режиссеры – преподаватели, при этом часть считает, что у них не должно быть кумиров, образцов для подражания.

Исследования показывают, что молодёжь (большинство студентов являются сторонниками здорового образа жизни) понимает ценность здоровья, однако чаще в качестве жизненного благополучия и успеха выбирает современные популярные спортивные клубы. Это отношение к спорту навеяно тенденцией моды в последнее время, создавая, тем самым, возможность покупкой абонементов войти в определенную группу, как члена одного клуба, и по-

лучив признание у своих одноклассников (старшекурсников), при этом указывая, что здоровый образ жизни – это отсутствие вредных привычек, а не регулярные физические нагрузки.

Студенчество является важной ценностью общества. Соответственно, от того, каких целей желает достичь студент, какие ценности являются преобладающими, зависит в будущем развитие общества, так как ценностные ориентации являются одним из механизмов целеполагания. Современная молодёжь ориентируется на устоявшиеся в обществе ценности. Ими остаются: желание материального благополучия, стремление молодых людей добиться успеха в своей профессии, получить профессиональное образование и создать крепкую и счастливую семью [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что преобладающими ценностями российского студенчества являются материальные ценности: личное благосостояние, престижная работа, успешная карьера. Современная студенческая молодёжь стремится приобрести ту работу и то образование, которые помогут ей достичь успеха, отсюда и доминирует установка на материальные ценности, возможно, как следствие коммерциализации различных сторон жизни российского общества. Следует отметить, что наблюдается процесс изменений ценностных ориентиров, в основном студенчеству становятся присущи ценности индивидуализации, в результате чего происходит снижение значения нравственных ценностей и возникает аполитичность молодёжи. В планах современной молодёжи все больше появляются прагматические интересы, а именно: трудоустройство на престижную высокооплачиваемую работу, профессиональный рост, создание благополучной семьи, возможность успешной карьеры, решение своих жилищных проблем, уход за своим здоровьем для получения признания. Все меньшее значение имеют ценности, связанные с принесением пользы обществу, стране, относящиеся к творческой деятельности, получением дополнительного профессионального образования.

Все эти моменты крайне важно учитывать при организации зарубежных стажировок российских студентов, при работе с иностранными студентами. Но не менее важно учитывать эти моменты при организации социальной и воспитательной работы со студентами. Бесспорно, возможность установления социальных связей в процессе обучения была и остаётся важнейшей функцией вуза. Но преобладание её над ценностью знания, несомненно, нельзя назвать позитивной тенденцией.

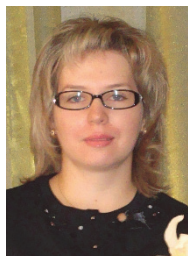
ЛИТЕРАТУРА

1. Социология молодежи / под ред. Р. В. Ленькова. – М.: Юрайт, 2014. – С. 41.
2. Бурдые, П. Структура, габитус, практика / П. Бурдые // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Том I. – № 2. – С. 60-70.
3. Зубок, Ю. А. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Социологические исследования. – 2012. – № 8. – С. 103-111.
4. Ионин, Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие / Л. Г. Ионин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2000. – 431 с.
5. Темницкий, А. Л. Динамика терминальных и инструментальных ценностей учебы у студентов МГИМО / А. Л. Темницкий // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – № 1(40).
6. Изотова, Н. Н. Проблема трансформации системы ценностей в современном японском обществе / Н. Н. Изотова // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2(35).
7. Акулич, М. М. Жизненные стратегии молодежи / М. М. Акулич, В. В. Пить // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 8.

Шишова Н. Е.
N. E. Shishova

ЗАЩИТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ

ON THE PROTECTION OF MINORS AGAINST CHILDE ABUSE

Шишова Наталья Евгеньевна – соискатель ФБГОУ ВПО Московского государственного университета приборостроения и информатики (Россия, Москва); 107996, г. Москва, ул. Стромынка, д. 20. E-mail: natalia.shishova@ gmail.com

Ms. Natalia E. Shishova – PhD Applicant, Moscow State University of Tool Engineering and Informatics (Russia, Moscow); Stromynka, 20, Moscow, 107996. E-mail: natalia.shishova@gmail.com.

Аннотация. Охрана детей от жестокого обращения и преступных посягательств со стороны взрослых продолжает оставаться актуальным вопросом в проводимой государством политике по защите несовершеннолетних. Освещены вопросы охраны детей от жестокого обращения уголовно-правовыми средствами в различные исторические периоды развития нашего государства. Ввиду отсутствия определения понятия «жестокое обращение» в уголовном законодательстве предпринята попытка проанализировать его содержание, предложено авторское видение вопроса с учетом значимости для криминалистического обеспечения выявления и расследования таких преступлений.

Summary. Protection of children against cruel treatment and criminal assault by adults remains one of the topical questions in the policy on minors' protection pursued by the state. We discuss the issues of child protection against cruelty and abuse by legal means and instruments in various periods of Russia's history. Since there is no concept definition of 'ill treatment' in the criminal law of the country, we attempt to analyze its content and suggest our vision of the issue taking into consideration its importance for detection and investigation of such crimes.

Ключевые слова: жестокое обращение, дети, несовершеннолетние, защита детей.

Key words: ill treatment, children, minors, protection of children.

УДК 343.98

Жестокое обращение с детьми, на которое в последнее время со стороны государства обращено пристальное внимание, продолжает оставаться для общества серьезной, распространенной и многогранной проблемой. При этом данная проблема выходит далеко за рамки очевидно заметного физического насилия, сопровождаемого телесными повреждениями, побоями и истязанием. К сожалению, жестокое обращение с детьми имеет и другие формы, которые не всегда попадают в поле зрения окружающих, но оказывают травмирующее воздействие на ребенка, например, эмоциональное игнорирование, безнадзорность, оставление его в опасности, унижение и прочее. Позволим себе однозначно утверждать, что такие формы жестокого обращения наносят ребенку глубокие эмоциональные травмы.

Следует заметить, что на различных этапах развития общества и государства статус несовершеннолетних также претерпевал изменения и определялся социальной ролью ребенка в обществе и отношением общества к детям. Такое положение предопределяло характер воспитательных мер по отношению к детям со стороны родителей или лиц, их заменяющих.

Однако если заглянуть в историю вопроса, можно увидеть, что на протяжении длительного периода времени несовершеннолетние и их интересы обеспечивались правовыми средствами охраны со стороны государства недостаточно, а некоторый период и вовсе не обеспечивались.

В силу существовавших продолжительное время традиций подразумевалось, что насилие в семье – это вполне нормальное явление. В этой связи право на телесное наказание охранялось законом. Однако законодатель избирательно и явно неравномерно подходил к распределению прав и обязанностей между мужем и женой и между родителями и детьми.

До середины XIV века полноценной правовой охраны несовершеннолетних вообще не предусматривалось. Согласно источникам русского права [9, 436] эти вопросы решались лишь фрагментарно, так как ребенок признавался исключительной собственностью родителей, что узаконивало право на его телесное наказание за непослушание. Более того, родители на законном основании могли отказаться от кормления и воспитания ребенка, а если он не был безупречен по внешнему виду, и вовсе могли его убить. Детоубийство в то время было повседневным и общепринятым актом.

В свете сказанного Л.П. Белковец и В.В. Белковец в курсе лекций по истории государства и права России описывают наличие права родителей на детоубийство, продажу своих детей в холопы абсолютно безнаказанно [1, 17-20].

Такое положение практиковалось у многих народов. В частности, старинными обычаями регулировалось семейно-брачное право монголо-татар и подвластных им кочевых народов, где «... главой патриархальной полигамной семьи, составлявшей часть айла, рода, являлся отец, который имел право отдавать своих детей за долги в услужение и даже продавать в рабство» [2, 94].

Власть главы семьи в отношении своих домочадцев также было закреплена в домострое – сборнике бытовых правил 1550-х гг. «Сыну своему воли не давай, но сокруши ребра ему», указано в тексте этого памятника истории [3, 436].

В силу изложенного очевидно, что в то время государство не вмешивалось в отношения семьи и воспитания детей, а никем не контролируемая родительская власть нередко находила выражение в жестоком обращении с детьми, их истязании и эксплуатации детского труда.

Распространенность такого феномена, как насилие в отношении детей, по справедливому замечанию А.А. Исакова, во многих случаях оправдывалась житейскими представлениями «бьет – значит любит» [5, 15].

Кроме того, родителям для наказания детей предоставлялось право обращения к публичным властям, которые могли вынести решение о заключении «непокорных детей» в тюрьму на срок от трех до четырех месяцев. При этом родителям не требовалось представлять каких-либо доказательств вины детей, а «наветы на родителей» или «выражение непочтения» лишь усугубляли их вину.

Ответственность за детоубийство в русском законодательстве была впервые установлена Соборным Уложением 1649 г. Однако, несмотря на то, что наказание к виновному в убийстве собственного ребенка было более мягким, чем за убийство постороннего человека, со стороны государства был сделан первый шаг, направленный на охрану наименее защищенной группы общества. Согласно ст. 3 указанного Уложения, детоубийство каралось годичным тюремным заключением и церковным покаянием (в то время как посягательство на родителей со стороны детей каралось законом «без всякой пощады» казнью) (ст. 1-2) [1, 20-32; 4].

Исторический отрезок того времени обнаруживает двойственный характер отношений родителей и детей. Признание обществом права родителей на заботу о детях, их воспитании и установление хоть и мягкой, но ответственности за причинение ребенку вреда, все же не исключало право безграничной родительской власти над детьми, позволяя подвергать их беспощадному избиению.

Таким образом, право на заботу о воспитании порождало обязанность воспитуемых подвергаться жесткому принудительному воздействию, от перегибов которого защита не предусматривалась. Игнорирование детства как естественного и специфического периода в развитии личности приводило к тому, что общество крайне негативно реагировало на любые

формы отклоняющегося поведения детей. В частности, исследования истории борьбы с преступностью несовершеннолетних содержат сведения о распространенности применения смертной казни к детям младшего возраста [7, 30].

В период правления Петра I происходит смягчение власти родителей над детьми в части подчинения им и их воле. Но это отнюдь не затронуло возможности применения к детям физического наказания.

Ограничение права родителей на применение жесткого физического наказания в отношении детей постепенно стало ограничиваться, начиная с XVIII века. Был введен запрет калечить и ранить детей, установлена ответственность за доведение их до самоубийства. Как отмечает Н.И. Костомаров, за особо жестокое обращение с детьми родителям делалось внушение совестным судом за «закрытыми дверьми» [6, 561].

Представляется, такой запрет послужил посылкой пересмотра приоритетов в отношении детей. Однако в то время повсеместным явлением была эксплуатация труда детей (особенно среди бедных слоев населения, где ребенок считался дополнительной рабочей силой в семье). С нынешних позиций это, по сути, есть не что иное, как жестокое обращение.

Позже, смена общественной формации предопределила изменение правового статуса несовершеннолетних в сторону их социализации. В XIX веке позиция родителей по отношению к детям в большей степени уже определяется так называемым «институтом наставничества».

Появляется понятие «охрана детей», которое трактовалось как «сознание необходимости охраны детей от произвола и жестокого с ними обращения родителей или заступающих их места, а также от нравственного их развращения...» [11, 509].

Прогресс во всех сферах деятельности и пересмотр жизненных ценностей в обществе дал толчок к признанию государством права ребенка на защиту не только в России, но и в большей части зарубежных стран. В качестве первых шагов в этом направлении можно считать создание в Нью-Йорке в 1875 г. общества защиты детей от жестокого обращения. Во Франции в 1889 г. был издан Закон Русселя «О малолетних, беспомощных, брошенных и терпящих дурное обращение», который предоставлял суду право лишать родительских прав людей, дурно обращающихся со своими детьми или не заботящихся о них [11, 511].

В 1892 г. в нашем государстве в г. Санкт-Петербурге учреждается особый отдел защиты детей. В его функции входила подготовка предложений по созданию нормативной правовой базы, регулирующей правовое положение несовершеннолетних, а также выявление и предотвращение фактов жестокого обращения с детьми.

Отчасти это послужило тому, что в Уголовном Уложении 1903 г. законодатель существенно расширил защиту прав несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами. Так, например, в ст. 420 Уложения говорилось, что «родитель, опекун, попечитель или имеющий надзор за несовершеннолетним, виновный: 1) в жестоком обращении с не достигшим 17 лет, если деяние виновного не составляет весьма тяжкого или тяжкого телесного повреждения; 2) в обращении не достигшего 17 лет к нищенству или иному безнравственному занятию или в отдаче его для этой цели; 3) в принуждении не достигшего 21 года, посредством злоупотребления родительскою или опекунскою властью, ко вступлению в брак, если брак последовал, наказываются заключением в тюрьме. Сверх того, суду предоставляется лишить виновного власти над несовершеннолетними» [10, 120].

Кроме того, в главе 22 Уложения «О лишении жизни» предусматривалось наказание за убийство ребенка (ст. 461), за подговор к самоубийству лица, не достигшего 21 года (ст. 463). Глава 25 «Об оставлении в опасности» также предусматривала ответственность, если потерпевшим являлся малолетний (ст. 489, 490). Глава 26 «О преступных деяниях против личной свободы» содержала нормы, предусматривающие наказание за похищение, подмену, невозвращение или сокрытие ребенка (ст. 502, 503, 505). Глава 27 «О непотребстве» (ст. 513-522) закрепила уголовно-правовой запрет посягательства на половую неприкосновенность детей. Также подлежал заключению в тюрьму родитель, опекун, попечитель или имеющий

надзор за не достигшим 17 лет несовершеннолетним или находящийся при нём для услуг, виновный в потворстве непотребству такого несовершеннолетнего (ст. 525).

Закрепив уголовную ответственность за преступления, совершённые в отношении несовершеннолетних, государство взяло на себя обязанность по их воспитанию в случае лишения родителей родительских прав в связи с отдельными противоправными деяниями.

В этот период внутри семьи образованной и состоятельной части населения намечается тенденция к снижению применяемых к детям методов агрессивного физического воздействия и замене их на методы словесного убеждения.

Определенные коррективы в семейный уклад, в общество и государственное устройство внесла Октябрьская революция 1917 года. В послереволюционные годы отмечается всплеск детской беспризорности и безнадзорности. Молодое советское государство издает соответствующие декреты по борьбе с этим явлением, а также вводит уголовную ответственность за преступления против несовершеннолетних.

В качестве примера может служить Декрет СНК от 04.03.1920 «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях», а также изданная в этом же году Инструкция комиссиям по делам несовершеннолетних. Инструкция обязывала комиссии привлекать к судебной ответственности взрослых за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и соучастие с ними, за сводничество, склонение к проституции и половым извращениям, за эксплуатацию труда несовершеннолетних и жестокое с ними обращение [12, 358-399].

Следует отметить, что в социалистическом государстве, на этапе его становления, влиянию на детей основной ячейки общества – семьи, и соответственно родителей, отводилась второстепенная роль. На первый план выдвигались приоритеты общественной системы воспитания – детских коммун, школ-интернатов и т.п.

Вместе с тем уголовно-правовая охрана несовершеннолетних от жестокого обращения с ними в той или иной мере была предусмотрена в различных главах Уголовных кодексов РСФСР 1922 г., 1926 г., 1960 г., но безотносительно объединения по признаку общности непосредственного объекта.

Поскольку проблема защиты прав детей неотрывна от проблемы жестокого обращения с ними, законодательство постсоветского периода, а также действующее российское законодательство сохранило тенденцию, направленную на защиту несовершеннолетних и их прав. Такая же тенденция прослеживается в международном праве, где на сегодняшний день самым универсальным международным документом о защите детства является Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г.

В наше время особо следует отметить наличие уголовно-правовой охраны детей от насилия. Так, за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним, статьей 156 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность для виновных в этом деянии субъектов преступной деятельности: родителей или иных лиц, на которых возложены эти обязанности, а равно педагогических работников или других работников образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанной осуществлять надзор за несовершеннолетним.

Вместе с тем, как с теоретической, так и с практической точки зрения, трудно понять позицию законодателя, который по непонятной причине не вложил четкого определения в понятие «жестокое обращение», содержащееся в уголовном законодательстве.

Восполняя данный пробел, Пленум Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 с жестоким обращением с детьми связывает осуществление физического или психического насилия над ними либо покушение на их половую неприкосновенность, применение недопустимых способов воспитания (грубое, пренебрежительное, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатация детей) [8, 11].

Представляется, что жестокое обращение с детьми, являясь способом совершения преступления, помимо физического, психического и сексуального насилия включает также экономическое насилие. В этой связи целесообразнее было бы детально раскрыть в законе понятие «жестокое обращение» либо выделить специфическую группу преступлений, сопряженных с жестоким обращением с несовершеннолетними, которые совершаются лицами в связи с неисполнением обязанностей по воспитанию детей. Такое положение будет способствовать большему уяснению представления о видах, формах и способах жестокого обращения с детьми.

Изложенное позволяет заключить, что современное законодательство продолжает тенденцию, направленную на охрану прав несовершеннолетних, включающую заботу о них родителей, гуманное обращение и воспитание, право на защиту жизни и здоровья от жестокого обращения, эксплуатации и насилия. Тем не менее в силу специфики исследуемых противоправных деяний, связанных с жестоким обращением с детьми, следует помнить и об имеющихся проблемах, связанных с выявлением неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, сложностью доказывания факта их совершения и расследованием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белковец, Л. П. История государства и права России. Курс лекций / Л. П. Белковец, В. В. Белковец. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2000. – 216 с.
2. Дюков, Л. В. Монголо-татарские государства на территории нашей страны (XIII – XV вв.) // История отечественного государства и права / Л. В. Дюков, А. Н. Таукелев; под ред. Л. Н. Чистяковой. – М.: Изд-во БЕК, 1998. – 340 с.
3. Забелин, И. Е. Книга глаголемая Домострой / И. Е. Забелин // Чтение Общества истории и древностей Российских. Кн. 2., 1881. – 304 с.
4. Исаев, И. А. История государства и права России: учеб. пособ. / И. А. Исаев. – М.: Юрист, 1993. – 272 с.
5. Исаков, А. А. Криминологическая характеристика и предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в семье: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 204 с.
6. Костомаров, Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н. И. Костомаров. – М., 1992. Кн. 3, 6. – С. 671.
7. Мельникова, Э. Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Дело, 2001. – 141 с.
8. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. №10 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1998. – № 7.
9. Российское законодательство X-XX вв. / под ред. О. И. Чистякова. – М., 1984. – Т. 3. – 352 с.
10. Уголовное Уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. – СПб.: Сенатская типография. 1905. – 204 с.
11. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXII. Кн. 44. – 640 с.
12. Якубов, А. Е. Преступления против семьи и несовершеннолетних // Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 3 / под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комисарова. – М.: ИКД Зерцало-М, 2002. – 468 с.

Докучаев И. И.
I. I. Dokuchaev

**СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ:
КОРПОРАТИВНЫЙ И ПЕРСОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

**THE SUBJECTIVE ASPECT OF CORRUPTION-RELATED CRIMES:
CORPORATE AND PERSONAL PERSPECTIVES**

Докучаев Илья Игоревич – магистр юриспруденции, доктор философских наук, профессор, проректор по образовательной деятельности и общим вопросам Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681010, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 56, кв. 33; 89141731440. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru .

Mr. Ilya I. Dokuchaev – MA of Law, Dr. Habil. of Philosophy, Professor, Vice-Rector for Educational Activities and General Issues, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 56, Lenin Ave., ap. 33, Komsomolsk-on-Amur, 681010; + 7 (914) 1731440. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается субъективная и объективная стороны коррупционных правонарушений. В соответствии с федеральным законом «О противодействии коррупции» № 273 от 25.12.2008, выделяются корпоративный и персональный варианты коррупционного правонарушения, связанного с причинением материального либо морального вреда государству и личности. Утверждается, что современный Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит статей, определяющих состав преступления коррупционного характера, в качестве субъективной стороны которого выступала бы корпоративная выгода, что противоречит определению коррупции, содержащемуся в ФЗ № 273 от 25.12.2008. Налицо противоречие между существованием корпоративных коррупционных правонарушений и отсутствием законодательно закрепленных норм о санкциях за соответствующие преступления. Предлагается дополнить Уголовный кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях РФ статьями, содержащими подобный состав преступления.

Summary. This paper considers the subjective and objective aspects of corruption-related crimes. In accordance with Federal Law No. 273 of December 25th 2008 “On combating corruption”, I single out two types of corruption offence: the corporate and the personal one – both of them inflicting material damage or moral harm to the state or to an individual. I assert that the currently in force Criminal Code of the Russian Federation contains no articles that would define the *corpus delicti* of corruption offences whose subjective aspect would be corporate benefit or advantage, which comes into conflict with the definition of ‘corruption’ in the abovementioned Federal Law No. 273 of December 25th 2008. There is obviously a contradiction between the existence of corporate corruption offences and the absence of legislative norms pertaining to sanctions punishing the corresponding crimes. I propose to complement the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Offence by articles defining this type of offence.

Ключевые слова: субъективная и объективная стороны преступления, правонарушение, коррупция, корпоративная и персональная ответственность за совершение преступлений.

Key words: subjective and objective aspects of crime, offence, corruption, corporate and personal liability for perpetration.

УДК 343.2

Коррупция – одно из самых тяжких правонарушений в силу его социальной роли. Коррупция представляет собой угрозу национальной безопасности, поскольку: уничтожает значительные ресурсы, направленные на социально-экономическое развитие страны; создает условия для некачественного исполнения профессионального долга различных категорий граждан, способствующие производству бракованных изделий, оказанию несоответствующих

стандартам услуг; порождает психологический климат, унижающий человеческое достоинство и вселяющий недоверие в социальные и государственные институты; представляет собой нарушение законных прав и свобод гражданина, связанное с неисполнением тех или иных гарантированных ему обязательств или с совершением по отношению к нему противоправных действий; таит политические угрозы социальной дезинтеграции и экстремистских акций.

В России коррупция достигла невиданных масштабов. Ее не случайно называют ключевой особенностью отечественной истории. По данным различных рейтинговых агентств, сегодня в России коррупция фактически изменила существо государства, стала системообразующим фактором его функционирования (так, согласно данным Transparency International, Россия по показателю распространенности коррупции в государственном секторе занимает на конец 2014 года 136-е место из 174-х учитываемых в данном рейтинге стран)¹.

Коррупция есть использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав, а также связанных с этим официальным статусом авторитета, возможностей, связей в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам. Такое противоречие законодательству в качестве своего основного результата предполагает материальный или правовой ущерб, который наносится личности (общественной или коммерческой организации) или государству. Ущерб и использование должностного положения есть объективная сторона коррупционного правонарушения. Наличие личной выгоды и прямого умысла в ее получении есть субъективная сторона коррупционного правонарушения. Такова общая канва структуры большинства антикоррупционных статей Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)².

Антикоррупционные статьи УК РФ сосредоточены в основном в главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Это статьи: 285 – злоупотребление должностными полномочиями; 285 – превышение должностных полномочий; 290 – получение взятки; 291 – дача взятки; 292 – служебный подлог; 293 – халатность. К числу антикоррупционных статей следует отнести такие, которые предусматривают наказания за преступления против собственности: 159 – мошенничество; 160 – присвоение или растрата. Коррупционную составляющую, связанную с незаконным использованием должностными лицами своего служебного положения, имеют различные составы преступлений в сфере экономической деятельности, преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, преступления против правосудия, преступления против порядка управления и преступления против военной службы.

У ряда коррупционных действий отсутствует классическая субъективная сторона, включающая умысел и выгоду. Так, растрата или халатность связаны с неосторожным (легкомысленным) и небрежным поведением. Поэтому такой тип преступлений не является классическим вариантом коррупционных правонарушений. Объективная же сторона всех коррупционных правонарушений в целом одна и та же. Нетрудно заметить, что между субъективной и объективной сторонами имеется своеобразная асимметрия. А именно: преступление совершается ради личной выгоды, но приносит ущерб общественным группам или конкретным физическим лицам. Этот момент является ключевым в теоретическом споре о том, как квалифицировать ряд действий должностных лиц, приносящих ущерб государству или личности, сознательно совершаемых, но не направленных на личное обогащение.

Пленум Верховного суда РФ в своей комментарии к статьям 290 и 291 УК РФ, содержащим гипотезы о получении и предложении взяток, отмечает в пункте 23: «Если за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе имущество передается, имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются не лич-

¹ Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info>

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/>

но ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду, содеянное не может быть квалифицировано как получение взятки (например, принятие руководителем государственного или муниципального учреждения спонсорской помощи для обеспечения деятельности данного учреждения за совершение им действий по службе в пользу лиц, оказавших такую помощь). При наличии к тому оснований действия должностного лица могут быть квалифицированы как злоупотребление должностными полномочиями либо как превышение должностных полномочий. Если лицо, передавшее имущество, предоставившее имущественные права, оказавшее услуги имущественного характера за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе, осознавало, что указанные ценности не предназначены для незаконного обогащения должностного лица либо его родных или близких, содеянное им не образует состав преступления, предусмотренный статьей 291 либо статьей 291.1 УК РФ»³.

Однако содержание гипотез и диспозиций о превышении и злоупотреблении должностными полномочиями предусматривает существенный компонент, исключая указанные статьи для квалификации рассматриваемой ситуации. Согласно статье 285 УК РФ, субъективная сторона злоупотребления должностными полномочиями – «личная заинтересованность» преступника. В юридической науке существует мнение, в соответствии с которым, любое незаконное действие должностного лица в пользу юридического лица необходимо трактовать как действие, косвенно связанное с удовлетворением личного интереса того, кто его совершает. Так, А.В. Боярская пишет: «В связи с этим встает вопрос: что сейчас уголовное право может предложить субъектам, совершающим преступления в пользу юридических лиц? Как может быть учтен данный фактор и способен ли он повлиять на квалификацию деяния физического лица? Анализ действующего законодательства даёт следующий ответ на поставленный вопрос: данный фактор может быть учтён в рамках проблематики субъективной стороны состава преступления, в частности при установлении корыстной или иной личной заинтересованности субъекта, совершающего преступление»⁴. Однако личной заинтересованности у большинства должностных лиц, действующих незаконно в интересах собственной корпорации, может и не быть. Доказательство ее – чрезвычайно сложная и казуистическая задача. Конечно, если полагать, что любой человек, поскольку он работает в своей корпорации на ее благо, получает и личные дивиденды в случае корпоративного успеха, можно говорить о личной заинтересованности. Но на деле этот аргумент – только абстрактная схема, за которой нет фактического состава преступления.

Федеральный закон "О противодействии коррупции" содержит ключевую диспозицию, определяющую коррупцию как: «а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте "а" настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица»⁵. Это определение однако не получило никакого развития ни в УК РФ, ни в комментариях к нему, принятых Верховным судом РФ на своих пленумах. Нет серьезного анализа этой проблемы и в научной юридической ли-

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 июля 2013 г. N 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях". Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/07/17/verhovny-sud-dok.html>

⁴ Боярская А.В. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых в интересах юридических лиц // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014, № 1 (38). – С. 200 – 201.

⁵ Федеральный закон "О противодействии коррупции" от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12164203/>

тературе. Речь идет не о том, что преступление, например, взятка дается должностному лицу другим должностным лицом для достижения корпоративных целей. В таком случае состав преступления налицо. Речь идет о пресловутой спонсорской помощи и иных легализованных доходах организаций, особенно бюджетных и казенных, получаемых не из бюджета, а от других организаций и физических лиц.

Между тем случаев корпоративной коррупции сегодня бесчисленное множество. И поскольку они не образуют состава преступления, невозможно говорить о той или иной судебной практике, связанной с принятием решений о квалификации корпоративных противоправных действий как преступлений. Однако их противоправность выражается в объективной коррупционной составляющей тех или иных действий. Приведем в качестве примера ряд такого рода явлений: администрация медицинского или образовательного учреждения заставляет своих клиентов вносить спонсорскую помощь в виде денежных средств или материальных объектов за совершение действий, прямо предусмотренных целями и задачами деятельности того или иного учреждения; администрация образовательного учреждения обязывает своих учащихся оплачивать дополнительные занятия, направленные на компенсацию отсутствующих у них знаний; встречаются и случаи, не связанные с непосредственным получением материальной выгоды: например, администрация образовательного может заставить своих сотрудников выставить положительные оценки учащимся, которые не обладают достаточным для этого уровнем знаний, чтобы сохранить контингент и подушевое финансирование.

Совершенно очевидно, что подобного рода действия влекут материальный ущерб, приносимый дарителю спонсорской помощи, и незаконную выгоду ее получателю. Вместо того, чтобы осуществлять свою деятельность без каких-либо дополнительных «спонсорских» средств, организация фактически вымогает их и отказывается действовать вопреки собственному уставу или иному регламентирующему ее работу нормативному акту. Однако субъективная сторона этого преступления такова, что невозможно выявить какую бы то ни было корыстную составляющую у кого бы то ни было из тех лиц, которые получают эту спонсорскую помощь. Полученные средства оформляются в соответствии с законом. Лица, работающие в организации, используют эти средства для осуществления ее законной деятельности, вытекающей из ее целей и задач. Большинство из них даже не осознают преступности своего деяния, а могут и просто выполнять официально изданные распоряжения начальства. Более того, подчас организация поставлена из-за недофинансирования со стороны государства в такое положение, что без спонсорской помощи вообще не смогла бы реализовывать свои цели и задачи. И в этом случае коррупция провоцируется государством, именно таковым оказывается существо субъективной стороны этого правонарушения.

Между тем наличие ущерба, о котором уже говорилось выше, никуда не девается и нисколько не компенсируется за счет объяснений, связанных с трактовкой тех или иных аспектов субъективной стороны коррупционных действий. Очевидно, что УК РФ или хотя бы КоАП должен получить развитие в данном отношении, то есть в него должны быть внесены соответствующие поправки, статьи или их разделы, предусматривающие санкции, то есть ответственность со стороны юридических лиц и их руководства в форме штрафов или лишения свободы, увольнения или лишения права занимать определенные должности в течение того или иного срока, в зависимости от того, насколько велик размер причиненного ущерба и тяжести его последствия; а также в зависимости от того, насколько получение данной помощи было действительно необходимо для работы учреждения, насколько полученные средства были использованы на реализацию уставных целей и задач организации.

Самая большая социальная опасность корпоративной коррупции заключена в том, что соответствующие действия являются правонарушениями, ибо приносят материальный и правовой ущерб, но не являются преступлениями, ибо отечественное законодательство не располагает нормами, которые бы определяли состав преступления такого рода. В результате оказывается, что правонарушения не просто остаются безнаказанными, но поощряются, превращаются в систему, узаконенную традицией, ибо все, что не запрещено, как известно, раз-

решено. В сознание граждан включается представление о праве юридических лиц на выборы. Рождается уверенность в неспособности государства выполнять свои конституционные обязательства по обеспечению прав граждан на бесплатное медицинское обслуживание, образование, социально-правовую помощь и т.п. Государство перестает ощущать ответственность как за то, что ее гражданам и ему самому причиняется ущерб, так и за то, чтобы контролировать соответствие собственного бюджета реальным потребностям общества и его институтов. Между тем политическая ответственность государства, вплоть до отставки ключевых лиц правительства, могла бы быть определена законодательно, если бы те или иные проверяющие и надзирающие органы занимались бы не только контролем над эффективностью расходования бюджетных средств, но и над эффективностью их выделения в соответствии с конституционными и иными обязательствами государства перед своими гражданами. Возможно, следовало бы создать специальный надзорный орган или поручить соответствующие обязанности Счетной палате.

Как существует незаконное обогащение физических лиц, так существует и противоправное обогащение юридических лиц. Если принять этот тезис, то придется признать, что из всего вышеизложенного следует другой тезис, а именно: на данном этапе истории нашего государства спонсорская помощь юридическим лицам в любом ее виде должна быть признана в Российской Федерации незаконной или хотя бы должна быть существенно ограничена. В числе таких ограничений может быть предложено, например, следующее: требование анонимности перечисления средств физическим лицом; разрешение помощи, оказываемой исключительно юридическим лицом, а не физическим; регламентация целей и размеров передаваемых юридическому лицу средств, а также строгий отчет и контроль со стороны надзирающих органов за тем, кто и каким образом оказывал спонсорскую помощь. Только после того, как граждане почувствуют реальную незаинтересованность юридических лиц в вымогательстве средств и услуг со стороны своих клиентов, увидят, что государство обеспечивает им гарантированные конституцией права и свободы, можно будет говорить о смягчении или переформулировании подобного тезиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боярская, А. В. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых в интересах юридических лиц / А. В. Боярская // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014, № 1 (38). – С. 199-204.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 июля 2013 г. № 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях". Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/07/17/verhovny-sud-dok.html>
3. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info>
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/>
5. Федеральный закон "О противодействии коррупции" от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12164203/>

Яковлева Т. А.
T. A. Yakovleva

ПРОГНОЗНЫЙ БАЛАНС ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ НА ПРИМЕРЕ КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ

STAFFING PROBLEMS FACED IN THE AREAS OF PRIORITY DEVELOPMENT WITHIN THE KHBAROVSK TERRITORY

Яковлева Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, профессор кафедры «Экономическая теория» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kaf_et@knastu.ru.

Ms. Tatiana A. Yakovleva – PhD in Economics, Senior Lecturer, Head of the Department of Economic Theory, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia Komsomolsk-on-Amur). E-mail: kaf_et@knastu.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблеме сбалансированности спроса и предложения на рынке труда. Автором с использованием некоторых допущений рассчитан прогнозный баланс инженерно-технических кадров с высшим образованием на примере города Комсомольск-на-Амуре.

Summary. The paper deals with staffing problems arising in the Khabarovsk Territory in the geographical areas of advanced or high-priority social and economic development. I try to emphasize the role of Komsomolsk-on-Amur State Technical University in addressing the challenge of training engineers of different qualification and skill types and levels to meet the needs of residents in such priority development zones.

Ключевые слова: баланс рабочей силы, перспективная потребность в инженерно-технических кадрах, прогнозирование кадрового обеспечения социально-экономического развития.

Key words: territory of advanced socioeconomic development, prospective demand for engineering personnel, staffing support of socioeconomic development.

УДК 331.5.024.52

Современная система профессионального образования призвана удовлетворять потребности, с одной стороны, личности в получении желаемых знаний, умений и навыков, а с другой стороны, – экономики в квалифицированных кадрах, обладающих необходимыми компетенциями. Сложившаяся структура российской системы высшего профессионального образования не в полной мере соответствует потребностям рынка труда из-за наличия структурного и уровневого дисбаланса в подготовке кадров. Одна из причин такой ситуации – низкая эффективность взаимодействия системы профессионального образования и потенциальных работодателей. Проблема повышения эффективности сотрудничества является предметом пристального внимания уже не одно десятилетие не только со стороны названных субъектов, но и со стороны научного сообщества и органов управления различного уровня.

Решение вопроса эффективного кадрового обеспечения осложняется тем, что подготовка специалиста длится в среднем пять лет. Следовательно, сформировать заказ в количественном и профессионально-квалификационном разрезе субъектам реального сектора экономики необходимо минимум за пять лет до возникновения предполагаемой потребности. В условиях неопределенности, свойственной рыночной экономике вообще, а тем более в нынешней экономической ситуации, сделать это сложно, а с высокой степенью точности – практически невозможно.

Государственный статус данной проблемы был подтвержден в поручении Президента РФ в адрес Правительства РФ [1], которое в свою очередь поручило Минобрнауки России, Минздравсоцразвития России, Минэкономразвития России и Российскому союзу промышленников и предпринимателей подготовить количественные оценки прогнозных потребностей экономики в выпускниках системы профессионального образования с учетом реальных запросов рынка труда и перспектив развития экономики, а также предложения по формированию заданий по подготовке специалистов.

Одним из исполнителей объявленного проекта является Центр бюджетного мониторинга (ЦБМ) Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ), перед коллективом которого были поставлены и выполнены две основные задачи:

1) создание единой экспертно-аналитической системы прогнозирования оптимального выпуска учреждений профессионального образования и формирования контрольных цифр приема;

2) создание условий для прогнозирования оптимального выпуска учреждений профессионального образования и формирования контрольных цифр приема в Российской Федерации и в каждом из 83 субъектов РФ представителями федеральных и региональных органов управления образованием [2].

На базе разработанной методики прогнозирования авторским коллективом был сформирован научно обоснованный прогноз потребностей в специалистах на период до 2015 года (по объему и направлениям их подготовки) с учетом реальных запросов рынка труда и перспектив развития экономики на период до 2015 года. Разработанные значения прогнозной потребности экономики в кадрах, согласованные с Минэкономразвития России (письмо № 19300-АП/Д04 от 10 декабря 2007 года), Минздравсоцразвития России (письмо № 9379-ВС от 19 декабря 2007 года), Российским союзом промышленников и предпринимателей (письмо № 48/16-р от 25 декабря 2007 года) и органами исполнительной власти субъектов Федерации, были использованы Минобрнауки России при формировании контрольных цифр приема для всех уровней системы профессионального образования на 2008, 2009 и 2010 годы (решения Коллегии от 25 декабря 2007 года, от 24 декабря 2008 года, от 23 декабря 2009 года) [3].

Большой вклад в решение проблемы внесла также группа компаний IBS, которая по заказу Минобрнауки РФ выполнила проект «Апробация и ввод в эксплуатацию экспертно-аналитической системы прогнозирования потребностей в профессиональном кадровом обеспечении социально-экономического развития Российской Федерации в целях проведения экспертизы формирования контрольных цифр приема в учреждения профессионального образования Российской Федерации». Система прошла апробацию в процессе формирования контрольных цифр приема для 2012-2013 учебного года [4].

Многочисленные публикации о разработках этих коллективов в первую очередь послужили методологической базой для построения прогнозного баланса инженерно-технических кадров Комсомольска-на-Амуре. Кроме того, круг проблем и вопросов, касающихся возможного механизма достижения баланса на рынке труда региона, а именно Хабаровского края, неоднократно рассматривались в работах автора [5; 6].

В этом направлении продолжает исследование рабочая группа, созданная для выполнения НИОКР по теме «Разработка модели и технологии прогнозирования структуры и масштабов потребностей различных отраслей экономики региона в специалистах с разным уровнем профессионального образования» в рамках Стратегии ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (КНАГТУ).

Одним из методов, на котором базируется построение прогноза потребности в кадрах, является балансовый метод. Сущность последнего состоит во взаимной увязке потребности в рабочей силе со стороны хозяйствующего субъекта (организации, региона, национального хозяйства) и источников ее обеспечения (собственных – ресурсов самого субъекта, и внешних – ресурсов образовательных учреждений и вторичного рынка труда).

При составлении прогнозного баланса рабочей силы для города Комсомольска-на-Амуре были приняты некоторые допущения.

1. Комсомольск-на-Амуре рассматривается как относительно замкнутая система вследствие относительно незначительных размеров учебной и трудовой миграции, что позволяет выполнять прогнозные оценки на уровне города.

2. Учитывается перспективная потребность в кадрах с высшим профессиональным образованием различного уровня – бакалавриат, специалитет, магистратура.

3. Анализируется баланс перспективной потребности в кадрах и выпуска из университета только по инженерно-техническим направлениям подготовки и специальностям.

4. Предполагается, что удовлетворение перспективной потребности в инженерно-технических кадрах с высшим профессиональным образованием осуществляется за счет выпускников очной формы обучения.

Прогнозный баланс инженерно-технических кадров для города построен путем сопоставления перспективной потребности крупнейших предприятий Комсомольска-на-Амуре и прогноза выпуска ФГБОУ ВПО «КнАГТУ».

Данные о перспективной потребности предприятий города в инженерных кадрах предоставлены *отделом трудовых отношений и оплаты труда* Управления экономического развития Администрации г. Комсомольска-на-Амуре, в котором они аккумулируются согласно Постановлению Главы города Комсомольска-на-Амуре от 05.07.2012 №126 «Об обеспечении квалифицированными кадрами отраслей экономики муниципального образования городского округа «Город Комсомольск-на-Амуре» на 2012-2014 годы». Из 28 укрупненных групп специальностей (УГС) потребность в специалистах со стороны крупнейших предприятий города заявлена по 10 УГС (см. табл. 1).

Таблица 1

Потребность предприятий Комсомольска-на-Амуре, чел.

Наименование специальности по УГС	Код УГС	Потребность, чел.			
		2014	2015	2016	2017
1. Энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника	140000	14	18	14	14
2. Металлургия, машиностроение и материалов-обработка	150000	43	59	58	54
3. Авиационная, ракетно-космическая техника	160000	14	36	25	25
4. Морская техника	180000	10	10	10	10
5. Электронная техника, радиотехника, связь	210000	4	18	10	8
6. Автоматика и управление	220000	2	3	2	1
7. Информатика и вычислительная техника	230000	10	13	12	10
8. Химические и биотехнологии	240000	1	6	0	1
9. Строительство и архитектура	270000	22	20	10	10
10. Безопасность жизнедеятельности	280000	12	11	11	9
ВСЕГО:		132	194	152	142

Для составления прогнозного баланса инженерно-технических кадров необходимы данные о величине выпуска ФГБОУ ВПО «КнАГТУ» по указанным УГС на тот же период времени. Прогноз выпуска в 2014-2017 гг. составлен с учетом продолжительности обучения по образовательным программам различного уровня высшего профессионального образования. Так, выпуск бакалавров в году t обеспечивается набором в бакалавриат в году $t-4$, выпуск специалистов – набором в специалитет в году $t-5$, выпуск магистров – набором в магистратуру в году $t-2$. Соответственно, для расчета выпуска в 2014-2017 гг. необходимы дан-

ные о цифрах набора по интересующим УГС за период с 2009 по 2013 гг. Данные о наборе в ФГБОУ ВПО «КНАГТУ» представлены в табл. 2.

Таблица 2

Набор в ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», чел.

Год	Количество абитуриентов	Код УГС									
		140000	150000	160000	180000	210000	220000	230000	240000	270000	280000
2009	всего	53	102	40	76	30	31	39	30	17	10
	бакалавров	40	64	40	30	0	13	8	30	0	10
	специалистов	13	38	0	46	30	18	31	0	17	0
	магистров	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2010	всего	65	97	26	45	20	27	46	22	19	14
	бакалавров	52	71	26	22	0	11	10	22	0	14
	специалистов	13	26	0	23	20	16	36	0	19	0
	магистров	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2011	всего	40	92	26	21	0	17	42	30	14	13
	бакалавров	40	92	0	21	0	17	42	30	14	13
	специалистов	0	0	26	0	0	0	0	0	0	0
	магистров	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2012	всего	46	106	20	35	3	32	69	39	16	17
	бакалавров	38	86	0	29	0	27	49	39	11	17
	специалистов	0	0	20	0	0	0	0	0	0	0
	магистров	8	20	0	6	3	5	20	0	5	0
2013	всего	48	106	21	22	17	34	67	40	26	16
	бакалавров	40	84	0	22	12	29	51	40	16	16
	специалистов	0	0	21	0	0	0	0	0	0	0
	магистров	8	22	0	0	5	5	16	0	10	0

С учетом того, что средний уровень отсева студентов в процессе обучения в университете по инженерно-техническим направлениям и специальностям подготовки составляет примерно 25 %, составлен прогноз выпуска по интересующим УГС без разделения по уровням подготовки (см. табл. 3).

Таблица 3

Прогноз выпуска ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», чел.

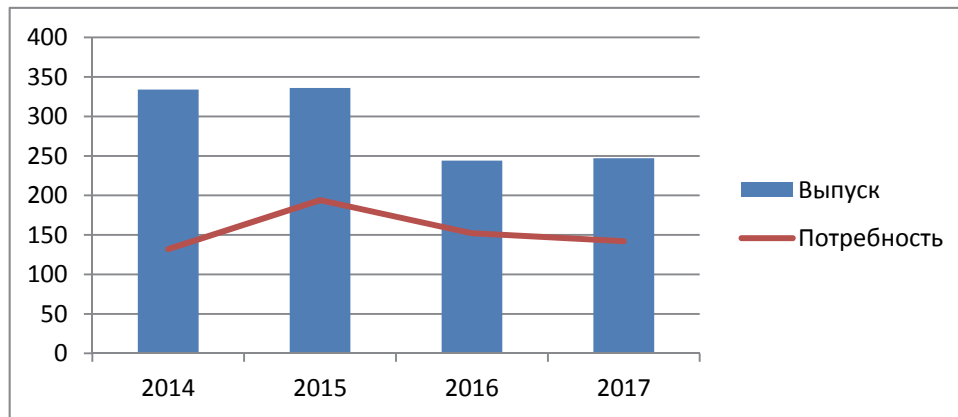
Год	Код УГС										Всего
	140000	150000	160000	180000	210000	220000	230000	240000	270000	280000	
2014	55	16	20	20	25	26	46	17	17	11	334
2015	46	16	0	0	19	29	71	23	33	10	336
2016	29	0	20	20	0	21	37	30	9	13	244
2017	30	0	15	15	9	22	39	30	12	12	247

Сравнение выпуска из «КНАГТУ» по дневной форме обучения и перспективной потребности крупнейших предприятий Комсомольска-на-Амуре в специалистах по укрупненным группам технических специальностей показывает, что среднегодовое превышение выпуска по сравнению с потребностью в соответствующем году составляет 1,8 раза (см. рис. 1).

Напомним, что при построении прогнозного баланса был принят ряд допущений, отсутствие которых на практике дает возможность некоторого маневра как для университета, так и для работодателей. Например, в выпуске по таким УГС, как морская техника, автоматика и управление, авиационная, ракетно-космическая техника удельный вес ФГБОУ ВПО «КНАГТУ» среди вузов Хабаровского края составляет соответственно 88, 77,4 и 73,6 %. Сле-

довательно, к спросу на специалистов по этим направлениям со стороны предприятий города добавится спрос со стороны «загородных» хозяйствующих субъектов.

Рис. 1. Динамика выпуска и динамика потребности, чел.

Важной мерой по снижению напряженности в вопросе кадрового обеспечения предприятий и организаций города является расчет реальной перспективной потребности в кадрах, в частности инженерных направлений и специальностей подготовки.

Обоснованный прогноз потребности в кадрах и планирование объемов подготовки на перспективу лежат в основе деятельности по совершенствованию структуры профессиональной подготовки, в том числе на уровне университета. Таким образом, университет не сможет улучшить свою деятельность без тесного взаимодействия с потенциальными работодателями, а они, в свою очередь, не смогут получить нужных по качеству и количеству специалистов.

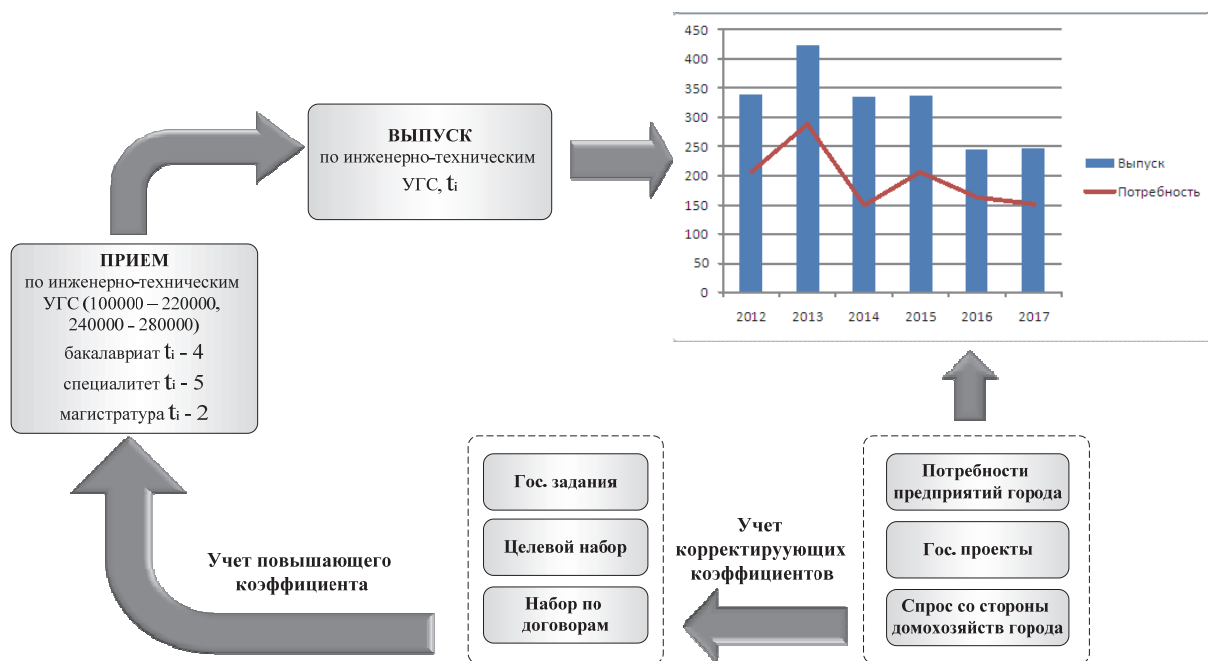

Рис. 2. Схема формирования контрольных цифр приема на основе потребностей экономики

Схема взаимодействия университета и предприятий Комсомольска-на-Амуре с целью формирования обоснованного набора по инженерно-техническим УГС на основе потребности экономики в соответствующих кадрах представлена на рис. 2. При построении данной схемы за основу была взята идея, предложенная коллективом вышеупомянутого Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета [7].

Субъектами формирования потребности в инженерно-технических кадрах с высшим образованием в Комсомольске-на-Амуре выступают крупные предприятия города, такие как ОАО «Амурский судостроительный завод», филиал ОАО «Компании «Сухой» «КНААЗ им Ю.А. Гагарина», ООО «РН – Комсомольский НПЗ»; государственные учреждения и организации; организации малого среднего бизнеса; исполнители проектов, реализуемых за пределами города; домашние хозяйства. При этом удовлетворение кадровой потребности первых двух групп субъектов может полностью либо частично финансироваться государством и составлять основу контрольных цифр приема в университет. Реализация запросов остальных субъектов осуществляется, как правило, за счет их собственных средств. Конечно, на практике возможно применение различных вариантов смешанного механизма финансирования профессиональной подготовки.

Корректирующие коэффициенты на схеме (см. рис. 2) предполагают учет ситуации на городском и региональном рынках труда, изменение миграционного и пенсионного законодательства, чрезвычайные обстоятельства и т.д. Эти коэффициенты могут иметь как понижающее, так и повышающее значение.

Для того чтобы численность выпуска соответствовала заявленной перспективной потребности, нужно учесть уровень отсева студентов в процессе обучения. С этой целью имеет смысл применять повышающий коэффициент.

Регламент взаимодействия образовательного учреждения и субъектов реального сектора экономики по вопросу достижения количественной сбалансированности спроса и предложения на специалистов инженерного направления подготовки (см. рис. 2) должен быть составлен с участием всех заинтересованных сторон и содержать их пошаговые действия, определенные во времени и пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поручение Президента Российской Федерации от 10 декабря 2005 г. № Пр-2065 (п. 1) в адрес Правительства РФ по разработке прогнозной потребности в специалистах (по объему и направлениям их подготовки) с учетом реальных запросов рынка труда и перспектив развития экономики с предложениями по формированию заданий по подготовке специалистов.
2. Серова, Л. М. Система согласования прогнозных показателей с использованием технологий удаленного доступа / Л. М. Серова, Е. А. Питухин, В. А. Гуртов // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Информационная среда вуза XXI века» (15–18 сентября 2008 г.). – Петрозаводск, 2008. – С. 130–132.
3. Режим свободного доступа: <http://www.labourmarket.ru/Pages/metodika/02.php>
4. Аналитическая система для прогноза потребностей в кадрах. Режим свободного доступа: <http://www.bytemag.ru/articles/detail.php?ID=22930>
5. Куделько, А. Р. Экономико-математическая модель оценки сбалансированности рынка труда региона / А. Р. Куделько, Т. А. Яковлева, М. Г. Некрасова // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Планирование подготовки специалистов в условиях уровневого высшего образования» – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. – С. 27-29.
6. Система кадрового обеспечения территории в современных экономических условиях: моногр. / А. Р. Куделько, В. П. Котляров, Т. А. Яковлева, М. Г. Некрасова. – Владивосток: Дальнаука, 2007. – 159 с.
7. Гуртов, В. А. Модели в кадрах с профессиональным образованием / В. А. Гуртов, Е. А. Питухин, Л. М. Серова // Проблемы прогнозирования. – 2010. – № 2. – С. 84-97.

Статья подготовлена по результатам НИОКР по теме «Разработка модели и технологии прогнозирования структуры и масштабов потребностей различных отраслей экономики региона в специалистах с разным уровнем профессионального образования», выполняемой в рамках Стратегии ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (КНАГТУ)

Макурин И. В.
I. V. Makurin

ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ ФОРМАТОВ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

THE EVOLUTION OF RETAIL FORMAT: KEY THEORETICAL MODELS

Макурин Игорь Валерьевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Маркетинг и коммерция» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: makurin.igor2011@yandex.ru.

Mr. Igor V. Makurin – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Marketing and Commerce, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: makurin.igor2011@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены основные теоретические модели, объясняющие современные тенденции в эволюции форматов розничной торговли. Отмечается целесообразность учёта регионального фактора развития розничной торговли. Обосновывается необходимость разработки фрактальной теории управления организационными взаимодействиями в системах торгового обслуживания розничных покупателей.

Summary. The paper describes the key theoretical models that explain the current trends in the evolution of retail formats. I point out to the desirability of taking into account regional factors of retail trade development. I endeavor to substantiate the necessity of developing a fractal theory of managing organizational interactions in retail trade systems.

Ключевые слова: розничная торговля, инновации, конкуренция, эволюция, качество обслуживания, издержки, потребительский рынок.

Key words: retail, innovation, competition, evolution, quality of service, costs, consumer market.

УДК 339.1

В настоящее время в условиях международных санкций ключевое значение приобретает совершенствование системы управления потребительским рынком, в том числе за счёт постоянного совершенствования различных процессов, организуемых в розничном звене системы товародвижения.

В классической работе М. Портера были определены четыре основополагающих фактора конкурентоспособности:

- 1) лидерство по издержкам;
- 2) лидерство в качестве;
- 3) дифференция;
- 4) фокусирование.

Розничная торговля играет важнейшую роль в обеспечении населения всей номенклатурой товаров, выступая в качестве главного их проводника из сферы производства в сферу потребления. Вместе с тем, как показывает мировой и российский опыт, нередко в сфере торгового обслуживания розничных покупателей возникают различные дисбалансы, приводящие к перебоям в поставках товаров, росту цен на них и другим социально значимым проблемам. В связи с этим закономерным является интерес со стороны различных исследователей к изучению причин и возможных тенденций эволюции форматов розничной торговли.

Первая теория эволюции торговых форматов была разработана М. МакНеером ещё в 1957 году [8]. В соответствии с этой теорией предприятия-инноваторы, предлагая свои услуги с использованием нового формата розничной торговли, устанавливают низкие цены и

поддерживают относительно невысокий уровень качества обслуживания. Такое предложение привлекает внимание со стороны как большой группы потребителей, так и конкурентов. Последние, стремясь увеличить прибыльность своего бизнеса, начинают копировать организацию обслуживания в соответствии с требованиями инновационного формата. Увеличение числа розничных торговцев, работающих с использованием похожих форматов, в свою очередь, требует поиска путей получения относительных конкурентных преимуществ, например, за счёт расширения ассортимента или повышения качества торгового обслуживания. Сокращение прибыльности вследствие роста конкуренции и повышения качества обслуживания подталкивает к необходимости изыскания внутренних резервов для снижения издержек. По мнению М. МакНеера, требуемое сокращение издержек может быть обеспечено за счёт развития организационных взаимодействий, когда розничные предприятия переходят к реализации стратегии слияния и поглощений или заключают долгосрочные соглашения об организации совместных закупок.

Теория «колеса» розничной торговли в достаточно ясной форме объясняет причины наличия лидеров и аутсайдеров на рынке услуг розничной торговли. Вместе с тем у теории М. МакНеера имеются серьёзные недостатки, к числу которых, на наш взгляд, можно отнести следующие:

– рассматриваемый потребительский рынок не должен иметь барьеров для входа, все розничные предприятия должны иметь возможность для копирования инновационных форматов;

– анализируемый потребительский рынок должен иметь необходимую ёмкость, позволяющую рассчитывать на получение эффекта масштаба.

Как следствие, эволюция розничных организаций далеко не во всех случаях происходит в соответствии с теорией М. МакНеера. В частности, в истории развития розничной торговли хорошо известны случаи, когда предприятия-инноваторы начинали свою деятельность, не имея ценовых преимуществ. Например, продажа товаров через автоматы даже на первоначальном этапе своего развития не предусматривала предложения более низких цен, чем у конкурентов.

Исследование тенденций изменения розничной торговли США позволило С. Холландеру предложить модифицированный вариант теории «колеса» розничной торговли [5]. Согласно теории С. Холландера развитие розничной торговли носит циклический характер, когда периоды универсализма и специализации поочередно сменяют друг друга. Основным преимуществом новой теоретической модели явилось то обстоятельство, что она смогла объяснить наличие в экономике торговых организаций различного товарного профиля и формата. Однако при этом остался открытым вопрос об определении моментов перехода от одной тенденции в развитии розничной торговли к другой.

Достаточно успешная попытка разработки модели, позволяющей прогнозировать смену тенденций, была предпринята в рамках теории жизненного цикла розничной торговли. По мнению авторов этой теории, каждый формат розничной торговли в своём развитии проходит через четыре уже ставшие традиционными стадии:

- 1) зарождения,
- 2) роста,
- 3) зрелости,
- 4) упадка.

Один из главных идеологов этой теории В. Дэвидсон связывал подобную смену стадий цикла розничной торговли с изменением уровня прибыльности применяемых способов организации торгового обслуживания [2]. В качестве внешнего выражения происходящих изменений В. Дэвидсон рассматривал динамику рыночных долей торговцев. Первоосновой же всех изменений, по его мнению, выступает изменение потребности ключевых групп покупателей.

Особенностью организации розничной торговли принято считать отсутствие существенных барьеров, препятствующих копированию бизнес-моделей, применяемых лидерами отрасли. Это обстоятельство позволило Т. Маронику и Б. Уолкеру использовать теорию «диалектического процесса» для описания схемы взаимодействия на конкурентном рынке услуг розничной торговли [9]. С точки зрения авторов этой теории, предприятия розничной торговли приспособляются к условиям рыночной конкуренции, применяя так называемую тактику «от противного». В результате её применения предприятие-инноватор предлагает принципиально новую услугу, обеспечивающую в то же время возможности для имитации ключевых характеристик услуги лидера. После изменения рыночной ситуации конкуренты также вынуждены вносить изменения в характеристики своих услуг. Следствием такого двустороннего взаимодействия становится появление нового формата организации торгового обслуживания розничных покупателей.

Сегодня развитие розничной торговли всё более носит интернациональный характер. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о допустимости применения классических теорий развития организационных взаимодействий для прогнозирования отдельных национальных рынков. В частности, Р. Сэвитт в своей работе [10] отмечал, что теория «колеса» розничной торговли должна использоваться только с учётом культурных, экономических и институциональных различий, присущих каждой стране. Как справедливо указывает С. Браун, этот перечень должен быть дополнен такими факторами, как различия в технологических, социальных и демографических условиях функционирования розничной торговли [1]. Именно комплексное воздействие всех перечисленных факторов определяет направление развития системы организационных взаимодействий между предприятиями розничной торговли. Подтверждением наличия такого воздействия служат данные о распределении доли форматов на рынках разных стран мира (см. рис. 1).

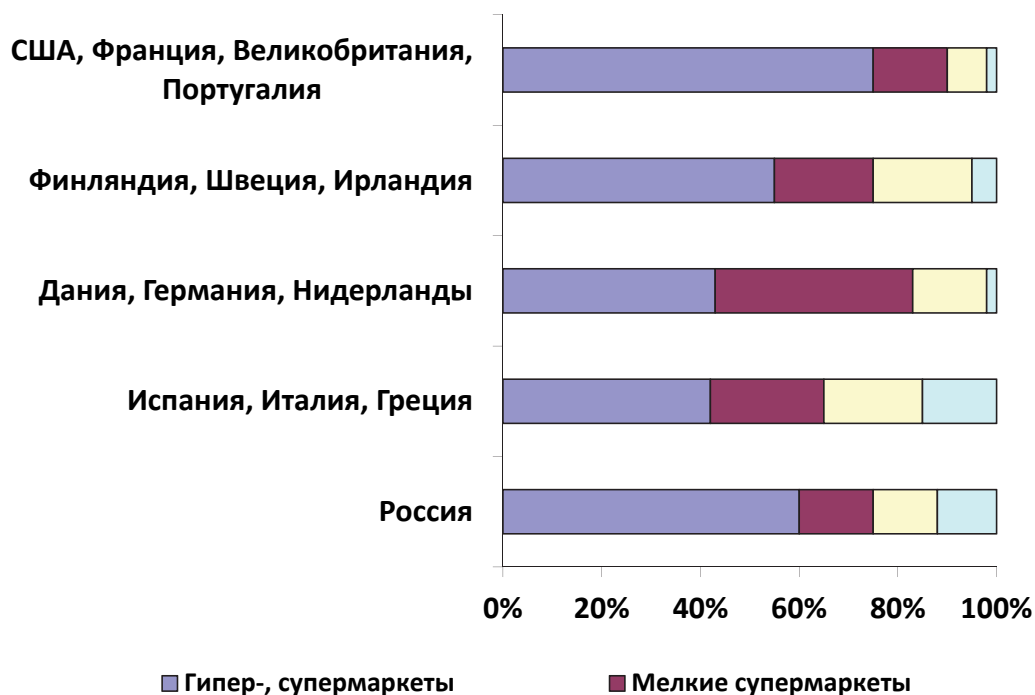

Рис. 1. Доля форматов розничной торговли на рынках разных стран

Несмотря на имеющиеся межстрановые различия в структуре розничной торговли, можно отметить, что во всех экономически развитых странах отмечается одна общая тенденция, связанная с ростом интенсивности взаимодействий между субъектами потребительского рынка. Причём наиболее интенсивные взаимодействия складываются между розничными предприятиями, предлагающими свои услуги с использованием одного формата. Данное об-

стоятельство побудило Д. Израэли к разработке теории «трёх осей розничной торговли» [6]. Согласно этой теории развитие системы взаимодействий между розничными предприятиями можно представить в виде трёх так называемых «осей», описывающих типичную последовательность изменения состояний торговых предприятий. При этом Д. Израэли различает:

- 1) «ось» эволюции предприятий, предлагающих инновации по снижению собственных издержек обращения и поддерживающих тенденцию увеличения уровня потребительских цен;
- 2) «ось» эволюции предприятий, предлагающих инновации по повышению качества торговых услуг и поддерживающих тенденцию уменьшения уровня потребительских цен;
- 3) «ось» эволюции уже существующих предприятий, которые в зависимости от результатов взаимодействия предприятий первых двух «осей» либо поддерживают тенденцию увеличения уровня потребительских цен, либо их уменьшения.

Постепенное сглаживание различий в уровнях издержек обращения, качества предоставляемых торговых услуг, а также потребительских цен, по мнению сторонников теории «трёх осей розничной торговли» приводят экономические системы к равновесному состоянию.

Вместе с тем принято считать, что неравновесные состояния экономических систем являются основными побудительными факторами их развития. В связи с этим закономерным видится повышенный интерес многих исследователей [4; 11] к определению роли эволюции организационных взаимодействий в процессах перехода экономических систем от одного равновесного состояния к другому. Особенно этот интерес возрос в современных условиях, когда развитие большего количества процессов в экономике носит нелинейный характер.

Причину нелинейности развития розничной торговли чаще всего связывают с активным использованием современных информационных технологий, распространением услуг электронной коммерции. Вследствие произошедших изменений в настоящее время можно говорить о том, что система организационных взаимодействий между субъектами потребительского рынка приобретает совершенно новые черты. К их числу можно отнести:

- активное проникновение сетевых структур;
- рост оперативности в выполнении большинства логистических операций;
- альтернативность выбора партнёра, обеспечивающего поставки требуемых товарных ресурсов;
- наличие возможностей для реального уменьшения транзакционных издержек.

В целом современную сферу торгового обслуживания розничных потребителей, безусловно, нельзя рассматривать в виде «монолита». Вследствие неоднородности сформировавшегося социального пространства розничная торговля приобрела разноуровневый характер. На это указывает, в частности, многоформатность современной торговли, наличие в отрасли предприятий-инноваторов и традиционных торговых организаций.

Р. Диккинсон в своей работе [3] показал, что действующие торговые организации оказывают различное влияние на распространение инноваций.

По мнению Р. Диккинсона, наличие на рынке крупных организаций чаще всего существенно препятствует возникновению и распространению инноваций. Основными причинами такого положения дел являются следующие:

- агрессивный характер конкурентной борьбы именно между крупными торговыми организациями, которые постоянно следят друг за другом и таким образом препятствуют появлению нововведений;
- использование в крупных торговых организациях показателя приемлемой нормы рентабельности капитала в качестве критерия экономической эффективности управленческих решений, что требует их ориентации на долгосрочную перспективу;
- многофакторность эффективности операционной деятельности, присущая организациям розничной торговли, вследствие чего применение одних и тех же инноваций на различных торговых объектах совершенно не гарантирует роста их эффективности.

Напротив, как справедливо полагает Р. Диккинсон, торговые предприятия малого и среднего бизнеса имеют определённые преимущества в использовании инноваций.

Во-первых, малые и средние предприятия являются объектами менее пристального внимания со стороны крупных предприятий, а поэтому они имеют больше шансов для сохранения уникальности своих инноваций.

Во-вторых, целевой установкой малых и средних предприятий является достижение операционной эффективности, инструментом обеспечения которой нередко выступают различные инновации. Таким образом, именно малые и средние предприятия выступают своеобразными генераторами разработки и последующего активного использования инноваций.

В целом нельзя не согласиться с тезисом о том, что именно малые и средние предприятия играют на потребительских рынках активную роль в распространении инноваций. Вместе с тем, как показывает практика последних лет, инициаторами использования самых масштабных инноваций зачастую выступают как раз крупные организации. В качестве примера можно привести такие известные компании, как «Wal-Mart Stores», «Carrefour SA» и др. Инновационная деятельность этих и многих других крупнейших сетевых компаний стала причиной ослабления значения оптового звена в организации распределительных систем.

В экономической науке всегда традиционно много внимания уделялось исследованию не только источников возникновения инноваций, но и условий их распространения. Так, по мнению представителей теории стадий в развитии розничной торговли В. Ригана и А. Голдмана, смена торговых форматов происходит эволюционным путём. Новые форматы появляются посредством постепенного накопления изменений в уже имеющихся форматах. Как следствие, на потребительском рынке в определённый момент времени могут работать предприятия, применяющие очень похожие способы организации торгового обслуживания розничных потребителей.

Исследуя структуру потребительского рынка, характерную для стран с различным уровнем экономического развития, Э. Кайнак отметил интересное явление, заключающееся в том, что зачастую между различными форматами розничной торговли отсутствует жёсткое противостояние [7]. Более того, нередко предприятия розничной торговли различных форматов выстраивают целую систему взаимодействий, организуя, например, закупочные кооперативы. Это обеспечивает экономию на транзакционных издержках и возможность получения от поставщиков более выгодных условий. С точки зрения Э. Кайнака, формирование структуры институтов, распространённых в розничной торговле, находится под сильным влиянием факторов внешней среды. Обращая внимание на существующие отличия в тенденциях развития систем розничной торговли разных стран, он предложил модифицировать теорию «колеса розничной торговли» за счёт выделения главной движущей силы эволюции торговли. В качестве такой силы Э. Кайнак предложил рассматривать уровень развития общества, поскольку именно социальные процессы, по его мнению, определяют тенденции в формировании политических, экономических, рыночных и других факторов внешней среды. В целом с подобной точкой зрения следует согласиться. Однако необходимо учесть, что уровень развития общества во многом зависит от достигнутого уровня ресурсной доступности. Так, в тех случаях, когда количество необходимых ресурсов ограничено, образуются монопольные структуры, которые как раз определяют характер и содержание формируемых общественных институтов.

Для проверки гипотезы о том, что имеющиеся ресурсные ограничения оказывают решающее влияние на состояние розничной торговли, нами был проведён структурный анализ организации торговли в российских регионах (см. табл. 1).

Анализ, проведённый с применением правила сложения дисперсий, показал, что уровень распространения современных форм организации торговли, представленных преимущественно в сетевой рознице, на 94 % зависит от ёмкости регионального рынка. Главной причиной наличия данной зависимости, на наш взгляд, является специфика формирования реги-

ональных условий развития отдельных элементов, образующих единые цепи поставок товаров в розничное звено системы товародвижения.

Таблица 1

Номер группы регионов	Количество субъектов РФ	Средний годовой розничный товарооборот, млрд р.	Средняя доля оборота розничной торговли по торговым сетям, %
1	73	117327,4	12,9
2	8	542233,6	16,9
3	1	1016780	26,5
4	1	2882417	14,2

Учитывая важность ресурсной составляющей для обеспечения развития региональной розничной торговли, предлагаем для описания процессов эволюции её форматов использовать фрактальную теорию.

Особенность предлагаемой теории заключается в том, чтобы рассматривать региональную систему торгового обслуживания розничных покупателей в виде некоторого множества частных систем, имеющих в качестве целей полное удовлетворение потребностей отдельных групп покупателей. Именно в этом проявляется необходимая степень подобия частных систем региональной системе торгового обслуживания.

Что касается природы эволюции форматов розничной торговли, то, согласно фрактальной теории, в её основе лежит эволюция ключевых элементов цепей поставок. Причём в качестве главной задачи региональных органов власти рассматривается создание условий, способствующих прогрессивным изменениям в логистической инфраструктуре и тем самым стимулирующих в розничной торговле необходимые эволюционные процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brown, S. Retail location theory: evolution and evaluation / S. Brown // The International Review of Retail Distribution and Consumer Research. – 1993. – Vol. 3. – No 2. – P. 185-230.
2. Davidson, W. R. The retail life cycle / W. R. Davidson, A. D. Bates, S. J. Bass // Harvard Business Review. – 1976. – November-December. – P. 89-95.
3. Dickinson, R. A. Innovations in Retailing / R. A. Dickinson // Retail Control. – 1983. – June-July. – P. 30-54.
4. Dou, W. A dynamic nonlinear model of online retail competition using Cusp Catastrophe Theory / W. Dou, S. Ghose // Journal of Business Research. – 2006. – Vol. 59. – P. 838-848.
5. Hollander, S.C. The Wheel of Retailing / S.C. Hollander // Journal of Marketing. – 1960. – Vol. 7. – P. 37-42.
6. Izraeli, D. The three Wheels of Retailing: A theoretical Note // European Journal of Marketing. – 1974. – Vol. 7 (1). – P. 70-74.
7. Kaynak, E. A refined Approach to the Wheel of Retailing / E. Kaynak // European Journal of Marketing. – 2007. – Vol. 13. – P. 237-245.
8. McNair, M. P. Progress in Distribution: An Appraisal after 30 Years / M. P. McNair // Boston Conference on Distribution. – 1958. – P. 22-27.
9. Maronick, T. J. The dialectic evolution of retailing / T. J. Maronick, B. J. Walker // Proceedings: Southern Marketing Association. – 1974. – P. 147-151.
10. Savitt, R. A Historical Approach to Comparative Retailing / R. Savitt // Management Decision. – 2007. – Vol. 20. – P. 16-23.
11. Whitby, S. Non-linear dynamics and duopolistic competition: a R&D model and simulation / S. Whitby, D. Parker, A. Tobias // Journal of Business Research. – 2001. – Vol. 51. – P. 179-191.

Бондаренко О. В., Олиферова О. С.
O. V. Bondarenko, O. S. Oliferova

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРУКТУРНОГО ДИСБАЛАНСА НА РЫНКЕ ТРУДА

STAFFING POLICY AT INDUSTRIAL ENTERPRISES AS A TOOL FOR REGULATING THE LABOR MARKET'S STRUCTURAL IMBALANCES

Бондаренко Оксана Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Экономическая теория» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: ok.bondarenko2012@yandex.ru.

Ms. Oksana V. Bondarenko – Ph.D., Associate Professor, Department of Economic Theory, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013. E-mail: ok.bondarenko2012@yandex.ru.

Олиферова Ольга Сергеевна – старший преподаватель кафедры «Экономическая теория» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: bucja@mail.ru.

Ms. Olga S. Oliferova – Senior Lecturer, Department of Economic Theory, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013. E-mail: bucja@mail.ru.

Аннотация. Структурный дисбаланс на рынке труда существенно затрудняет деятельность предприятий реального сектора. В статье концептуально описывается механизм взаимодействия бизнеса, образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования и органов государственной власти в рамках кадровой составляющей промышленной политики, способствующий повышению сбалансированности рынка труда.

Summary. Structural imbalances in the labor market make life difficult for real sector enterprises. The paper describes the conceptual mechanism of interaction between business and educational institutions of primary and secondary vocational education and public authorities as part of the 'personnel' component of industrial policy that improves the labor market balance.

Ключевые слова: промышленная политика, кадровая политика, структурный дисбаланс на рынке труда, концепция промышленной политики, прогноз потребностей в специалистах.

Key words: industrial policy, staffing policy, structural imbalances in the labor market, the concept of industrial policy, forecasting demand for highly qualified personnel.

УДК 331.108.26:331.5

Устойчивое функционирование и развитие территориальных промышленных комплексов, территорий опережающего социально-экономического развития возможны только при условии наличия достаточного количества ресурсов соответствующего качества. Процесс деиндустриализации, продолжающийся оставаться основной тенденцией развития рос-

сийской промышленности, имеет множество проявлений. В формате данной работы наиболее значимой является тенденция сокращения численности занятых работников с разным уровнем образования. Наряду с этим около трети промышленных предприятий (в 2008-2009 гг. – почти половина), согласно опросам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН), испытывают нехватку рабочей силы и в качестве наиболее дефицитных работников выделяют группу квалифицированных рабочих (85 и более процентов респондентов) [3].

Особенностью современного рынка труда является наличие разных диспропорций, в том числе между спросом на рабочую силу и её предложением. Эта тенденция характерна для страны в целом и для Хабаровского края в частности. Региональный рынок труда характеризуется как трудодефицитный, что находит выражение в превышении числа заявленных работодателями вакансий над количеством безработных граждан. Так, на март 2015 г. на 17 350 заявленных вакантных рабочих мест в Комитете по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края приходилось всего 10 077 безработных граждан [5]. Такая ситуация имеет место в крае уже на протяжении последних нескольких лет. При этом сокращения числа безработных не наблюдается.

Работодатели не имеют возможности закрыть вакантные рабочие места необходимыми специалистами, а безработные граждане не могут найти желаемую работу по причине несоответствия структуры спроса на труд структуре предложения труда. Из всех заявленных работодателями края вакансий на указанный выше период более 76 % составляли потребности в рабочих, имеющих рабочие профессии. Анализ состава безработных в регионе свидетельствует о том, что удельный вес безработных, имеющих уровень среднего профессионального образования, в общей численности безработных составляет немногим более 30 %.

Дисбаланс спроса и предложения рабочей силы отчасти объясняется несоответствием профессиональных предпочтений молодёжи реальным кадровым потребностям экономики. Доминанта высшего образования в профессиональном выборе выпускников школ в определённой степени усугубляет проблему несбалансированности рынка труда, осложняет дальнейшее трудоустройство выпускников профессиональных учебных заведений. Притязания молодых специалистов с высшим образованием относительно величины заработной платы, условий труда, карьерного роста зачастую не соответствуют тому, что готов предложить работодатель на вакантных рабочих местах, требующих более низкого уровня квалификации. Среди причин так называемого «вузоцентризма» можно указать недостаточную информированность абитуриентов о действительно востребованных профессиях на рынке труда; сложность достоверного прогнозирования кадровых потребностей предприятий на длительную перспективу; неоправданную убеждённость молодых людей и их родителей в том, что высший уровень образования (часто не важно по какой специальности или направлению подготовки) является гарантией успешного трудоустройства и достойной зарплаты в будущем. Как следствие указанных причин возникают проблемы трудоустройства выпускников вузов на фоне продолжающегося выпуска специалистов с невостребованными знаниями и умениями, растёт неудовлетворённость работодателей уровнем образования и квалификации соискателей. Таким образом, в результате несоответствия профессионального выбора и трудовых предпочтений молодёжи реальным потребностям экономики не происходит воспроизводства рабочих кадров требуемого профиля и квалификации.

Несмотря на высокую востребованность квалифицированных рабочих на рынке труда учреждения начального (НПО) и среднего профессионального образования (СПО) не являются привлекательными для школьников. Эти ступени образования по сравнению с высшим наименее востребованы молодыми людьми. На протяжении последних лет происходит плавное сокращение как числа учебных заведений НПО, так и численности учащихся в них. Так, с 2009 по 2013 гг. число образовательных организаций НПО сократилось в Хабаровском крае на 44 %, соответственно этому уменьшилось и количество обучающихся в них человек. Несмотря на то, что число образовательных организаций СПО по краю практически не изме-

нилось за указанный период, число студентов, обучающихся в данных заведениях, сократилось на 3100 человек [4]. Снижение численности обучающихся в профессиональных учебных заведениях начального и среднего уровня подготовки на фоне роста потребностей работодателей в работниках именно такого уровня профессиональной подготовки не может не влиять на рост диспропорции спроса и предложения рабочей силы на рынке труда.

Отметим, что параметры деятельности систем НПО и СПО территории во многом определяются направлениями и перспективами развития промышленных предприятий региона. Также в силу более короткого цикла обучения и большей практической направленности данные системы образования могут более оперативно реагировать на изменения в кадровых потребностях реального сектора экономики.

Взаимосвязанность и взаимообусловленность промышленного развития и рассматриваемых систем подготовки кадров позволяют предположить наличие инструмента, создающего возможность согласовывать интересы предприятий и образовательных учреждений и достигать определённых целей: первым – обеспечивать производство необходимым количеством специалистов соответствующего качества, вторым – осуществлять подготовку востребованных на региональном рынке труда специалистов.

Таким инструментом, на наш взгляд, является региональная промышленная (структурная) политика, направляющая, координирующая и создающая необходимую среду для устойчивого промышленного развития. В контексте заявленной темы из разнообразных составляющих промышленной политики нас интересует кадровая политика, которая определяется как один из факторов конкурентоспособности промышленных предприятий.

Целью кадровой политики становится удовлетворение потребностей реального сектора экономики в кадрах в количестве и профессионально-квалификационном составе, обеспечивающем устойчивое промышленное развитие [2, 192]. Однако нормативно-правовые акты, регулирующие промышленное развитие на уровне регионов, в разделе «Кадровая политика» делают акцент на подготовку, переподготовку и формирование резерва управленческих кадров, а также на переподготовку специалистов предприятий [см. прим. 1]. Практически не уделяется внимание процессу взаимодействия бизнес-сообщества с образовательными учреждениями. На наш взгляд, именно данный процесс обладает большим потенциалом в решении ряда проблем: структурного дисбаланса на рынке труда, кадрового голода, несоответствия компетенций выпускников требованиям предприятий и т.п.

При рассмотрении кадровой составляющей промышленной политики необходимо чётко определить функционал всех участвующих в данном взаимодействии сторон: органов государственной власти, промышленных предприятий, образовательных учреждений.

Органы государственной власти региона, являющиеся субъектами промышленной политики, берут на себя следующие обязательства:

- разработка с привлечением широкого круга специалистов, бизнес-сообщества концепции промышленной политики, содержащей чётко определённые долгосрочные приоритеты промышленного развития, формирующие перспективный облик промышленного комплекса;
- уточнение и дополнение на основе концепции промышленной политики (с учётом определённых приоритетов) прогнозной потребности в специалистах разных уровней подготовки;
- организация обмена информацией, согласование стратегического видения перспектив развития с бизнес-сообществом;
- роль координатора/посредника в процессе взаимодействия предприятий и образовательных учреждений.

Промышленные предприятия, в свою очередь, принимают участие в разработке и уточнении концепции промышленной политики, доводят до органов власти информацию об «узких местах» (в том числе – кадровый аспект), затрудняющих их деятельность. Данное

участие должно носить добровольный характер, так как бизнес в меньшей степени, нежели государственные структуры, напрямую отвечающие за социально-экономическое развитие соответствующих территорий, ориентирован на перспективное видение направлений развития региона как в силу преобладания установок на достижение текущих целей, так и по причине отсутствия навыков стратегического планирования (за исключением крупных корпоративных структур).

Представляется целесообразным для бизнес-сообщества осуществлять более активное взаимодействие с образовательными учреждениями. Крупные корпорации пришли к осознанию необходимости и эффективности данного взаимодействия: например, в программах инновационного развития российских корпораций (ОАО «НК «Роснефть», ОАО «РАО ЭС Востока», ОАО «Объединённая судостроительная корпорация», ОАО «Объединённая авиастроительная корпорация») отдельным блоком выделяются вопросы подготовки и переподготовки специалистов, механизмы взаимодействия с образовательными учреждениями (в первую очередь, с вузами). Мы полагаем, что представление части бизнес-сообщества об *обязанности* системы образования предоставить им готового специалиста, является непродуктивным в силу ряда причин:

1) нарастающий дефицит квалифицированных рабочих заставляет предприятия разрабатывать кадровую политику, ориентированную на опережение: кадры, как мы уже упоминали выше, являются одним из источников конкурентоспособности фирмы. Крупные корпорации с помощью высокой заработной платы и социальных пакетов «выбирают» с рынка труда наиболее квалифицированных специалистов, и если предприятиям не начать самостоятельно заботиться об обеспечении собственного производства работниками, кадровый голод поставит под вопрос дальнейшую деятельность фирмы;

2) образовательные учреждения не обладают полной информацией о специфике производственного процесса каждого предприятия – потенциального потребителя их выпускников, не могут в режиме реального времени отслеживать происходящие технологические изменения, поэтому отказ ряда предприятий идти на контакт с образовательными учреждениями выглядит как минимум странно, а жалобы на несоответствие сформированных компетенций выпускников нуждам реального производства – не в полной мере обоснованно;

3) взаимодействие бизнеса с системой образования не обязательно должно базироваться исключительно на финансировании предприятиями процесса профессиональной подготовки. Оно может выстраиваться в условиях активного участия предприятий в образовательном процессе: участие в корректировке учебных планов, организация производственных практик, стажировок и т.п. Текущая ситуация такова, что нужного производству специалиста придется «растить», а это всегда сопряжено с затратами времени и денежных средств, однако на выходе фирма получает работника с соответствующей производственному процессу квалификацией при нулевых или минимальных издержках на его адаптацию.

Рассматривая роль учреждений НПО и СПО в процессе подготовки квалифицированных кадров в контексте взаимодействия работодателей и профессиональных учебных заведений, следует отметить, что, во-первых, образовательные учреждения рассматриваются не только как самостоятельный субъект образовательной политики, но и как инфраструктурный компонент промышленной политики региона [1, 206-211].

Во-вторых, подготовка специалистов учреждениями НПО и СПО должна осуществляться с учётом:

– текущих потребностей предприятий (на первое место выходит взаимодействие с бизнесом);

– перспектив социально-экономического развития территории: образовательные учреждения при этом попадают в зависимость от качества и объективности прогнозов потребностей в кадрах, разрабатываемых органами государственной власти. Поэтому в каче-

стве основного соучастника в подготовки специалистов на будущее необходимо рассматривать уже государство.

В-третьих, образовательные учреждения также должны быть нацелены на активное взаимодействие с бизнес-сообществом: обеспечивать гибкость и вариативность образовательных программ, изучать специфику реальных производственных процессов, искать новые формы взаимодействия (например, создавать образовательные стратегические альянсы и т.п.).

Представляет интерес в контексте рассматриваемой проблемы опыт взаимодействия профессионального образовательного учреждения «Комсомольский-на-Амуре авиастроительный лицей» с Комсомольским-на-Амуре авиационным заводом им. Ю.А. Гагарина. Основанная на принципах социального партнёрства, плодотворная совместная деятельность указанных субъектов осуществляется по широкому спектру направлений: совместное определение направлений подготовки квалифицированных рабочих кадров, активное участие представителей завода в разработке основных образовательных программ, участие обеих сторон в разработке квалификационных характеристик работников авиационной и космической промышленности. Высококвалифицированные и опытные работники предприятия входят в состав экзаменационной комиссии при аттестации выпускников лицея. Вместе с тем педагоги образовательного учреждения имеют возможность проходить стажировки на базе цехов завода, оснащённых высокотехнологичным оборудованием. Всё это в максимальной степени позволяет приблизить продукт образовательной деятельности к реальным потребностям современного производства.

В целях своевременного и качественного кадрового обеспечения процесса производства предприятие заблаговременно «формирует заказ» профессиональному учебному заведению на подготовку необходимого количества специалистов. При этом учащимся лицея предоставляется возможность заключения с заводом договора о взаимных обязательствах: молодые люди получают возможность приобретения дополнительной профессии во время обучения и стипендиального обеспечения, а предприятие гарантированно получает квалифицированного работника на период не менее двух лет. Это направление сотрудничества позволяет решить актуальную для многих выпускников профессиональных учебных заведений проблему трудоустройства.

Логичным продолжением эффективного взаимодействия предприятия и образовательного учреждения является создание учебно-производственного кластера «Авиастрое-ние», в состав которого входят также Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Комсомольский-на-Амуре авиационно-технический техникум и др. Объединение разноуровневых образовательных учреждений региона в учебно-производственный кластер и реализация на этой основе сетевого взаимодействия с предприятиями соответствующей отрасли позволяют повысить эффективность подготовки востребованных экономикой региона квалифицированных рабочих и специалистов. Все участники такого объединения извлекают из данного сотрудничества определённую пользу: возможность использования высокотехнологичного оборудования в образовательном процессе, преемственность всех ступеней образования на основе реализации сквозных образовательных программ, расширение возможностей и улучшение результативности профориентационной работы, сокращение временных затрат на профессиональную подготовку специалиста и его адаптацию.

Таким образом, эффективная реализация кадровой политики промышленных предприятий, способствующая качественной профессиональной подготовке квалифицированных кадров, адекватных реальным потребностям производства, безусловно, способствует сокращению структурного дисбаланса спроса и предложения рабочей силы на рынке труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов, В. Ф. Субфедеральный уровень промышленной политики: опыт, проблемы, пути совершенствования / В. Ф. Анисимов. – М.: Изд-во НОУ «ИСОМ», 2005. – 324 с.
2. Давыдова, Н. С. Промышленная политика на региональном уровне: цели, задачи и направления развития / Н. С. Давыдова, Е. В. Валова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. – 2004. – № 2. – С. 185-192.
3. Кувалин, Д. Б. Российские предприятия в конце 2014 г.: адаптация к кризисным явлениям в национальной экономике и взгляды на последствия экономических санкций / Д. Б. Кувалин, А. К. Моисеев; Российская академия наук. Институт народнохозяйственного прогнозирования. – Режим доступа: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=pub/kuv31> (дата обращения: 20.04.2015).
4. Основные показатели образования. Социальная сфера. Официальная статистика // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. – Режим доступа: http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/statistics/sphere/ (дата обращения: 21.04.2015).
5. Сведения о содействии занятости граждан за месяц / Комитет по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края. – Режим доступа: <http://www.uprzan.khv.ru.s2.gvirabi.com/home/ginok/statall/stat.aspx> (дата обращения: 21.04.2015).
6. Яковлева, Т.А. Прогнозный баланс инженерно-технических кадров с высшим образованием на примере Комсомольска-на-Амуре // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2014. – № III-2(19). – С. 96-101.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Например, Концепция развития промышленного производства в Хабаровском крае на 2007-2010 годы, утверждённая Постановлением Правительства края от 18 декабря 2006 г.

Усанов Г. И., Усанов И. Г., Бянкин А. С.
G. I. Usanov, I. G. Usanov, A. S. Byankin

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ИННОВАЦИОННО-АКТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ТРУДОДЕФИЦИТНОГО РЕГИОНА

SHAPING PERSONNEL POLICY AT INNOVATIVE ENTERPRISES LOCATED IN LABOR-DEFICIT REGIONS

Усанов Геннадий Иванович – доктор экономических наук, профессор кафедры «Менеджмент и организация промышленного производства» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 8-914-773-1993. E-mail: Usanov_G@mail.ru.

Mr. Gennady I. Usanov – Dr.habil. of Economics, Professor, Department of Management and Industrial Engineering, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur; + 7 (914) 7731993. E-mail: Usanov_G@mail.ru.

Усанов Илья Геннадьевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент и организация промышленного производства» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 8-914-177-4127. E-mail: Ilya_Usanov1@mail.ru.

Mr. Ilya G. Usanov – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Management and Industrial Engineering, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur; + 7 (914) 1774127. E-mail: Ilya_Usanov1@mail.ru.

Бянкин Антон Сергеевич – старший преподаватель кафедры «Менеджмент и организация промышленного производства» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 8-909-860-9388. E-mail: Anton.Byankin@yandex.ru.

Mr. Anton S. Byankin – Senior Lecturer, Department of Management and Industrial Engineering, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur; + 7 (909) 9099388. E-mail: Anton.Byankin@yandex.ru.

Аннотация. В статье изложены результаты исследования теоретических и методологических основ научной категории «кадровый потенциал». Предложена концептуальная модель формирования кадровой политики инновационно-активных организаций на базе реализации трансформационного подхода в менеджменте.

Summary. In this paper, we present the results of our research on the theoretical and methodological framework of the concept ‘human resources’. We propose a conceptual model of shaping the personnel policy of innovation-focused organizations relying on the transformation approach in management.

Ключевые слова: трудовой потенциал, кадровый потенциал, кадровая политика, трансформация бизнеса.

Key word: labor potential, human resources, staffing policy, business transformation.

УДК 331.5(571.6)

В условиях трудодефицитного региона всё возрастающее значение для развития предприятий различных сфер деятельности и форм собственности приобретает человеческий фактор, который сегодня становится важнейшим ресурсом, ограничивающим возможности преобразования (трансформации) любого бизнеса.

Вместе с тем современные условия хозяйствования характеризуются быстрыми и существенными изменениями во всех сферах деятельности, что в свою очередь ведёт к изменениям требований к кадровому обеспечению процессов трансформации (преобразований) и поиску новых подходов к формированию кадровой политики инновационно-активных организаций.

Экономико-демографические проблемы Дальнего Востока заставляют переосмыслить теоретические подходы к реализации кадровой политики промышленных предприятий. Для эффективного функционирования инновационно-активных предприятий необходимо инвестировать средства не только в производство, но и в человеческий капитал. Поэтому одной из главных задач на современном этапе развития Дальневосточного региона становится поиск путей совершенствования системы формирования и использования кадрового потенциала предприятий в условиях дефицита трудовых ресурсов.

В современной литературе кадровый потенциал организации (от лат. *potentia* – возможность, мощь, сила) трактуется, с одной стороны, как общая (количественная и качественная) характеристика персонала как одного из видов ресурсов, связанная с выполнением возложенных на него функций и достижением целей перспективного развития предприятия; с другой стороны, кадровый потенциал – это имеющиеся и потенциальные возможности работников как целостной системы (коллектива), которые используются или могут быть использованы в определённый момент времени.

Кадровый потенциал является основой (составной частью) трудового потенциала предприятия и в большинстве экономических источников названные термины используются как синонимы. Чтобы понять всю сущность эволюции данных понятий, необходимо рассмотреть историко-методологические аспекты их применения в социально-экономических науках, поскольку разработка регулирующих мер, направленных на развитие кадрового потенциала, должна иметь под собой теоретическую основу, аккумулирующую лучшие достижения экономической и управленческой мысли, определяющую применимость существующих концепций и моделей к современным условиям и объясняющую новые явления в сфере труда.

Потребность в такой теоретической основе, в научном осмыслении процесса формирования содержания кадрового потенциала, в разработке новых методических основ оценки данного потенциала, учитывающих особенности влияния совокупности политико-правовых, социально-экономических, демографических, научно-технических и других факторов, становится все более и более насущной, особенно для организаций трудодефицитных регионов, таких как Дальний Восток.

Со времен классиков экономической теории трудовой ресурс находится в центре внимания исследователей. К. Маркс рассматривал его с позиции стоимости рабочей силы, А. Смит включал квалифицированных специалистов в состав национального богатства, Т. Шульц и Г. Беккер положили начало теории человеческого капитала. С тех пор изучению экономических, социальных, демографических и других проблем использования человеческих ресурсов и их трудового потенциала посвящено большое количество работ зарубежных и отечественных ученых.

При широте и разнообразии предыдущих исследований современные социально-экономические условия развития страны обуславливают необходимость продолжения научной работы в направлении поиска возможностей развития кадрового потенциала организаций средствами, адекватными современным условиям. Динамичные условия современной экономики требуют поиска новых подходов, адекватных происходящим социально-экономическим трансформациям в обществе.

«Кадровый потенциал предприятия» – достаточно распространенный термин. Это предмет многих научных исследований. Однако, как свидетельствует анализ специальной

литературы, среди ученых и практиков до сих пор нет единых представлений о сущности и содержании понятия и не определены общие подходы к решению теоретико-методологических проблем, входящих в сферу этого понятия.

Систематизация взглядов современных отечественных и зарубежных исследователей на категорию «кадровый потенциал» приводит к выводу об их разнонаправленности и, как следствие, неустойчивости определения самой категории.

Особенности развития отечественной науки, связанные с переходом от одной экономической системы к другой, обусловили разнообразие и вместе с тем некоторую несопоставимость научных терминов, поэтому наряду с заимствованными из зарубежной теории терминами и определениями отечественными учеными зачастую употребляется терминология предшествующего экономического уклада.

По настоящее время отсутствует единое мнение относительно содержания понятий «трудовой потенциал» и «кадровый потенциал». Большинство исследователей настаивают на равнозначности этих категорий. В трактовке соотношения категорий «кадровый потенциал» и «трудовой потенциал» нет единства мнений среди экономистов и социологов. Многие из них исходят из их отождествления. Помимо этого, одни предлагают определять трудовой потенциал как совокупность физических характеристик, теоретических знаний, практического опыта и индивидуальных особенностей работников, другие рассматривают трудовой потенциал предприятия как существующие и потенциальные возможности работников по реализации их количественных и качественных характеристик в конкретных социально-экономических и производственно-технических условиях.

Несмотря на идентичность понятий «трудовой потенциал» и «кадровый потенциал» в широком смысле слова, имеет место дифференциация их использования для экономических систем различного уровня. Категория «трудовой потенциал» чаще применяется на макроуровне (национальная или территориальная экономическая система), а «кадровый потенциал» – на микроуровне предприятий или организаций [4].

Завершая анализ концептуальных подходов к определению категории кадрового потенциала, следует отметить, что в настоящее время сформировались три подхода к толкованию данной категории: ресурсный, личностный и интегральный.

В соответствии с ресурсным подходом кадровый потенциал характеризуется как наличные ресурсы труда, совокупность количественных и качественных характеристик персонала предприятия, социально-экономическая категория, которая в первую очередь отражает совокупность штатных работников, носителей потенциальных результатов труда.

В соответствии с личностным подходом кадровый потенциал есть форма воплощения личностного фактора производства в труде как мера имеющихся характеристик и возможностей человека, которые формируются в процессе жизни, реализуются в трудовом поведении и определяют реальную способность к высокопроизводительному труду.

В соответствии с интегральным подходом кадровый потенциал есть потенциал самого процесса труда, результаты которого отражают совокупность характеристик и возможностей труда работников, а также их способности развивать в процессе труда свои знания, умения и навыки. Интегральный подход, по сути, объединяет ресурсный и личностный подходы.

Рассматривая различные составляющие понятия «кадровый потенциал» как источника качественных сдвигов в экономическом развитии, приходим к выводу, что основным содержанием понятия является работник как главная производительная сила со всеми его личностными характеристиками, а также результативность и эффективность его деятельности.

Таким образом, в теорию и практику менеджмента входят и получают экономическую оценку в той или иной степени конкретные количественные и качественные характеристики кадрового потенциала, такие как численность, структура, знания, профессиональный состав, квалификация, результативность, навыки, накопленный производственный опыт, здоровье, образование, профессионализм, способность к творчеству, нравственность, разностороннее развитие, активность и др.

Современная трактовка категории «кадровый потенциал» [1] рассматривает совокупного работника не просто как участника производства, а как неотъемлемое и движущее начало всех стадий инновационных процессов, который выполняет функцию целеполагания, объективно порождает и субъективно задает стратегические и тактические цели развития экономики первичного хозяйственного субъекта.

Л. Д. Гармиде [3, 94], рассматривая понятие «кадровый потенциал» с философской точки зрения, сформулировал определение кадрового потенциала предприятия как социально-экономического явления. На его взгляд, кадровый потенциал предприятия – это «социально-экономическое явление, которое отражает всю совокупность отношений (экономических, социальных, организационных, личностных и др.), связанных с предприятием и получением желаемого результата, а также зависящее от условий процесса производства, распределения, обмена и потребления рабочей силы».

Произведенный анализ эволюции теории и методологии менеджмента в области управления трудовыми ресурсами позволил авторам сформулировать концептуальные основы трансформационного подхода к управлению персоналом инновационно-активных предприятий, основанном на новом определении понятия «кадровый потенциал».

В соответствии с предложенной концепцией кадровый потенциал организации – это совокупная способность физических и интеллектуальных свойств (знаний, умений, навыков) лучшей части работников предприятия, обладающих необходимыми компетенциями достигать в заданных условиях и в перспективном будущем наивысших результатов в производственной деятельности, самосовершенствоваться в процессе трудовой деятельности и решать инновационные задачи, возникающие в непрерывном процессе трансформации (преобразования) организации.

Блок-схема формирования кадровой политики инновационно-активных организаций в условиях трудodefицитного региона приведена на рис. 1.

Предложенная формулировка кадрового потенциала организации отражает в себе основное условие её успешного функционирования, которым при современном уровне развития производительных сил является непрерывный процесс трансформации (преобразования) её внутренней среды посредством реализации продуктовых и технико-технологических инноваций, логистических и организационно-управленческих нововведений, адекватных возросшей динамичности внешнего окружения бизнеса.

Содержание этапов формирования кадровой политики отражают основные концептуальные положения трансформационного подхода кадрового обеспечения стратегии и тактики трансформации (преобразования) бизнеса посредством реализации различных инновационных программ и проектов.

Предложенная трансформационная концепция кадрового обеспечения, помимо целевой ориентации на преобразование самого бизнеса, в частности совершенствования продуктов (видов деятельности) и материально-технической базы их производства, обуславливает необходимость трансформации самого трудового коллектива, направленной на оптимизацию численности, структуры и качественных характеристик персонала, а также программ его развития.

Предлагаемая к обсуждению организационная модель формирования кадровой политики трансформируемой организации на этапе 4 (см. рис. 1) предполагает необходимость диагностики состояния и использования имеющихся в наличии трудовых ресурсов по основным профессиональным группам: административно-управленческий персонал, служащие и специалисты, основные и вспомогательные рабочие, младший обслуживающий персонал.

По каждой из перечисленных групп предлагается производить рейтинговую оценку результативных, профессионально-компетентностных и личностных показателей работников (см. табл. 1). Для оценки можно использовать традиционную пятибалльную шкалу: 5 – отлично, 4 – хорошо, 3 – удовлетворительно, 2 – плохо, 1 – очень плохо.

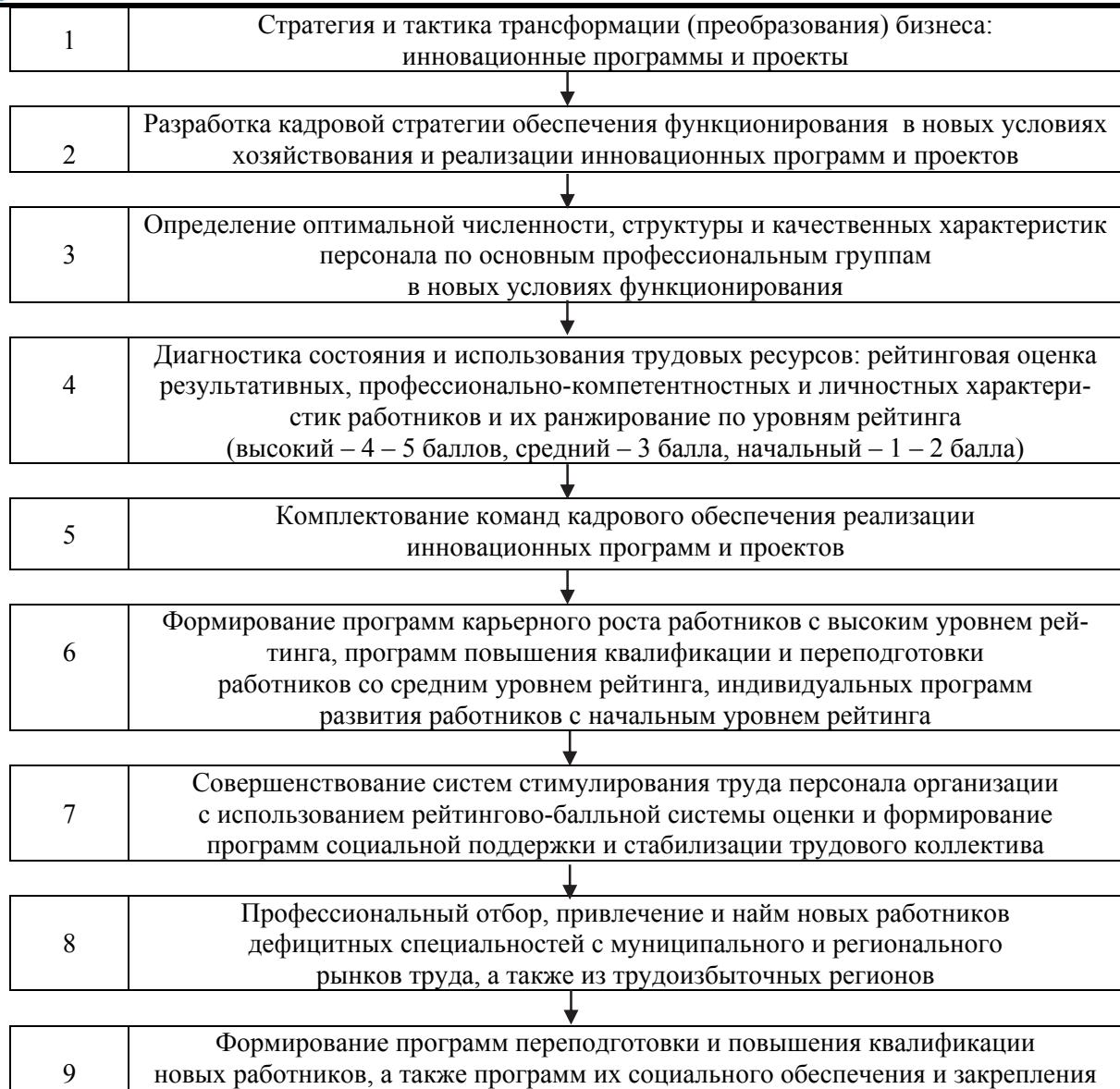

Рис. 1. Блок-схема формирования кадровой политики инновационно-активных организаций в условиях трудодефицитного региона

В качестве результативных показателей деятельности персонала могут быть использованы показатели, отражающие интенсивность, инновационность труда, качество выполняемых работ.

В качестве профессионально-компетентностных показателей могут быть использованы ключевые компетенции, отражающие уровень знаний, умений, навыков работников конкретных профессиональных групп и профессий, а также применение в работе достижений науки и передовых методов труда.

Для оценки личных качеств персонала могут быть использованы следующие показатели: непрерывный стаж работы в организации, состояние здоровья, возраст, привычки, навыки корпоративной культуры.

Результативные, профессионально-компетентностные и личностные показатели деятельности персонала, а также их значимость (весовой коэффициент) с учетом функциональной специализации работника (административно-управленческий персонал, специалисты и служащие, основные и вспомогательные рабочие) разрабатываются каждой организацией

самостоятельно с учетом своей отраслевой специфики, масштабов деятельности и особенностей избранной стратегии развития.

Таблица 1

Форма рейтинговой оценки сотрудников организации

	Результативные профессиональные и личностные показатели работника	Весовой коэффициент показателя	Балльная оценка показателя	Взвешенная оценка показателя
1	Результативность деятельности			
1.1	...			
1.2	...			
2	Профессиональные компетенции			
2.1	...			
2.2			
2	Личностные качества			
2.1	...			
2.2	...			
ИТОГО				

Работники с высоким уровнем рейтинга в 4 – 5 баллов олицетворяют собой элиту – «золотой фонд» персонала организации, из которого формируются команды кадрового обеспечения реализации инновационных программ и проектов, а также кадровый резерв управленцев.

Работники со средним и начальным уровнем рейтинга нуждаются в развитии профессиональных компетенций и личностных качеств. Для них предприятия должны разрабатывать программы повышения квалификации, переподготовки и индивидуального обучения.

Хозяйствующие субъекты трудоизбыточных регионов, минимизируя затраты на подготовку и развитие персонала, предпочитают осуществлять найм работников необходимой квалификации и в заданном количестве с рынка труда. При этом государство через систему начального, среднего, высшего и послевузовского образования, а также центров занятости населения несет бремя затрат на подготовку и переподготовку кадров.

Возможности же реализации подобной кадровой политики у инновационно-активных предприятий в условиях трудодефицитного региона существенно сокращаются, поэтому у этих предприятий остается только две альтернативы: развитие кадрового потенциала имеющегося персонала и привлечение квалифицированных специалистов из трудоизбыточных регионов. Любая из этих альтернатив требует существенных первоначальных затрат, которые в обязательном порядке должны учитываться при оценке инвестиционной привлекательности инновационных программ и проектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берглезова, Т. В. Проблемы управления процессами формирования и использования кадрового потенциала предприятия / Т. В. Берглезова // Кадровый менеджмент. – 2010. – № 2.
2. Вотякова, И. В. Кадровый потенциал организации: современный аспект инновационного развития: моногр. / И. В. Вотякова. – М.: ГОУ ДПО ГАСИС, 2007. – 104 с.
3. Гармидер, Л. Д. Содержание понятия кадрового потенциала предприятия в динамичных условиях современной экономики // Бюллетень Международного Нобелевского экономического форума. – 2011. – № 1(4). – С. 93-99.
4. Симоненко, В. Н. Мотивация и материальное стимулирование развития трудового потенциала Российской Федерации: моногр. / В. Н. Симоненко. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. – 294 с.

Несмачных О.В., Назарова О.В.
Nesmachnykh O. V., Nazarova O.V.

МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАТЕГИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КЛАСТЕРА

A METHOD FOR ASSESSING THE SUCCESS OF AN INDUSTRIAL CLUSTER'S FUNCTIONAL STRATEGY

Несмачных Ольга Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов Национального минерально-сырьевого университета «Горный» (Россия, Санкт-Петербург).

Ms. Olga V. Nesmachnykh – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Finance, National Mining University (Russia, St.Petersburg).

Назарова Ольга Витальевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов Национального минерально-сырьевого университета «Горный» (Россия, Санкт-Петербург).

E-mail: n.o.v@bk.ru

Ms. Olga V. Nazarova – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Finance, National Mining University (Russia, St.Petersburg). E-mail: n.o.v@bk.ru

Аннотация. В статье предложена методология оценки эффективности стратегии функционирования промышленного кластера, включающая принципы оценки эффективности, обоснование и выбор критериев эффективности, обоснование использования инструментария системы сбалансированных показателей, методику построения экономико-математической модели промышленного кластера и комплексную методику оценки эффективности промышленного кластера. Разработаны принципы оценки эффективности кластера, включающие принцип максимального охвата и многокритериальности оценки. Оценка эффективности проведена по двум критериям: оценка динамики выручки кластера и оценка степени достижения стратегических целей кластера в трёх функциональных сферах: производственно-экономической, инновационной и социальной. Обосновано проведение оценки в трёх вышеописанных сферах. Показаны этапы использования методологии для оценки эффективности промышленного кластера.

Summary. The paper suggests an efficiency assessment methodology for evaluating the success of a functional strategy of an industrial cluster. The methodology includes efficiency assessment principles, justification and choice of efficiency criteria, justification of the application of balanced scorecard, a technique for building the mathematical economic model of an industrial cluster, and an integrated technique for an industrial cluster's efficiency assessment. We propose a range of principles for efficiency evaluation including maximum coverage and multi-criteria assessments. The efficiency evaluation relies upon two criteria: assessment of the cluster's revenue dynamics and assessment of the extent to which the strategic goals of a cluster have been reached in three functional areas: production and finance, innovation, social sphere. We provide justification for the carrying out of assessment in the three above described areas and demonstrate consecutive milestones of the methodology as applied to the efficiency assessment of an industrial cluster.

Ключевые слова: оценка эффективности, промышленный кластер, экономико-математическая модель, система сбалансированных показателей эффективности.

Key words: efficiency evaluation, industrial cluster, mathematical economic model, balanced scorecard.

УДК 330.342

Особенности развития современного типа экономики предполагают усиление глобализации, регионализации, а также перенос акцентов на стимулирование инновационного развития и развития высокотехнологичных отраслей. Формирование интегрированных структур обусловлено усилением конкуренции, недостатком ресурсов для эффективного обособленного развития предприятий, а также стремлением компаний к увеличению доходности и сни-

жению издержек. Практика большинства развитых европейских стран показывает, что наиболее эффективным фактором конкурентоспособного экономического развития является формирование территориально-отраслевых кластеров. Успешное формирование и эффективное функционирование промышленных кластеров позволяет преодолеть научно-техническое отставание, осуществить модернизацию промышленных предприятий, повысить экономический и инновационный потенциал регионов, их конкурентоспособность и качество жизни населения.

Комплексная оценка эффективности функционирования промышленного кластера необходима для качественного мониторинга его текущей деятельности, оценки достижения стратегических целей и координации развития различных сфер деятельности кластера. Методология оценки комплексной эффективности промышленного кластера включает принципы оценки эффективности, обоснование системы критериев и показателей эффективности в трёх функциональных сферах достижения стратегических целей кластерного образования, обобщение и систематизацию факторов функционирования промышленного кластера, обоснование выбора инструментария и разработку модели оценки эффективности деятельности кластера, позволяющую учесть степень достижения его целей не только на микро- и макроуровнях, но и в разрезе инновационной, экономической и социальной стратегий деятельности структуры.

Основными принципами оценки комплексной эффективности промышленного кластера являются принцип максимального охвата, соответствия выбранных критериев оценки целям функционирования кластера, принцип многокритериальности оценки. Так, например, принцип максимального охвата означает, что для определения эффективности работы кластера необходимо разработать единую систему критериев, включающую необходимое количество показателей и позволяющую адекватно оценить многогранную успешность сотрудничества всех заинтересованных сторон.

Необходимо отметить, что понятие «промышленный кластер» несёт в себе ряд специфических особенностей, которые необходимо учесть при оценке эффективности стратегии его функционирования. Одной из важнейших его особенностей является структура, которая включает преимущественно крупные промышленные предприятия или формируется по принципу «ступица – спицы», т.е. в центре крупная производственная компания, которая сотрудничает с множеством мелких организаций. Кластерная рента в таких структурах формируется в производственной сфере, т.к. на оптимизацию производства и совместное использование оборудования и других ресурсов направлено создание промышленного кластера. Оценка производственно-экономической эффективности необходима, т.к. основные результаты создаются именно в этой сфере.

Помимо структуры особенностью промышленного кластера является инновационное развитие и использование инноваций в производстве продукции. Эта особенность отличает кластер от других форм интеграции и характеризует специфику современной информационной экономики. Кроме того, нельзя забывать и о том, что цели кластера должны быть согласованы с целями федерального, регионального и местного бюджетов, в которых инновационное развитие занимает первоначальные позиции. Наряду с инновационными целями государство, как правило, ставит и социальные задачи. Поэтому оценка инновационной и социальной эффективности также является обоснованной и оправданной.

Выбор критериев эффективности функционирования кластера обоснован необходимостью контроля эффектов, возникающих в упомянутых сферах деятельности кластера. Наиболее важным критерием является повышение доходности кластерной структуры, которая достигается за счёт повышения эффективности использования ресурсов, трансфера технологий, совместной деятельности всех участников промышленного кластера. Вторым критерием является результативность деятельности кластера как степень достижения поставленных стратегических целей.

Для формирования системы оценки эффективности деятельности кластера нами выбрана система сбалансированных показателей эффективности (см. рис. 1). Система сбалансированных показателей эффективности (ССП) представляет собой комплекс взаимосвязанных показателей деятельности компании, сгруппированных в четырёх проекциях: финансы, клиенты, бизнес-процессы и обучение и развитие. На первом этапе необходимо выделить пересекающиеся сферы интересов и общие цели участников кластера, позволяющие сформулировать видение стратегии развития кластерного образования. Далее необходимо сформулировать пути достижения поставленных целей, т.е. критические факторы успеха (CSF – critical success factors). Более подробно с необходимыми корректировками CSF характеризуют ключевые показатели роста (KGI – key growth indicators), позволяющие поставить конкретные, количественно измеримые цели.

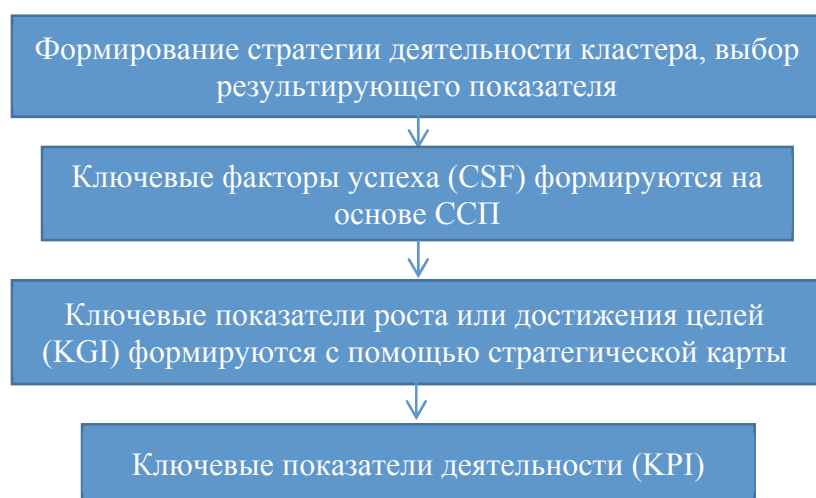

Рис. 1. Этапы формирования показателей эффективности промышленного кластера

Ключевые показатели деятельности кластера характеризуют степень достижения целей в соответствии с критериями эффективности. Выбор ключевых показателей осуществлялся с помощью экспертных методов, а также на основе стратегических программных документов развития исследуемого кластера.

Использование инструмента сбалансированных показателей (BSC) позволяет на основе выделения основных проекций, отображающих наиболее существенные взаимосвязи параметров финансового состояния кластера в тесной увязке с основными параметрами производственной деятельности, инвестиционной деятельности, параметрами внешней среды, сформировать систему основных показателей, характеризующих качество работы участников кластера.

Построение стратегической карты промышленного кластера включает 3 этапа:

1. Построение стратегических карт отдельных компаний и организаций, включённых в состав кластера на этапе формирования.
2. Учёт целей и задач федеральных и региональных программ развития.
3. Определение общего поля интересов участников кластера и формирование стратегической карты кластера.

Общий вид стратегической карты, представляющей собой диаграмму причинно-следственных связей между ключевыми показателями деятельности промышленного кластера и сгруппированной в соответствии с основными сферами формирования кластерной ренты, показан на рис. 2.

В диаграмме причинно-следственных связей выделены показатели, оказывающие влияние на KPI и систему оценки эффективности в целом. Отбор показателей был произведён на основе выявления влияния каждого из ключевых показателей на результирующий показатель (выручка кластера). Корреляционно-регрессионный анализ, характеризующий воздействие ряда показателей на выручку кластера, позволяет выделить значимые и незна-

чимые показатели на основе величины коэффициента при неизвестном. Таким образом, нами были отсеяны все незначимые показатели и оставлены только те показатели в каждой сфере, которые оказывают существенное влияние на конечный показатель [2].

Итоговая система ключевых показателей содержит подсистему для оценки результативности кластера на микроуровне (уровне участника кластера) и на макроуровне (уровне региона). Ключевые показатели эффективности определены в производственно-экономической сфере, инновационной сфере и социальной сфере работы инновационно-технологического кластера. Фрагмент системы ключевых показателей деятельности для микроуровня (производственное предприятие) представлен в табл. 1.

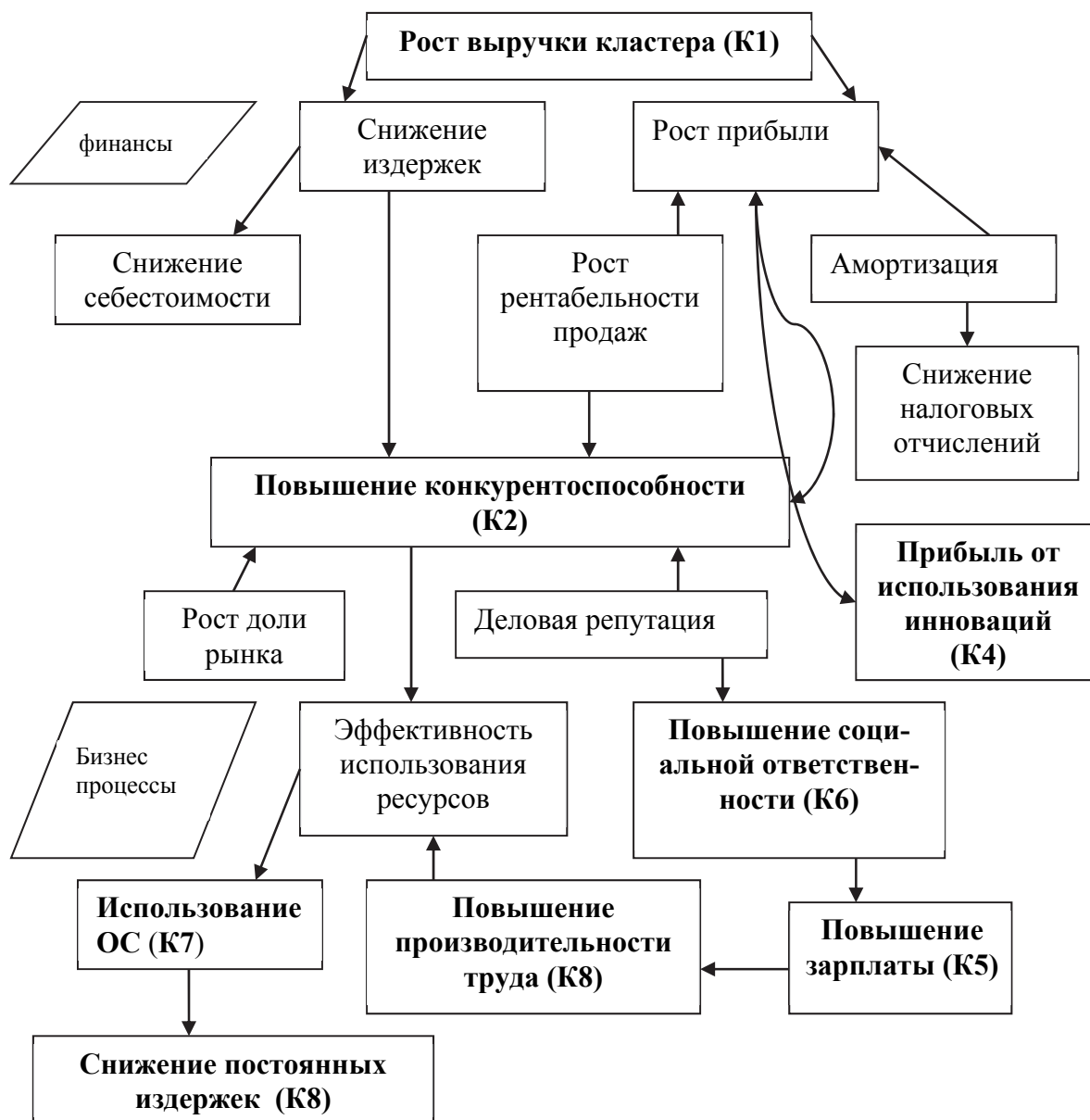

Рис. 2. Стратегическая карта промышленного кластера

В каждой сфере выделено два показателя роста, которые определены через ряд ключевых показателей стратегической карты. Каждому ключевому показателю эффективности задаётся целевое значение, которого он должен достичь через определённое время. Целевое значение показателей является своего рода индикатором эффективности реализации стратегии.

Достигнуты ли цели в рамках отдельной сферы эффективности, можно определить, сравнивая значение каждого фактора стоимости с его целевым значением по формуле

$$J_n = \frac{y}{y_{\max}},$$

где y – фактическое значение ключевого показателя эффективности; y_{\max} – целевое значение ключевого показателя эффективности.

Таблица 1

Система ключевых показателей деятельности участника кластера

Ключевые параметры деятельности	Вес параметра	Рекомендуемое значение	Показатели оценки	Расчёт
К1 – рост дохода предприятия	0,5	$K_{\text{выр}} \geq 1$ $K_{\text{с/с}} \leq 1$	- коэффициент динамики выручки; - коэффициент снижения себестоимости; - динамика производительности труда	$K_{\text{выр}} = \frac{\text{Выручка}_i}{\text{Выручка}_0}$ $K_{\text{с/с}} = \frac{C/c_i}{C/c_0}$
К2 – конкурентоспособность предприятия	0,5	$D \geq 1$ $R \geq 0,1$	- динамика относительной доли рынка; - рентабельность продаж; - деловая репутация (оценивается с помощью экспертных оценок)	$D = \frac{D_i}{D_0};$ $D_i = \frac{D_{\text{предп}}}{D_{\text{кр.конк}}}$ $R = \frac{\text{Чистая_прибыль}}{\text{Выручка}}$

Расчёт индексов по каждой сфере оценки эффективности предлагается проводить по формуле

$$J_{nj} = \frac{J_1 \cdot y_1 + J_2 \cdot y_2 + \dots + J_n \cdot y_n}{n},$$

где J_{nj} – индекс развития j -й сферы; J_1, J_2, \dots, J_n – подиндексы показателей достижения стратегических целей j -й сферы; y_1, y_2, \dots, y_n – веса стратегических целей j -й сферы.

На основе этих данных можно определить эффективность стратегии функционирования промышленного кластера согласно основному критерию эффективности – результативности деятельности.

Таким образом, нами разработана методология оценки эффективности стратегии функционирования кластера, включающая принципы и критерии оценки эффективности, выбор инструментария, методику формирования диаграммы причинно-следственных связей, характеризующей площадь общих целей участников кластера и позволяющей оценить их взаимосвязи, и методику оценки эффективности кластера. Использование разработанной методологии для целей оценки эффективности стратегии функционирования промышленного кластера позволяет оценить степень достижения целей кластера в трёх сферах эффективности: производственно-экономической, инновационной и социальной, что даёт возможность корректировки целей в каждой из сфер и распределения бюджетных средств неравномерно, согласно приоритетности целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегическая оценка деятельности инновационно-активных предприятий / В. В. Платонов, К. А. Овсянка, А. Г. Айрапетова, И. И. Дюков. – Спб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012.
2. Несмачных, О. В. Оценка эффективности реализации финансовой стратегии предприятия на основе сбалансированной системы показателей / О. В. Несмачных, В. В. Литовченко. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2007.

Иванов Ант. А.**A. A. Ivanov****ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ: ИСТОРИЯ ДЕПОПУЛЯЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ. – ВЛАДИВОСТОК: ДАЛЬНАУКА, 2015. – 327 С.****DALNIY VOSTOK ROSSII: ISTORIYA DEPOPULATSII I TENNOLOGII EE PRE-ODOLENIYA. – VLADIVOSTOK: DALNAUKA, 2015. – 327 S. (RUSSIA'S FAR EAST: THE HISTORY OF DEPOPULATION AND METHODS OF COPING WITH THE PROBLEM. – VLADIVOSTOK: DALNAUKA PUBLISHING, 2015)**

Иванов Антон Анатольевич – кандидат культурологии, доцент кафедры «Лингвистика и межкультурной коммуникации» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 81/4, кв. 49, 8-924-227-12-66. E-mail: humungus72@mail.ru.

Mr. Anton A. Ivanov – PhD in Cultural Studies, Senior Lecturer, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 81/4 Lenin Str., ap. 49, Komsomolsk-on-Amur, 681035; +7 (924) 2271266. E-mail: humungus72@mail.ru.

В рамках научно-исследовательской работы, которая проводилась группой ученых и преподавателей Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, в этом году опубликован научный труд «Дальний Восток России: История депопуляции и технологии ее преодоления». Представленная книга вызывает большой интерес, учитывая то обстоятельство, что демографическая ситуация на Дальнем Востоке остается одной из самых проблематичных для российского государства. Содержание книги представляет собой масштабное комплексное исследование важной проблемы, значимой в целостном рассмотрении таких ее аспектов, как: исторический, экзистенциально-аксиологический, культурологический, социально-психологический.

Угрожающая социально-демографическая ситуация на Дальнем Востоке России – массовая миграция работоспособного населения – сложнейшая проблема как с социально-экономической, так и с экзистенциальной и культурологической точек зрения. Структура данной книги иллюстрируют главную идею авторов, что решение этой проблемы лежит не только и не столько в экономической плоскости, сколько в плоскости гуманитарных технологий проектирования и корректировки мифологических представлений, социальной и культурной политики и межкультурных коммуникаций.

Авторы дают научную оценку историческим процессам, имеющим в большей степени социально-психологическую природу, которые сформировали в сознании жителей представление о пространстве Дальнего Востока как о месте временного пребывания «на задворках» географии и истории.

Работа состоит из четырех частей: первая часть – историческая, написанная проф. Ж. В. Петруниной, доц. А. В. Ахметовой и доц. Д. В. Кибой. Она посвящена истории освоения Дальнего Востока России. Глава «Проблемы освоения Дальнего Востока России с середины XVII в. по настоящее время» описывает циклы роста и сокращения населения в регионе, политико-правовые и экономические аспекты регионального развития и международные отношения.

Вызывает интерес второй раздел – один из самых неоднозначных, но важных в теоретико-методологическом плане. Он посвящен мифу Дальнего Востока и рекомендациям по корректировке этого мифа. Автор главы проф. А.А. Шунейко выявляет миф о пространстве Дальнего Востока в трех текстуальных областях: литературном, повседневном (бытовые мифы, сельский/городской фольклор), апофатическом. В результате автором выявлены следующие семантические комплексы мифологического хронотопа Дальнего Востока: 1) ДВ – не

Россия (143), он вне ее; 2) ДВ – этой «край», «конец света» (144), трансгрессивное пространство, в котором «существование... воспринимается как неустойчивое балансирование и борьба за выживание» (144); 3) ДВ «безбрежен и безграничен» (144), и человек не способен обжить это пространство; 4) выталкивающий эффект – «с ДВ необходимо как можно скорее уезжать» (145); 5) замедленное время пребывания на ДВ, отсутствие настоящего; 6) отсутствие в структуре топологического мифа «единого центра, доминирующего организующего начала или отправной точки» (146). В книге содержатся рекомендации по коррекции мифа и повышению привлекательности региона.

Безусловной этнографической значимостью обладает собранные автором мифы и легенды о пространстве Дальнего Востока. Соглашусь с А.А. Шунейко, что, будучи изданными отдельной книгой с надлежащей литературной обработкой, фотографиями и яркими (лучше в жанре хоррор) иллюстрациями, эти рассказы могли бы стать занимательным сборником современного дальневосточного фольклора.

Третья, культурологическая часть принадлежит перу трех ученых. Проф. Я.С. Иващенко исследует взаимоотношения культур автохтонного населения и переселенцев. Интересен в этом смысле вариант заимствования элементов культурного наследия коренных жителей для укоренения неавтохтонного населения в регионе. Проф. Т.А. Чебанюк скрупулезно анализирует социально-культурную инфраструктуру г. Комсомольска-на-Амуре и те услуги в сфере культуры, которые предлагают нам существующие в городе учреждения. Этот раздел высказывает, пожалуй, одну из самых важных и очевидных мыслей, на которую обычно не обращают внимания в ходе экономических и социальных дискуссий о состоянии региона. В современной парадигме пространство, в котором хочется остаться жить, – это место полноценного личностного развития, а не только выполнения своих профессиональных функций и борьбы за уровень доходов.

Третий культурологический раздел посвящен межкультурной коммуникации как средству борьбы с негативным мифом о ДВ. Автор этого раздела, проф. О.Б. Горобец, стремится развенчать миф об оторванности и закрытости города Комсомольска-на-Амуре для внешних культур и деловых интересов. Актуализация интернациональных экономических проектов и привлечение транснациональных корпораций в деловую активность города могут обеспечить не только его экономическое развитие, но и позитивные социокультурные изменения. Автор в итоге формулирует конкретные рекомендации в сфере менеджмента и администрирования для улучшения наличного положения дел в городе.

Вызывает интерес раздел книги, содержащий анализ социально-психологического самочувствия детей и молодежи в регионе. Основательная аналитика позволяет авторам проф. Н.Ю. Костюриной и А.Г. Филипповой анализировать «экзистенциальную проблематику преодоления депопуляции» в регионе, работая на формирование положительного отношения к ДВ у самой перспективной его части.

Заключительная глава книги, принадлежащая перу проф. Т.Е. Наливайко, доц. А.А. Меньшикова, Н.В. Кудряковой, М.В. Шинкорук, посвящена анализу социально-психологического самочувствия взрослого населения. И здесь итоги неоднозначны: результаты опросов о социальных и экономических условиях, словно повторяя мифологию ДВ в цифрах, говорят о достаточно низкой оценке уровня жизни в регионе.

Сложно не согласиться и с мнением руководителя творческого коллектива исследователей проф. И.И. Докучаева, что депопуляция региона не только связана с социально-экономическими условиями жизни, но и прочно базируется на культурно-психологической почве. Представленная в книге концептуальная схема анализа, в центре которой «экзистенциально-мифологические аспекты» (15), а вокруг «политико-правовые, экономические, социально-культурные и психологические» (15), представляет свежий взгляд на проблему, предлагающий нестандартные подходы ее решения.

И по поводу этой концептуальной схемы хочется упомянуть о «ложке дегтя» для этой «бочки с медом». На мой взгляд, печально, что в борьбе с мифом пространства ДВ у некото-

рых авторов в арсенале есть только другие мифы, а не реальность. По существу в стиле вполне передовых технологий работы с населением нам предлагается наличные мифы скорректировать или заменить другими.

Очень показателен следующий пассаж И.И. Докучаева: «Страх перед неизвестным, заманчивость реально поступающих предложений, критика мифа «прекрасного далека», все это вместе взятое – важнейшие психологические аспекты технологии закрепления молодежи в регионе» (14). Ему содержательно противоречит предложение А.А. Шунейко по воссозданию мифа о покорении неизвестных пространств, направленное к молодежи: «можно актуализировать существующие в языковом сознании семантические комплексы, связанные с различными аспектами утверждения преимущества ... положения человека на краю чего-либо» (147). Пафосный миф познания неизведанного носит сейчас более центростремительный, чем центробежный характер. Молодое, перспективное, образованное население сейчас стремится из периферии в центр, а не наоборот, как это было в «романтические годы» советских «строек века». Такая борьба с огнем с помощью ответного огня оставляет надежду, что со сменой мифа, поменяется и реальность.

Еще одна ложка дегтя – это наличие опечаток в некоторых разделах книги, что несколько не уменьшает ее теоретическую и научную значимость.

Однако, вопреки субъективным сомнениям и объективным недочетам, книга не только актуальна в общетеоретическом и методологическом плане, но и в крайней степени злободневна в плане практико-прикладной ориентированности гуманитарных исследований. Каждый раздел книги содержит оценки, прогнозы и практические советы по коррекции ситуации в регионе. Представленное монографическое исследование представляет как научный, так и, несомненно, практический интерес. Фактически книга направлена не только на научную общественность, но и полезна для представителей административных органов и рядовых жителей региона.

Шунейко А. А. Матюшко А. В.
A. A. Shuneyko, A. V. Matyushko

ХАРАКТЕРИСТИКА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: ЧАСТЬ II – УРОВНИ ПРОВЕРКИ НА ИСТИННОСТЬ

SCIENTIFIC KNOWLEDGE: PART II, LEVELS OF VALIDITY TEST

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27. E-mail: shuneyko@ya.ru

Mr. Alexander A. Shuneyko – Dr.habil. of Philology, Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur, 681013. E-mail: shuneyko@ya.ru.

Матюшко Андрей Владимирович – соискатель кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27.

Mr. Andrey V. Matyushko – PhD Applicant, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur, 681013.

Аннотация. Работа является продолжением цикла материалов, в которых рассматриваются характеристические черты научного знания в соотношении с иными сферами познания и предпринимается попытка вычлнить признаки для идентификации научного знания.

Summary. This paper is a continuation of a series of materials investigating the characteristic features of scientific knowledge in relation to other spheres of human understanding. We make an attempt to single out the attributes of scientific knowledge enabling us to identify it distinctly.

Ключевые слова: уровни проверки на истинность, дискрипционный уровень проверки на истинность, феноменологический уровень проверки на истинность, субстанциональный уровень проверки на истинность, прогностический уровень проверки на истинность.

Key words: levels of validity test, descriptive validity test, phenomenological validity test, substantive validity test, prognostic validity test.

УДК 001

Базисным основанием любой науки является наличие той или другой импликации (или их совокупности). Импликация – утверждение, формализовано укладываемое в схему: если А, то В. Она, в отличие от иных типов отношений (конъюнкции, дизъюнкции), фиксирует наличие связи, констатация которой определяет характер научного поиска и его результативность. Но сама импликация как логическая процедура является необходимым, но не является достаточным признаком науки. Потому что импликации могут быть различных типов: истинные и ложные, прямые и скрытые. В то же время, наполнение чётко и последовательно реализованной в каком-либо тексте импликации само по себе (по своему внутреннему содержанию) может быть ложным (например, не соответствовать закону достаточного основания).

Следует помнить, что импликации присутствуют во всех без исключения сферах человеческой деятельности. Религиозная: если не будешь грешить, то тебе воздастся. Бытовая: если яйца варить десять минут, то они будут вкрутую. Художественная: если звезды зажига-

ют, значит это кому-нибудь нужно. В самой распространенности импликаций нет ничего удивительного, потому что они входят в природу языка и фиксируются условными, причинно-следственными отношениями.

Импликация в рамках науки становится актуальной (существует, обладает ценностью) не сама по себе, а исключительно в силу того, что она обязательно проходит испытание на истинность. Процедура проверки неотторжима от импликации: может её доказать, уточнить и заменить. Таким образом, наука – это сфера деятельности, в которой любая импликация обязательно подвергается перманентной проверке на истинность.

В иных сферах человеческой деятельности тоже могут осуществляться аналогичные процессы или их попытки, но они носят принципиально иной характер как по содержанию, так и по результату. Религиозная: здесь проверка импликаций на истинность сталкивается с некоторыми методологическими трудностями, связанными с верификацией фактов – воспроизводимость мистического опыта, загробное существование, статус высших сил, или не может быть произведена в рамках формализованных структур, ограниченных материальным планом реальности, или не осуществляется вовсе. Бытовая: здесь проверка импликаций на истинность либо не осуществляется вообще, либо носит единичный характер, либо сами импликации носят проскрипционный характер (если дождь, то бери зонт в тон верхней одежды). Художественная: здесь проверка импликаций на истинность зависит от автора, текста, обстоятельств. Сама природа художественного творчества состоит не в проверке импликаций, а в поиске новых импликаций, в их противопоставлении и обнаружении их всё большего количества. Главное в том, что проверка импликации на истинность нигде не является основной самостоятельной целью деятельности.

Таким образом, наука – это сфера деятельности, в которой любая импликация обязательно подвергается проверке на истинность; причем сама проверка является обязательной, основной самостоятельной целью. Сам факт проверки истинности уже имеющейся импликации является неотъемлемой частью науки и воспринимается как самостоятельная научная задача. Например, проверка утверждения равенства инерционной и гравитационной масс, постулированного Эйнштейном, непрерывно осуществляется с момента публикации уже почти в течение ста лет с всё более возрастающим уровнем точности, увеличивающимися материальными затратами, расширяющейся технической базой, разными методами, с применением различных физических эффектов. При этом проверку следует отличать от исполнения или реализации проскрипции. Так, люди всей своей жизнью могут проверять факт наличия благодати. В науке же осуществляется не следование проскрипции, а поиск новых механизмов проверки. Поиск механизмов проверки становится самостоятельной задачей.

Характер соотношения импликации и процедур проверки может осуществляться на четырех уровнях: дискрипционном, феноменологическом, субстанциональном и прогностическом. Сами процедуры проверки в том или ином виде существуют и в иных сферах познания, но строгое поуровневое соотношение между ними и импликациями там отсутствует. Количество уровней соотношения специфично для каждой области научного знания.

Первый уровень можно назвать дискрипционным. Он представляет собой достоверное описание, фиксацию факта или явления, а также их совокупности. Это описание (номинация) объявляется и предполагается самодостаточно ценным. По сути, это перечисление объектов и их характеристик и установление их имён. Здесь осуществляются ответы на вопросы: что, где, когда? Первый уровень присутствует во всех науках. На этом уровне останавливаются такие области знания: физическая география – географический объект (остров, гора) расположен по соответствующим координатам; этнография – в таком-то племени существуют такие-то ритуалы. Подчеркнём, что дискрипционный уровень не сводится к произвольной номинации: любая номинация обязательно проходит проверку на факт своего наличия в том или ином сегменте мира.

Второй уровень можно назвать феноменологическим, в смысле того, что в его рамках фиксируются феноменологические формулы, указывающие на наличие закономерности без объяснения её сущностной субстанциональной причины. Он представляет собой поиск и нахождение закономерностей, отражающих зависимость между объектом и его характеристиками. На этом уровне сам факт наличия закономерностей только констатируется. Фиксируется сам эффект как таковой. Здесь осуществляется ответ на вопрос: как, каким образом? Например: феноменологическая теория сверхпроводимости представила формулу, описывающую процесс без его объяснения. Ньютон в классической формуле тяготения описывает поведение взаимодействующих масс без объяснения причины. Хрестоматийным является ответ Ньютона на вопрос: почему так происходит: я гипотез не измышляю. Линеевская систематика. Закон Кулона.

Третий уровень можно назвать субстанциональным в том смысле, что он состоит в обнаружении сущности, вызывающей существование определенного явления. На этом уровне предлагается объяснение субстанциональных причин, вызывающих существование феноменологических формул. Здесь осуществляется ответ на вопрос: почему? На этом уровне могут осуществляться объяснения единственности, исключительности и уникальности закономерности или неформализованного явления. При этом все эти объяснения носят исключительно ретроспективный характер. Для постулируемых Ньютоном законов объяснением стала общая теория относительности Эйнштейна; в рамках которой изменение тензора пространственно-временного континуума объясняет существование тяготения. В случае с Кулоном – квантовая электродинамика. В случае с феноменологической теорией сверхпроводимости – куперовские пары. Линеевская систематика – эволюционная биология с половым и естественным отбором.

Некоторые науки останавливаются на этом уровне. Так, эволюционная биология работает только ретроспективно, перспективно она работать не может: не задаётся вопросом, какой будет канарейка через тысячу лет. При этом объяснение может быть единственным, как в приведенных выше примерах, так и множественным. При множественности гипотез всегда выбирается одна – случай с Меркурием. А в других науках сразу принимаются и существуют на равных основаниях несколько. Например, фрейдизм, юнгианство и психология Адлера – один и тот же набор фактов и явлений интерпретируются по-разному. В литературоведении наблюдается аналогичная картина.

Можно предположить, что на этом уровне и происходит водораздел либо между наукой и ненаукой, либо между естественнонаучным и гуманитарным знанием.

На каждом из уровней отсеивается то, что традиционно называется наукой. Либо это не науки вовсе. Либо это то, что еще не стало наукой. Либо как с животными и растениями происходят совмещения характеристик.

Но даже благополучно и последовательно прошедшие все эти три уровня теории могут оказаться ненаучными. Так, небесная механика Птолемея с её развитым математическим аппаратом, способностью предсказывать наблюдаемое перемещение небесных тел, работающая с повышающимся уровнем точности, впоследствии была отвергнута наукой.

Четвертый уровень можно назвать прогностическим в том смысле, что на нём осуществляется формулировка некоего нового проверяемого предсказания. Субстанциональная теория продуцирует проверяемые предсказания, которых не было прежде. В настоящее время физика, биология, геология, медицина демонстрируют наличие этого уровня. Например, теория струн не продуцирует проверяемых предсказаний, что даёт многим физикам основания воспринимать её как игру ума.

Все эти четыре уровня находятся в постоянном взаимодействии. В наиболее абстрактном виде оно может быть представлено так. В процессе существования научного знания постоянно взаимодействуют две линии: теория (в различной стадии её полноты: феноменологическом, субстанциональном и предсказательном) и поле объектов. Поле объектов – это всегда открытая совокупность фактов, явлений, феноменов, которые благодаря наблюде-

ниям и экспериментам попадают в сферу науки. Попадание осуществляется и как следствие целенаправленного поиска, индуцированного уже существующей теорией, и абсолютно случайно, вне зависимости от существующих теорий, как результат чисто эвристического поиска. Например, следствием целенаправленного поиска стало излучение Вавилова-Черенкова, а результатами случайного – открытие взаимосвязи электричества и магнетизма Ампером, рентгеновских лучей, радиоактивности Беккерелем, пироксилина. Теория и поле объектов динамически развиваются в сложных процессах взаимной обусловленности. То есть теория может давать направление поиска, а поле объектов видоизменять теорию, либо продуцировать новую теорию. Примером того, как теория даёт направление поиска, является открытие планет Уран, Нептун. Теория расширяет круг наблюдаемых объектов, позволяет увидеть то, чего раньше не замечали. Одновременно поле объектов продуцирует новые теории. Например, открытие радиоактивности Беккерелем потребовало пересмотра теории о незыблемости атомного ядра. На это в своей Нобелевской лекции обращал внимание В. Л. Фитч. Взаимная обусловленность теории и поля объектов может быть представлена как постоянное взаимодействие интерпретации и наблюдения, питающих друг друга продуцируемыми ими номинациями. Это многомерный нелинейный процесс.